

Следствие ведет Эва Дармас...

НОРА

№1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

РОБЕРТС

18+

ЗАБИРАЯ ЖИЗНИ

Annotation

Спокойствие заснеженного Нью-Йорка нарушает громкая новость: найден мертвым знаменитый музыкант. Выясняется, что на теле погибшего оставлено своеобразное послание в виде сердца с инициалами «Д» и «Э». Кто, а главное – зачем совершил жестокое убийство? Лейтенант Ева Даллас понимает, что в городе орудуют двое – мужчина и женщина, на чьем счету уже числятся подобные страшные преступления. У лучшего полицейского города и ее команды есть всего несколько дней, чтобы спасти очередную жертву и остановить злодеев, прежде чем их жуткая игра зайдет слишком далеко.

- [Нора Робертс](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

Нора Робертс

Забирая жизни

*Бесстыжи, как козлы, шальны, как обезьяны,
Как волк с волчихой, страстны...*

Уильям Шекспир

*Бесчеловечность человека к человеку
С печалью видим мы!*

Роберт Бернс

Глава 1

Первого убили случайно. Почти.

Захотелось приличную тачку – просто приличную, даже не крутую – их собственный драндулет закашлял, подергался и испустил предсмертный хрип, как только они пересекли границу Оклахомы с Арканзасом.

Что делать дальше, придумала Элла-Лу. Она всегда отличалась смекалкой и воображением, а после встречи с Дэррилом поверила, что мечты сбываются.

Она тогда работала в ковбойском баре захолустного местечка Драй-Крик, которое многие величали «подмышкой», – располагалось оно на том узком клочке Оклахомы, что вклинивается в Техас. Грезы Эллы-Лу оставались грезами. Парень, с которым она жила, сын шлюхи Коди Бейтс, наградил ее фингалом, разбил губу и бросил валяться на земле у входа в обозначенный бар.

Элла-Лу чувствовала, что создана для доли лучшей, чем подавать пиво и ядреный виски ковбоям и их бабам с безжалостными глазами; чем подрабатывать, перепихиваясь в туалете и отсасывая в машине у мужиков, которые смердят перегаром и не загадывают дальше очередного рейса.

Лучшая доля вошла в «Ковбой и лассо» одним судьбоносным вечером в лице Дэррила Роя Джеймса.

Элла-Лу с первого взгляда поняла – вот он! Тот, кто нужен, чтобы жить полной жизнью и превратить грезы в реальность.

Потом она рассказывала, что, когда он вошел в бутафорские салунные двери, от него исходило золотисто-алое свечение. На волосах плясали закатные отблески, а голубые глаза сияли, чистые, как озерная вода с открытки.

Она сразу все поняла.

Дэррил был другим – не чета завсегдатаям «Ковбоя и лассо», которые воняли хлевом и щипали за задницу.

После короткого и страстного брачного танца, когда Дэррил буквально пришил ее сначала к дверце туалетной кабинки, а потом к стене у выхода, он сказал ей то же самое.

С первого взгляда! Едва взглянули – полюбили! Строка из книжки. Шекспир, или, как он его называл, пройдоха Уилли. Дэррил почитывал его в колонии для несовершеннолетних техасского Дентона, куда угодил в шестнадцать лет.

В восемнадцать он вышел и попал прямым ходом в помощники к механику, бойфренду матери. Моторы слушались Дэррила, как других – лошади. Барлоу, который своими придирками доводил Дэррила до бешенства, говаривал, что, вкладывая он в работу столько же энергии, сколько в мечты куда-нибудь сдернуть, – стал бы миллионером.

Дэррил же никак не мог понять, зачем упорствовать до смерти, когда существует много других способов получить желаемое. Лучший из ему известных – позаимствовать у соседа.

И все-таки, опасаясь тюрьмы, он проторчал в ненавистном гараже три года – целую вечность!

А потом прикарманил шесть тысяч восемьсот долларов. Недоумок Барлоу выручил их за левые сделки и прятал у себя в кабинете в столе с двойным дном.

Кроме того, Дэррил разжился кое-каким оборудованием, запчастями и взломал витрину с ценным охотничьим ножом, рассчитывая загнать его по хорошей цене.

Собрал вещички, пока мать была на вечной каторге, обслуживая посетителей кафе за нищенскую плату и еще более убогие чаевые. Сунул в карман три тысячи двести баксов из кошелька, который она держала в жестянке с мукой. Всего выходило десять кусков.

Считая себя хорошим сыном, не тронул последние шестьсот сорок шесть долларов и приложил записку:

Спасибо, ма!

Целую, Дэррил.

Погрузил все в угнанный пикап и распрощался со всем чертям с оклахомской Глушью.

В «Ковбой и лассо», а заодно и жизнь Эллы-Лу Дэррил вошел в свой двадцать первый день рождения.

Они решили, что это судьба, ибо стали друг для друга настоящей манной небесной.

Не прошло и суток, как она забросила в его машину рюкзак со своими сокровищами земными и села рядом.

Ехали быстро, сорили деньгами направо и налево, воровали в охотку и при всякой возможности трахались, как кролики.

К тому времени, как Дэррила арестовали в Талсе за попытку стянуть

обручальное кольцо для любимой, – просадили все до последнего цента.

С учетом охотничьего ножа, Дэррилу дали четыре года и препроводили в тюрьму, на сей раз в Оклахоме.

Элла-Лу его ждала. Устроилась в бар, перебивалась, отсасывая у клиентов. Ни разу, ни за какие деньги не пошла дальше.

Однолюбка.

С рвением, не посрамившим бы святого отца во время воскресной мессы, она каждую неделю навещала Дэррила и на очередном уединенном свидании забеременела.

Дэррил читал Шекспира, ковырялся в моторах, компьютерах и прочей электронике и учился делать бомбы.

Иными словами, приобретал знания, которые пригодятся на свободе.

Элла-Лу назвала дочь Дарра, в честь Дэррила, и отвезла кроху в Элксити к бабушке.

Застряла там на целых десять дней и чуть не сдохла от долгой разлуки с любимым. Зато бабуля успела привязаться к внучке, а отчим ослабил бдительность.

Зная, что мать не позволит отчиму натравить на нее полицию, Элла-Лу прихватила прабабкино серебро – оно досталось бы ей так и так, – бросила младенца и помчалась в Мак-Алестер, чтобы успеть к дню свидания.

Может, когда-нибудь им захочется оседлой жизни и они вернутся за дочерью. А пока надо жить и любить каждую минуту на полную катушку – как говорил Дэррил, что поделаешь, роковая любовь!

Ребенок в нее не вписывался...

Дэррил вышел через три с половиной года за хорошее поведение. Элла-Лу ждала его у ворот в облегающем белом платье и красных шпильках.

Только-только дотянули до мотеля, как платье уже полетело на пол, а туфли – к потолку.

Оба согласились, что на Мак-Алестер станут смотреть только в зеркало заднего вида, и провели ночь за сексом, закуской и игристым вином, которое Элла-Лу попятила в баре, где больше не будет ни работать, ни отсасывать.

Она хотела перебраться к Атлантическому океану, мечтала об огнях и шуме большого города, который так не похож на Оклахому.

Заявила Дэррилу, что их судьба – Нью-Йорк, единственный мегаполис им под стать, огромный и яркий.

И потому, когда машина зачихала, Дэррил пустил в ход навыки механика, а также запчасти, снятые с чужого авто на парковке, и продолжил

путь на восток. Орало радио, рядом, словно продолжение его самого, свернулась калачиком Элла-Лу.

Несмотря на все старания, драндулет не выдержал расстояния и скорости и подох как собака.

Вот тогда у Эллы-Лу и родилась идея...

Дэррил кое-как убрал пикап с дороги, а она изучила данные бортового компьютера и решила попытать удачи на двенадцатом шоссе к югу от Бентонвилла.

Вытащила из сумки белое платье и шпильки, подкрасила губы и, наклонившись, расчесала пятерней длинные светлые волосы.

Ставку делала на мужчину, одинокого, – такой, завидев ее, не проедет мимо. Платье облегалo крутые бедра и всю ее ладную фигуру, а волосы рассыпались по плечам, точно у сирены.

Элла-Лу рассмеялась и отпихнула Дэррила, который попытался схватить ее в охапку.

– Терпение, малыш, терпение! И не маячь у дороги. Какой-нибудь мужик наверняка остановится помочь!

– Если бы только помочь! Мать честная, Элла-Лу, ты заводишь, как черные кружевные трусики! У меня стояк!

– Вот и отлично. Женщина может остановиться, а может и нет. Две женщины – тоже не исключено, а двое мужчин – наверняка. В общем, кто его знает... Рано или поздно, малыш, мы своего дождемся!

Она провела пальцами по губам, потерлась бедрами о пах Дэррила, отчего тот застонал, и легонько подтолкнула его локтем.

– Чуть позже, милый. Смеркается, а люди охотнее помогают, пока светло. Спрячься в кустах. Как я прикинусь беспомощной, если рядом сильный красивый мужчина?

Место она выбрала удачно, даже слишком, – солнце уже садилось, а мимо не проехало ни одной машины.

– Может, я его еще заведу? – крикнул из кустов Дэррил. – Дотянем до города или мотеля, а там что-нибудь угоним!

– Нет-нет, Дэррил, все получится. Надо только... Машина! Дай мне время поиграть, а потом выходи и заканчивай как надо. Да, Дэррил?

– Конечно, ты же знаешь.

Она встала около пикапа, молитвенно сжав руки, и придала большим голубым глазам выражение надежды и страха.

Лицедействовать ей всегда нравилось.

Когда автомобиль – очень даже приличный – притормозил, Элла-Лу еще больше раззадорилась. Водитель опустил окно и наклонился к ней

через сиденье.

– Поломались?

– Да, мистер!..

В годах, лет пятидесяти. Дэррилу нетрудно будет его вырубить, связать и оттащить в кусты.

– Взял и сломался! Хотела звонить брату – это его пикап, – но телефон не работает, или, может, я забыла оплатить. Вечно что-нибудь забываю...

– Заправиться-то не забыли?

– Нет, что вы! Генри, мой брат, залил полный бак. Генри Бим (так звали их историка в старших классах), из Фейетвилла. Не слыхали? Мне иногда кажется, его все знают.

– Я не местный. Дайте-ка съеду и посмотрю, что к чему.

– Спасибо вам огромное! Я уж и не знала, что делать! Да еще темнеет...

Он заглушил мотор блестящего серебристого авто. Элла-Лу предпочла бы красное, в тон туфлям, но и так сойдет. Попросил открыть капот. Она беспомощно засуетилась, и он сам потянул за рычаг в салоне.

На руке блеснули хорошие серебристые часы, под цвет машины. Вот бы Дэррилу такие...

– Тут, по-моему, серьезно. Я в грузовых не очень разбираюсь... Хотите, подброшу до Бентонвилла? Можете звякнуть брату с моего телефона.

– Спасибо! Никогда не знаешь, кто остановится – всякое бывает... – Она кинула взгляд в сторону кустарника и продолжила щебетать, чтобы заглушить шорох: – Мама от волнения уже, наверно, с ума сходит! До Бентонвилла – это просто замечательно! Она вас самолично поблагодарит, что доставили меня домой.

– Вы же сказали Фейетвилл...

– Что? А, ну, это Генри там...

Возможно, ее выдали глаза или незнакомец услышал осторожные шаги Дэррила, только он выпрямился и повернулся, как раз когда Дэррил поднял монтировку. Угодило по плечу.

Бросился на Дэррила, как черт из преисподней.

Все произошло стремительно – взмахи кулаков, крик, возня. Думая только о Дэрриле, Элла-Лу крепко схватила монтировку, которую тот выронил.

Размахнулась, со всей силы врезала взбесившемуся доброму самаритянину по хребту и поняла, что ошиблась – его это не остановило. Второй раз прицелилась по ногам.

Одна подогнулась, Элла-Лу явственно услышала треск. Даже раненный, он все-таки обернулся и ударил ее наотмашь. Не успела она оправиться и заехать монтировкой по другой ноге, как, яростно вращая глазами, подскочил Дэррил.

– Женщину мою не тронь! Убью!

Оскалив зубы, Дэррил обрушился на обидчика. Элла-Лу едва успела отскочить, как мужчина потерял из-за ноги равновесие и с окровавленным лицом упал навзничь.

Ударился головой о передний бампер пикапа и потом об асфальт. Не раздумывая, она подскочила и со всей мочи дала ему монтировкой по лицу. Раз, другой...

Теперь он застыл, глаза на изуродованном лице были широко раскрыты. Кровь стекала и собиралась в лужицу под головой.

Элла-Лу тряслась всем телом и пыхтела, как паровоз:

– Он... он того?

– Вот хрень-то, вот хрень... – Пялясь на мужика, Дэррил вытащил из заднего кармана бандану и отер со лба пот и кровь. – Кажется, того.

– Мы его убили...

– Не нарочно. Но, черт дери, он тебя прямо по лицу! Никому не позволю бить мою девочку!

– Я боялась, что он встанет и опять на тебя кинется... Надо убрать его с дороги! Тащи в кусты! Шевелись, Дэррил, а то кто-нибудь увидит! Возьми бумажник, часы...

Она нашла в грузовике тряпку, обтерла монтировку и швырнула ее на заднее сиденье их нового авто.

– И одежду – тоже, малыш.

– На хрена?

– Пригодится. Да не стой ты!

Бросилась перетаскивать вещи из пикапа.

– Сваливай на заднее сиденье, потом разберемся.

Сердце в груди Эллы-Лу колотилось, руки тряслись, но двигалась она решительно и уверенно.

– Надо забрать все наше из пикапа, малыш, а еще вытереть баранку и везде, где могли остаться пальчики. Я это сама.

Она с рвением взялась за дело. Вскоре и Дэррил пришел на помощь – переносить из грузовика было особенно нечего. Через десять минут он уже сидел за рулем, а Элла-Лу – рядом.

– Не лихачь. Просто отъедем подальше.

Она крепилась милю, пять, десять... Через двадцать пять не

выдержала.

– Съезжай, съезжай! Господи, да сворачивай же, Дэррил! Туда, в лесок!

– Укачало, крошка?

– Мы с тобой пахнем кровью!

– Ничего, ничего, теперь все хорошо, детка... – Он, трясаясь по кочкам, съехал с дороги.

– Видел его лицо? Глаза слепые, и кровь отовсюду!

Ее лицо сияло, как солнце, в огромных глазах светились удивление и страсть.

– Мы его убили! Вместе!

Из бросило друг к другу. Секс у них всегда был жестким, бурным и стремительным, а сейчас, от запаха свежей крови и сознания, что они убили человека, стал совершенно звериным. В машине эхом отдавались стоны и крики.

Когда они кончили и пот склеил их тела, от белого платья остались одни лохмотья в пятнах крови, алой, как ее шпильки. Элла-Лу улыбнулась.

– Больше я торопиться не хочу. В следующий раз поиграем не спеша.

– Я тебя люблю!

– И я тебя, Дэррил. Никто до нас так не любил! Мы получим все, что захотим, будем делать что вздумается. С этого места и до самого Нью-Йорка!

Первое убийство, почти случайное, произошло жарким августовским вечером. К тому времени, как они прибыли в Нью-Йорк в середине января, на их счету числилось двадцать девять трупов...

Впервые увидев Нью-Йорк, Элла-Лу отреагировала так же, как при встрече с Дэррилом, – поняла, что они просто созданы друг для друга.

Колючий ветер гнал мусор, щипал лица прохожих, шипел и завывал, пробивая путь между домами из осыпающегося красного кирпича и щербатого бетона. Вся улица была измалевана граффити.

Печальные бледно-желтые лужицы света от уцелевших фонарей и фиолетовые тени... Вместе они напоминали зацветающие синяки.

Кто сюда сунется? Последняя шлюха, с лицензией или без, – укрываясь от холода и ветра, пока парень делает свое дело. Или нарик, которому позарез нужна доза.

Любой прочий, кто решит срезать путь, может с тем же успехом повесить себе на грудь светящуюся табличку: «Я здесь!» – для грабителей, насильников и кого похуже.

Ни одна из этих версий не подходила Дориану Куперу, поскольку он

встретил судьбу-злодейку где-то в другом месте, а сюда его приволокли в целлофане и бросили, как истрепанные ветром и погрызенные крысами мусорные мешки рядом с поломанным устройством для переработки отходов. Злобный ветер, словно зубчатым ножом полосующий кожу, больше Дориану не страшен.

Лейтенант Ева Даллас нехотя натянула пониже лыжную шапку с дурацкой снежинкой. От пушистых перчаток решительно отказалась – и то и другое всучил ей холодным декабрьским днем мечтательный Деннис Мира.

Мелькнула мысль, что еще вчера она нежилась, практически голая, на горячем песке личного острова ее мужа Рорка, который лежал рядом, тоже практически голый.

Однако новый, две тысячи шестьдесят первый год вступил в свои права. Ева вернулась в продуваемый ветрами Нью-Йорк. И смерть – тоже.

Ева работала в отделе по расследованию убийств, и, пока обычные граждане досыпали последний сон в предрассветной темноте, она сидела над трупом, намазав голые руки изолирующей жидкостью и прищурив карие глаза.

– Н-да, вышибли из тебя дух, Дориан...

– Живет в Верхнем Вест-Сайде.

Детектив Пибоди, в розовом пальто, теплых розовых сапожках с меховой оторочкой и почти по глаза закутанная в пестрый шарф, переслала напарнице данные с карманного компьютера.

– Тридцать восемь лет, холост, живет один. Работает в Метрополитен-опера. Первая виолончель.

– Виолончелист из Верхнего Вест-Сайда на Механикс-стрит? Грохнули не здесь. Кровавые мазки на одежде и коже. Странгуляционные борозды на запястьях и лодыжках, гематомы, следы борьбы суточной давности, а то и больше. Моррис скажет точнее.

– Порезы, колотые раны, ожоги, синяки... – Пибоди внимательно осмотрела труп более темными, чем у напарницы, глазами. – Много поверхностных, но...

– ...много и серьезных. Связали, заткнули рот – уголки губ оцарапаны, – издевались часами. День, два – пока не надоело. А потом полоснули по животу. Умер от потери крови. Не сразу, помучился. – Достав датчики, Ева определила время смерти. – Мучения окончились вчера в двадцать два двадцать.

– А он в розыске, Даллас! Мать подала сегодня утром. Ну-ка... Ага, позавчера вечером не явился на работу и не отвечал на телефон. Вчера во

второй половине дня пропустил пару в Джульярдской школе – он там преподает, – а вечером не пришел на концерт.

– То есть два дня. Свяжись с тем, кто принимал заявление, получи полный отчет. Надо сообщить ближайшим родственникам.

Немного распрямив спину, Ева изучала лицо жертвы. Из удостоверения личности на нее смотрел привлекательный полногубый блондин с зелеными игривыми глазами, длинными густыми волосами и выраженными скулами.

Убийца обкорнал шевелюру, оставив жалкие клочки и отвратительные маленькие раны, выжег на щеках черные ямочки. Белки глаз оплела красная паутинка сосудов. Однако главные усилия и фантазию преступник сосредоточил на теле. Ева подумала, что Моррис, главный судмедэксперт, подтвердит многочисленные переломы и разрывы внутренних органов.

– Кое-где ожоги маленькие и четкие, – заметила она. – Наверно, использовали специальный инструмент. А на руках... Видишь? Большие, размытые. Тушили сигареты или косячки. Виолончелист. Виолончель – это же скрипка такая?

– Э-э... – Пибоди показала руками в воздухе и поводила воображаемым смычком. – Да, вроде большой скрипки. Без рук не поиграешь. Ожоги, на правой сломаны четыре пальца, левая перебита тяжелым предметом. Сводили счеты? Волосы и нагота тянут на личную неприязнь.

Ева приподняла руку и посветила фонариком на пальцы жертвы.

– Частичек кожи под ногтями не видно... – Она передвинулась ближе к голове, осторожно приподняла ее, ощупывая череп. – Здоровая шишка!

– Сцепился с кем-то из знакомых. В смысле, на словах, – развивала мысль Пибоди. – Повернулся спиной – и противник в бешенстве саданул его чем-то тяжеленьким. А потом связал, заткнул рот и издевался.

– В бешенстве? Нет, тут другое. – Ева покачала головой и наконец встала. Кожаный плащ поднялся на ветру, захлопал по ногам. – Терпения и изощренности маловато. Не так, как у Жениха, например. Помнишь?

– Такое не забывается...

– Тот превратил пытки в искусство. Подходил к ним как к работе. А здесь скорее развлечение.

– Развлечение?

– Взбешенный человек, как правило, сразу и нападает. Взбешенный метит в лицо, особенно когда речь о знакомом.

Ева прикинула, что лицо пострадало меньше всего, как будто убийца специально оставил его относительно нетронутым.

Чтобы видеть жертву? Чтобы можно было узнать?

– Взбешенный не издевается два дня, – продолжала она. – Взбешенный и чокнутый – возможно. Хотя, опять же, логично ожидать больше следов от дубинки или кулаков. Гениталии повреждены, но не так, как сделал бы взбешенный друг или любовник.

– Мы все-таки проверим.

Ева повернулась к Мэдисон-стрит, потом посмотрела на север, в сторону Хенри-стрит.

– Была машина. Скорее всего, остановились на Мэдисон, там недалеко свалка. Рост жертвы – сколько там? – метр семьдесят пять, вес – семьдесят. Чистильщики определяют, есть ли следы волочения. Вряд ли. В этом адском освещении ничего толком не разглядеть, но в любом случае убийца не слабого десятка. Или ему помогали. Посмотрим, что даст опрос населения.

Ева подняла глаза на темные окна домов.

– Посреди ночи, посреди зимы. Холодно, как у стервы между сисек!

– Правильно «у ведьмы».

– Это почему? А, не важно... – быстро добавила Ева. – И так и так глупо. Если ты ведьма, почему сиськи холодные? Я стерва, и еще вчера мои сиськи были очень даже теплыми.

– Славно отдохнули?

– Не отстой.

Голубое небо, лазурная вода, белый песок и Рорк. Да, не отстой...

Только отдых закончился.

– Вызывай чистильщиков, бригаду из морга и приставь к трупку парочку патрульных. – Ева поглядела на часы. – Сейчас давай к нему на квартиру. Какой смысл будить спозаранок мать с такими новостями...

Ева плотнее натянула на озябшие уши дурацкую шапку и обронила фонарь. Когда наклонилась, взгляд скользнул по телу, куда доставал луч.

– Постой! Это же... Очки-микроскопы!

– Что там?

– Скажу, если дашь очки.

Она опустилась на колени и передвинула левую руку жертвы.

– Твою мать! Чуть не проглядела!

– Что проглядела? – Пибоди достала из Евиного чемоданчика очки и надела ей на голову. Наклонилась.

– Сердце! Столько крови и гематом, что едва не пропустила. Моррис у себя, конечно, обнаружил бы, но в этом свете...

– Да что там?

– Вон, под мышкой! – Ева наклонилась еще ниже и приставила

пальцы. – Около дюйма в длину и ширину. Аккуратное, как дорогая татушка. Внутри инициалы: «Д» и сверху «Э».

– «Д», наверно, Дориан.

– Не исключено.

Это, конечно, могло изменить версию.

– Все-таки любовник или отвергнутый воздыхатель? До смерти или после? Подпись или заявление? Края четкие. Убийца не торопился, работал тщательно.

– Маккуин вырезал на жертвах цифры, – припомнила Пибоди, – чтобы копы не сбились со счета. Может, все-таки подпись. «Э» развивает с жертвой болезненные, неадекватные отношения. А поскольку такие отношения ничем хорошим не кончаются, пускает в ход кулаки, связывает Дориана, затыкает ему рот, мучает, убивает и вырезает под мышкой сердце – свои инициалы поверх его.

Ева кивнула – неплохая теория. Достоверная и логичная.

– Прокатит.

– Может, это не первые такие болезненные и неадекватные отношения.

– И это в кассу... – Ева поднялась, сняла очки. – Пробьем по международной базе на похожие случаи. А сейчас поехали к нему. Не исключено, что там кто-нибудь знает его приятеля на «Э».

– Мать живет в том же доме, – сообщила Пибоди, когда Ева жестом подозвала полицейского, маячившего в конце улицы.

– Сэкономим время. Сначала – к нему, потом – к ней.

– И, кстати, тоже играет в оркестре. На виолончели-детке.

– У них есть детки?

– Шучу. Она первая скрипка. То есть маленькая виолончель...

– Будем считать, что смешно. Живут в одном доме, вместе работают. Наверняка знает этого «Э». И вообще его взаимоотношения с коллегами и любовниками.

Ева отвернулась, чтобы дать краткие инструкции полицейскому.

Поскольку опрашивать пока было некого – труп обнаружили патрульные роботы, – она села в машину и с невыразимым облегчением дала голосовую команду включить на всю катушку отопление.

С еще большим облегчением стянула с вихрастой головы шапку со снежинкой.

– Да ладно, ты в ней ужасно милая!

– Если бы я хотела быть милой, не пошла бы в копы. – Ева запустила пятерню в короткие каштановые волосы. – Адрес, Пибоди!

– Западная Семьдесят первая, между Амстердамом и Колумбусом.

– Далековато.

Пальцы Евы отогревались и покалывали.

Одна из команд, которую она освоила в невзрачном с виду, но нашпигованном электроникой автомобиле, который специально для нее заказал муж, – это как программировать бортовой автоповар на кофе.

Мелькнула мысль, что за чашечку настоящего кофе она сейчас, пожалуй, готова и убить.

– Включить автоповар, – начала она.

– Ура!

– Заткнись, Пибоди, а то не перепадет.

Автоповар включен. Что желаете, лейтенант Ева Даллас?

– Один черный кофе, один с молоком, в дорожных стаканах.

Минуту. Подать на переднее сиденье?

– Да-да-да, подать.

– Ух ты! – не унималась Пибоди. – Я думала, можно только на заднее.

Класс!

Компьютер объявил, что заказ выполнен, и из-под приборной доски выехали два стаканчика.

– С ума сойти!

– С этим лучше не торопись... – Ева взяла стакан с черной крышкой, оставив Пибоди второй, с бежевой.

Кофе был выше всяких похвал, горячий и крепкий.

– До чего хорошо! – Пибоди обхватила стакан обеими руками.

– Не привыкай к кофе. Когда в следующий раз поедем на вызов ни свет ни заря, в минус три и жуткий ветер, то побалуемся. А так и не мечтай!

Пибоди только улыбнулась и сделала первый блаженный глоток.

– До чего хорошо! – повторила она.

Глава 2

Видно, за игру на большой пузатой скрипке платят будь здоров. Дориан Купер проживал в двухуровневых апартаментах тщательно отремонтированного белого кирпичного здания, которое уцелело в Городских войнах. Сверкая большими окнами, оно расположилось в фешенебельном квартале Верхнего Вест-Сайда.

Когда швейцар в классическом черном пальто поверх ливреи обратился к ней по званию и не стал издеваться над машиной без идентификационных знаков, Ева сообразила, что домом владеет Рорк. Швейцар по имени Фрэнк, очевидно, уже получил указания.

– Чем могу служить, лейтенант?

– Нам нужно попасть в квартиру Дориана Купера.

Круглое, почти ангельское лицо вытянулось.

– Этого я и боялся! Прошу, входите, а то ветер... Я слышал, что мистер Купер пропал. Полагаю, вы его нашли и новость неутешительная.

Ева шагнула в теплое фойе, разглядывая белый, в серых прожилках мрамор и вдыхая на удивление пряный аромат яркой охапки цветов в большой серебряной вазе на столе.

– Да, нашли. И верно – неутешительная.

– Миз Макензи, его мать, с ума сойдет! Жили душа в душу. Хороший был человек, скажу я вам. Непременно остановится, поговорит...

– Все его знакомые разделяли ваше мнение?

– Так сразу не скажешь. У него друзей много. Приходили и на вечеринки, и репетировать.

– Любовницы, любовники?

Фрэнк переступил с ноги на ногу.

– Любая информация поможет в поимке убийцы, – тронула его за руку Пибоди. – Любая!

– Понимаю, только сложно обсуждать жильца... У мистера Купера, по моему, были и те и другие. Но ничего серьезного.

– Ясно. В последние две недели его кто-нибудь спрашивал? – осведомилась Ева. – Он с кем-то ссорился?

– Насколько мне известно, нет. При моей работе такое обычно мимо не проходит.

– Ладно, Фрэнк, спасибо. Получите нам разрешение на доступ в квартиру.

– Да. Шестой этаж, номер шестьсот, центральный вход. Поезжайте на первом лифте. Минуту, попрошу магнитный ключ...

– Не надо, у меня универсальный.

Кивнув, Фрэнк подошел к гранитной стойке и нажал пальцами. Загорелся экран.

– Коридорный робот в подсобке. Я ее так рано не включаю, у нас обычно тихо. Все, можете ехать, лейтенант.

Когда Ева и Пибоди направились к лифту, Фрэнк кашлянул.

– Мать знает?

– Осмотрим квартиру, потом поговорим с ней. Как вы заметили, час ранний. Никакого смысла поднимать ее ради таких новостей.

– Ее это убьет. Они друг в друге души не чаяли. Да вы сами знаете...

Ева кивнула, хотя и не знала, каково оно, когда мать в тебе души не чает.

«Поднимаемся на шестой этаж», – объявил компьютер, и лифт поехал вверх, доказывая, что Фрэнк даст сто очков форы любому роботу.

– Классный парень, душа компании, обожает мать, бисексуал, – рассуждала Ева. – Недурно для беглого опроса!

– У швейцара грустный вид, – заметила Пибоди. – Верный признак, что в расследовании ожидается много печального. К гадалке не ходи.

– Если потянуло на веселое, прощайся с отделом или вообще с полицией!

Перед ними открылся широкий коридор с благородным серым ковром и классической живописью на стенах. На резных столиках между квартирами красовались тонкие стеклянные вазы с белыми цветами.

Шестисотый номер занимал дальний от лифта западный угол. Роскошные апартаменты в роскошном здании. Да, подумала Ева, игра на большой пузатой скрипке неплохо кормит.

– Отличная система безопасности, – заговорила она в диктофон, – камеры, идентификация по ладони, дополнительное усиление дверей.

Она отключила все это хозяйство универсальным ключом и открыла правую створку двери. В прихожей немедленно загорелся приглушенный до десяти процентов свет.

– Удобно, но темновато, – заметила она и добавила громче: – Лампы на полную мощность.

– Ух ты! – Пибоди удивленно выпучила глаза. – Шикарно!

Классика, подумала Ева. Как раз то, что нравится Рорку. Насыщенные глубокие цвета, мягкие, засасывающие диваны и кресла с высокими изогнутыми спинками. Цветы в старых дорогих вазах и свечи в изящных

канделябрах.

На стенах пейзажи – природа, город, море.

– Сначала осмотрим низ, деловую часть. Надо проверить компьютеры и телефон.

Ева пошла налево, Пибоди – направо.

За двустворчатыми раздвижными дверями оказалось просторное помещение буквой «Г», которое совмещало в себе гостиную, столовую и кухню.

Весьма солидную кухню, заключила Ева. Широкая плита, духовка, целых два автоповара и мили золотистой в крапинку рабочей поверхности. Как песок на пляже, подумала она, открывая наугад шкафчики и ящики.

Дорогая кухонная утварь, идеальный порядок.

В просторной, полностью затаренной кладовке обнаружился домашний робот, приятная коренастая женщина средних лет в сером платье и белом фартуке. Глаза смотрели безжизненно, как и положено спящему роботу.

– Эй, здесь робот! – Ева принялась искать, где у него кнопка.

– Гостевой туалет, обалденный музыкальный салон для гулянок высшего общества! Не меньше этой комнаты! – затрещала с порога Пибоди. – Фортепьяно, виолончель, контрабас, три скрипки, флейты-пикколо... Дай я!

Она обошла Еву и нажала у робота на затылке, под бубликом седых волос.

Голубые глаза ожили и повеселели. Расслабленный рот изогнулся в приветливой улыбке.

– Утречко-то какое! И чем могу вам служить, дамы?

Рорк от этого нарочитого ирландского акцента, наверно, содрогнулся бы. Или расхохотался. Его собственный вплетался в речь ненавязчивой мелодией. Ева ограничилась тем, что вскинула брови и показала жетон.

Веселые глаза отсканировали его и получили подтверждение.

– Что нужно блюстителям порядка от скромного робота? Лейтенант...

– Даллас, лейтенант Даллас. А это детектив Пибоди. Когда вас активировали последний раз?

– С удовольствием отвечу на все вопросы, только сначала проверю моего Дориана. Кабы не ваш визит, этот сорванец в такой час еще нежился бы в постели!

– Сорванец?

– Уж такой непоседа! И работает до седьмого пота, выступает. Если пришлось встать спозаранок, непременно захочет кофе. Могу и вам сделать

чашечку...

– Кофе он не захочет. Дориан Купер мертв.

В глазах робота мелькнуло нечто вроде ужаса.

– Сбой в обработке информации. Повторите, пожалуйста!

В дело опять вмешалась Пибоди:

– Простите, как вас зовут?

– Мейв.

– Мейв, вынуждены с прискорбием сообщить, что прошлой ночью Дориан погиб. Примите наши соболезнования.

– Такой молодой и здоровый...

Голос и глаза выдавали искреннее горе.

– Погиб? Несчастный случай?

– Убийство. Пройдемте в комнату, – распорядилась Ева. – Нечего торчать в чулане.

– Его все любили. Простите, мне кажется, здесь какая-то ошибка...

– Никакой ошибки. Личность установлена.

Женщина-робот подошла к кухонной стойке и присела на табурет.

– Почему люди такие непрочные?

– Тайна, покрытая мраком. Когда вы в последний раз говорили с Дорианом?

– Минутку. – Глаза на мгновение обесмыслились, затем приобрели озабоченное выражение. – Господи ты боже мой! Записи показывают, что мой Дориан выключил меня шестьдесят два часа восемнадцать минут назад. Это он уже столько мертв?

– Нет, меньше. С тех пор никто вас не активировал?

– Нет.

Ева удивилась, что дежурный, принявший заявление, не допросил домашнего робота. Потом вспомнила, что в полицию обратились совсем недавно.

– Выключая вас, Дориан был один?

– Да. Он собирался на репетицию перед вечерним концертом. Сейчас идет «Жизель». Велел его не ждать. Сказал, что вернется поздно и сам разбудит меня утром, – шутник. После концерта думал поужинать с друзьями. Частенько так делал.

– Нужен полный список его друзей и гостей на вечеринках.

– Хорошо. Могу даже распечатать, если хотите. Или подключусь к любому компьютеру и запишу на диск.

– Не забудьте особо близких друзей, – прибавила Ева.

– У Дориана был широкий и бойкий круг знакомых. Веселые

компании, музыкальные вечера. Иногда совсем интимные встречи, для одного-единственного.

Как и швейцар, домашний робот порой становится источником полезных сведений, подумала Ева.

– И кто-нибудь сердился, когда переставал быть тем единственным?

– Ни разу не слыхала. А я бы наверняка знала, мой Дориан со мной разговаривал, непременно поделился бы. В особо близкой дружбе, как вы выразились, он тяготел к тем, кто, как и он, далеко не загадывал. Он пока не был готов остепениться. Если Дориан работал, лейтенант, то работал до седьмого пота!

Мейв еле заметно вздохнула.

– Сколько часов я провела, хлопоча по хозяйству и слушая, как он играет! Даже оперу писал, в свободное время и под настроение!

– Ясно.

– Буду по нему скучать...

Ева снова подняла брови.

– Не то, что вы думаете. Не так, как у людей... Его мать заказала меня по образу няньки, которая ходила за ним в детстве и очень его любила. А он ее.

Странно, подумала Ева. С другой стороны, далеко не все создания из плоти и крови способны на искренность робота Мейв.

– В таком случае простите.

– Его матушка... Я могла бы ее утешить, если она пожелает. Они были так преданы друг другу!

– Мы у нее спросим. И пожалуйста, подготовьте список, на бумаге и диске. А сейчас нам с детективом надо осмотреть квартиру.

– Рада помочь. Скажите, лейтенант Даллас, почему люди убивают друг друга? Не могу обработать информацию.

– Никто никогда не сможет, – отозвалась Ева.

Она предоставила Пибоди телефон и компьютеры, а сама занялась хозяйской спальней на верхнем этаже.

Выдвинула ящик со «сладеньким». Как и ожидалось, он ломился от возбуждающих средств, секс-игрушек и презервативов. Все свидетельствовало о том, что в этой сфере Дориан придерживался широких взглядов и был не прочь экспериментировать. Небольшое количество препаратов, исключительно легальных, показывало, что на здоровье он не жаловался.

Куча дорогих средств для ухода за кожей, косметические аксессуары –

заботился о внешнем виде. Внушительный платяной шкаф с одеждой самых разных стилей, от классического до гранж, – в моде вполне демократичен.

В шкафу нашелся маленький стенной сейф. Ева его открыла, провозившись минимум втрое дольше, чем потребовалось бы ее учителю по вскрытию сейфов Рорку, и осталась очень собою довольна.

Немного наличности, паспорт, скромная коллекция часов, запонки, ничего необычного, ничего из ряда вон.

Был наверху и небольшой кабинет. Она сразу сделала вывод, что Дориан занимался тут лишь самым необходимым: оплачивал счета, вел календарь репетиций, концертов, поездок и светских мероприятий.

Ничего любопытного не обнаружилось и в двух гостевых комнатах. Как и остальная квартира, они отражали вкус хозяина и редкий талант домашнего робота поддерживать чистоту и порядок.

– Мейв дала длиннющий список! – доложила Пибоди, когда Ева спустилась вниз. – Я ее деактивировала, она сама попросила. Повторила, что готова поступить в полное распоряжение миз Маккензи.

– Мы ей скажем. – Ева кинула взгляд на часы. – Можно прямо сейчас. Никаких звонков, сообщений на телефоне?

– Целая куча. Я пометила для отдела электронного сыска, хотя мне не попало ничего подозрительного, никаких угроз, споров или признаков слежки. Говорил с друзьями, улавливался о встречах, заказывал провизию и вино для вечеринок. И по работе.

– Работе? – повторила Ева, когда они приглушили свет и вышли в коридор. – Кабинет для оплаты счетов и прочего у него наверху.

– Нет, я про музыку. В музыкальном салоне стоит компьютер. Сначала показалось, шкаф, а оказалось – маленький кабинет. Всякая музыка собственного сочинения, записи, которые надо послушать. Ничего, кроме музыки.

– Ладно. – Ева опечатала дверь. – Пусть ОЭС поковыряются в электронике.

Вряд ли оригиналы из Отдела электронного сыска что-нибудь нароют, но лучше перебдеть.

– Отправь запрос дежурному, который принял заявление о пропаже. Введи его в курс дела, получи полный отчет. Хотя на данном этапе сведений – кот наплакал.

– Слушаюсь.

– Мать в пятьсот восьмой?

Пока Пибоди отправляла имейл, Ева запросила в лифте пятый этаж.

– Что там по международной базе?
– Еще рано, мы послали запрос час назад. Они всегда зашиваются. Думаешь, это не первый?

– Зачем пытаться двое суток музыканта? Личные счета? Возможно. Кто-нибудь из единственных, которые перестали быть единственными, как выразилась Мейв. Или коллега, который хотел занять место первой виолончели. Или же Дориан обладал нужными кому-то сведениями. Версий пруд пруди. Только сердце мне подсказывает, что он не первый... Сколько в списке имен на «Э»?

– Эдвард, Элизабет, Эдгар, Элайза. Если навскидку. А так – больше, всего там человек двести.

Вышли на пятом этаже. Квартира Мины Маккензи находилась рядом с лифтом. Та же система безопасности, отметила про себя Ева и нажала звонок.

На камере видеонаблюдения вспыхнул зеленый огонек.

– Доброе утро. Чем могу служить?

Глубокий звучный голос с британским акцентом.

– Лейтенант Даллас и детектив Пибоди. – Ева поднесла к сканеру жетон. – Нам нужно побеседовать с Миной Маккензи.

– Одну минуту.

Щелкнули замки.

Еще один робот. Благородный джентльмен с копной темных волос и сединой на висках. Облачен в черную форму дворецкого.

– Входите, прошу вас. Миз Маккензи еще не спускалась. Я доложу.

Он провел их в гостиную, которую мать обставила в более современном, чем у сына, стиле. Та же классика, рассуждала про себя Ева, но больше гламура и лоска. Яркая живопись в основной гамме.

– Располагайтесь. Чего-нибудь желаете?

– Спасибо, только Мину Маккензи.

– Слушаюсь.

Робот направился к лестнице.

Как только он сообщит, что явились копы, она сразу догадается, думала Ева. Блеснет отчаянный лучик надежды, и все равно она поймет.

Ева почувствовала движение, вскинула глаза. Мина стояла на верхней ступеньке в кремовом шелковом пеньюаре. Струящиеся складки доходили до самого пола. Лицо, удивительное лицо, где на золотистой коже горели страстные глаза, отражало борьбу надежды с горем.

Быстро спустилась, держась за перила. Костяшки на руке побелели.

– Дориан!.. Прошу, не тяните, скажите сразу!

– Миз Маккензи, с прискорбием сообщаем, что вашего сына убили.

Она воздела руки, словно отгоняя слова, и медленно, как инвалид, опустилась в помадно-красное кресло.

– Вы уверены, что это Дориан? Абсолютно уверены?

– Да. Сопереживаем вашей утрате.

– Утрате? Какое неточное слово! То, что утратил, потерял, можно заменить. Магнитный ключ, сережку. Просто покупаешь новую...

Она покачивалась из стороны в сторону. На щеках сверкали слезы.

– Я знала, знала, знала! Не пришел на концерт. Раньше никогда не пропускал. Убеждала себя: нет, тут другое что-то... Что угодно, только не это... Не отвечал на телефон. Я умоляла подать весточку. Он не стал бы меня волновать, никогда! В полиции сказали, что надо подождать. Почему?

Пибоди села рядом, наклонилась.

– Иногда взрослый человек хочет побыть наедине с собой день-два, подумать...

– Не Дориан!

– Понимаю, миз Маккензи.

– Если бы приняли заявление в первый день, он остался бы жив? – В резком вопросе сквозило обвинение. – Займись вы этим сразу...

– Вряд ли. – Пибоди мягко, как она это умела, взяла руку матери. – Вряд ли. Соболезную вам, миз Маккензи. Хотите воды?

– Нет... – Она закрыла глаза, и по щекам скатились две слезы. – Джарвис, бренди!

– Да, мадам. Сию минуту.

– Мне нужен бренди, – повторила Мина, открывая глаза. – И несколько секунд, чтобы прийти в себя. А потом вы расскажете, что случилось, где он сейчас и как мне его увидеть. Мне надо увидеть сына!

– Да, миз Маккензи, не беспокойтесь.

Мина взяла у робота бренди, поднесла ко рту и медленно пригубила.

– Я справлюсь, справлюсь. Не при посторонних... – Голос ее дрожал. – Итак, что произошло?

– Миз Маккензи, может, пригласить к вам кого-нибудь из близких?

– Мне никто не нужен. Говорите!

– Миз Маккензи, – вмешалась Ева, присаживаясь на блестящий серебряный столик и в упор глядя в полные слез глаза матери, – то, что я вам скажу, тяжело слушать. Если есть кто-то, кому вы доверяете, после нашего разговора хорошо бы пригласить этого человека, чтобы не быть одной. Мы побеседовали с домашним роботом вашего сына. Хотите, активируем ее и приведем?

– Мейв... – Снова блеснула слеза, миз Маккензи глубоко вздохнула и покачала головой. – Нет, пока не надо. Эдгара. Эдгара Чемберлина, дирижера и моего любовника. Вчера вечером я попросила его уйти, а теперь...

– Джарвис, пожалуйста, сообщите мистеру Чемберлину.

– Лучше я сама, – поднялась Пибоди.

– Джарвис, дайте детективу его номер.

– Сделаем это в соседней комнате. – Пибоди махнула роботу.

– Я справлюсь... – повторила Мина. – Я сильная... Одна растила сына. Муж умер, когда Дориану было всего шесть. Поставила его на ноги, сделала карьеру. Силы мне не занимать. Говорите!

– Тело обнаружили на Меканикс-стрит. Вам знаком этот район?

– Не уверена.

– Нижний Ист-Сайд. Есть идеи, почему он мог туда отправиться?

– Нет. У него друзья в Гринвич-Виллидж, Трайбеке, Сохо... Дориан легко сходил с людьми. Я хочу знать, как он умер!

– Дождемся выводов судмедэксперта.

– Это же ваша работа. Вы знаете. Я мать, я имею право!

– Миз Маккензи, причину смерти определяет судмедэксперт. Осмотр на месте преступления дает основания предположить, что Дориан был связан. На теле многочисленные повреждения.

Мина еще раз неторопливо пригубила бренди.

– Его связали, чтобы мучить?

Да, заключила Ева, сильная женщина. И далеко не глупая.

– Возможно, и все-таки сначала Дориана должен осмотреть судмедэксперт. Точнее сейчас, к сожалению, сказать не могу. Среди знакомых вашего сына кто-нибудь на такое способен? Обиженный бывший любовник или коллега...

– Нет. – Мина прижала пальцы к межбровью, медленно вдохнула. – Нет. И я не просто отмахиваюсь от вопроса – его действительно любили.

– Он работал в Джульярдской школе. Может, разозлил студента?

– Насколько мне известно, нет. Дориан преподавал не ради денег. Ему доставляло удовольствие пестовать талант, смотреть, как он раскрывается. Никто из его знакомых не стал бы мучить и отнимать жизнь!

– Вы были близки. – Ева глядела Мине в глаза. В гостиную вернулась Пибоди.

– Да, очень.

– Тогда я спрошу: может быть, хотели насолить вам через сына? Тот же вопрос с другого ракурса, миз Маккензи. Обиженный бывший

возлюбленный или коллега.

– О господи! – Она поставила бокал и сжала на коленях руки, чтобы унять дрожь. – Досадить мне? Я не знаю никого, кто на такое способен! Меня не все жалуют, случались и серьезные конфликты. Но клянусь, ни один из этих людей не тронул бы Дориана! Его любили даже те, с кем я не ладила. Мучить из-за меня!..

– Миз Маккензи, мы обязаны спросить, нужно учитывать любые варианты. – Пибоди снова присела. – Мистер Чемберлин уже едет.

– Благодарю...

– Ваш сын не упоминал какого-нибудь докучливого поклонника? Они же у него были, верно? – продолжала Ева. – Например, любители оперы, которым нравилось его творчество.

– Да. То есть я хочу сказать, было много почитателей его таланта, которые ходили на концерты, просили автографы...

– Иногда поклонник переходит границу. Воображает, что у него с кумиром особые отношения, и бесится, когда тот не отвечает взаимностью.

Мина снова сцепила руки и кивнула.

– Понимаю. Разумеется, у Дориана были поклонники. Молодой, привлекательный, одаренный. Играл на разных инструментах. Иногда выступал в клубах, особенно в межсезонье. Не с операми, конечно. Джаз, блюз... Некоторые специально ходили его послушать и ждали потом у служебного входа. Но, насколько я знаю, никто... Пойдите! – Она выпрямилась. – В последние недели он рассказывал о девушке. Как же он ее называл?... – Мина прикрыла глаза. – Ангел Элла.

– Ангелла? А фамилия?

– Нет-нет, именно ангел... Она была такая чересчур правильная. И красивая... Однажды они ходили куда-то выпить. Дориан жаловался, что она битый час препарировала Вагнера с Моцартом. Она не музыкант, а композитор. Да-да, писала оперу. И очень, очень правильная. Дориан говорил, она явилась в клуб, где он играл джаз, а через несколько дней в баре выразила крайнее недовольство, что он разбазаривает время и талант на второсортную музыку. Рассердилась не на шутку. Он посмеялся, да и только.

– Элла, – повторила Ева. – Фамилию не знаете?

– К сожалению, нет. Он не называл. Упомянул вскользь за утренним кофе как курьез. Возможно, друзьям говорил.

– Проверим.

В дверь позвонили.

Пибоди встала, жестом остановив робота.

- Я сама.
- Я не хочу никого видеть, кроме Эдгара. Не хочу...
- Не беспокойтесь, – заверила Ева.
- Мне нужно к сыну, лейтенант! Простите, забыла ваше имя...
- Даллас. Я распоряжусь. Поеду туда прямо сейчас и все устрою. Им занимается доктор Моррис. Поверьте, он очень хороший специалист.
- Мина!

В гостиную ворвался мужчина яркой, импозантной наружности. Внушительного роста, поджарый, как гончая, и с такой же, как у робота, сидящей на висках гривой. Из-под черных дуг бровей поблескивали темно-карие пронзительные глаза.

Не обращая внимания на Еву, он упал на колени рядом с креслом Мины и заключил ее в объятия.

– Дориан! Дориан! Он...

Из груди Мины вырвался вопль. Она сдержала слово – справилась.

Глава 3

На улице Ева покорила ветру и выудила из кармана дурацкую шапку.

– Мина продержалась дольше, чем я думала, – заметила Пибоди.

– Железная выправка. Сейчас – к Моррису, а потом займемся друзьями и коллегами. Надо потолковать с этим Чемберлином. Дирижер в оркестре – главный. Да, побеседуем...

Ева села за руль и бросила взгляд в боковое зеркало, выжидая момент.

– Ангел Эллы...

– Остроумно, – отозвалась Пибоди. – Наверняка еще кому-то о ней рассказал. Надо разузнать, в каких клубах он обычно играл.

– Ангел Эллы – это версия. – Ева вклинилась в поток машин, не обращая внимания на возмущенные гудки сзади. – Пишет оперу? Я думала, такие композиторы давным-давно вымерли.

– Пару лет назад ставили оперу-трэш. «Шум» называется. Я начала слушать на диске и тут же схлопотала мигрень. По-моему, обычные оперы до сих пор пишут.

– Она, во всяком случае, – да. И у ангела Эллы это точно не трэш. Выведывала мнение Купера о композиторах прошлого. Может, собиралась использовать его авторитет, чтобы пропихнуть свою. А мать спит с дирижером – еще один рычаг. Вот только Дориан несерьезен, играет во всяких сомнительных заведениях. Какое неуважение к ангелу Эллы и высокому искусству! Мотив совершенно абсурдный, и все-таки... Убийства совершают по самым шизоидным причинам, – заключила Ева.

– А пытки?

– Поговорим с Эллой, посмотрим, насколько она сама шизоидная. Проверь, что есть на Эдгара, тоже имя на «Э». Может, Дориан мешал его отношениям с Миной.

– Или он на самом деле положил глаз на сына, а не мамашу.

– Детектив включила мозги...

– Ты же в опере бывала, да? – Пибоди запрашивала через карманный компьютер данные на Чемберлина.

– Дважды. И завязала. В следующий раз пойду, когда в преисподней ледяной дворец построят!

– А мне бы, наверно, понравилось... Хоть посмотреть. Костюмы, музыка, страсти, и все разодеты в пух и прах!

– Ага, ни хрена не понятно, и под занавес все как один покойники.

Мне этого добра и на работе хватает!

– Я бы, наверно, пошла в итальянскую оперу. На итальянском – это так романтично...

– Смерть романтична?

– Ромео и Джульетта...

– Двойное подростковое самоубийство. Красиво, ничего не скажешь!

Пибоди мрачно уставилась в компьютер.

– Это романтическая драма.

– Ну да, трубадур и трубадурша, серенады...

– Дурочка.

Ева повернула голову, сурово прищурилась.

– Повтори!

– В смысле, трубадурочка. Не трубадурша. Прошу прощения.

– Один хрен! – Ева пожала плечами.

– Эдгар Чемберлин, – поспешно прочитала Пибоди, – шестьдесят два года. Дважды разведен, имеет в Лондоне тридцатилетнюю дочь. Дирижирует оркестром вот уже одиннадцать лет, до этого руководил Лондонским симфоническим. Проживает... Ха! В двух кварталах к югу от Дориана! Несколько раз привлекался по мелочи. Порча чужого имущества – расколотил альт. Ущерб возмещен. Выбросил пикколо в окно и грозился отправить следом музыканта. Умышленное нанесение телесных повреждений, обвинение снято. Опять телесные повреждения, условный срок и программа коррекции агрессивного поведения.

– Агрессия, вспышки гнева... – Ева покачала головой. – Причем вспышки внезапные. На нашего убийцу не похоже. И все-таки поговорить надо. Отбери имена на «Э», несколько для начала, пробей по базе. Запроси карту с местами проживания, чтобы нам лишний раз туда-сюда не мотаться.

– Будет сделано. Мать уверена, что никто из знакомых на такое не способен.

– Мать его любит и думает, что остальные тоже. По крайней мере, кто-то один его точно не любил, знакомый он или нет. Надо проверять.

Угрюмое свинцовое небо принялось плевать снежинками, что, как Ева прекрасно знала, приводит у половины водителей к тридцатипроцентному поглупению и утрате навыков вождения. А следовательно, дорожная ситуация средней паршивости грозит перейти в откровенную свалку. Она прибавила газу, пробиваясь на юг и твердо решив опередить всеобщее помешательство.

Едва переступив порог морга, Ева затолкала шапку в карман.

Шаги эхом отдавались в белом коридоре – после праздников здесь царило затишье, как в промерзшей тундре. Впрочем, ненадолго.

Ева поймала взгляд Пибоди, которая повернула голову к автомату с горячими напитками.

– Там одна бурда!

– Да, но мне в снег всегда хочется горячего шоколада. Хотя странная коричневая жидкость, которой писает эта бандура, конечно, мало его напоминает. Почему органы охраны правопорядка не закупят нормальные автоматы?

– Потому что мы все тогда будем дрыхнуть над горячим шоколадом, а не заниматься делом.

Ева распахнула дверь в царство Морриса.

Узнала оперу – не название, а жанр – по растущей истеричности голосов и трагическому звучанию инструментов.

Моррис склонился над Дорианом Купером. Чистый халат поверх сливяно-черного костюма. Волосы с привлекательного продолговатого лица убраны назад и заплетены в причудливую косичку с серебристым шнурком, руки вымазаны кровью. На груди Купера – яркий Y-образный разрез.

– «Жизель». – Моррис поднял глаза, как будто видел музыку. – Хотел сходить на следующей неделе.

– Любишь балет?

– Кое-что. – Он отошел, чтобы смыть кровь и изолирующую жидкость. – Я его знал.

– Знал покойного? – Ева тут же позабыла о поразительно разносторонних музыкальных интересах Морриса и полностью переключилась на новую информацию. – Купера? Ты знал Дориана Купера?

– Да. Блестящий музыкант, поистине блестящий! Не просто чертовски одаренный, но и на редкость приятный в общении. Жаль, что приходится иметь с ним дело в моей конторе.

– Вы дружили?

– Шапочно. Ходили в один и тот же блюзовый клуб, «После полуночи». Пропускали иногда по рюмочке, болтали о музыке.

Ева вспомнила саксофон. Моррис играл на громадном саксофоне.

– Грустно.

– И мне. Мы с Амариллис были у него в гостях за несколько недель до того, как ее убили. Забавно тасуются карты...

Вновь, как и много месяцев назад, в день смерти любимой, его захлестнула волна жгучего горя. Он повернулся и достал из холодильника

пепси, оранжевую шипучку, которой отдавала предпочтение Пибоди, и имбирный эль для себя. Раздал банки.

– За старых друзей!

– Что ты о нем знаешь?

– О личной жизни? Много самых разношерстных приятелей, если, конечно, судить по вечеринкам и компаниям, с которыми он тусовался в клубах. С матерью друг друга обожали, это бросалось в глаза. Бисексуален. Тоже бросалось в глаза. Играл абсолютно на всем. Из любого инструмента мог извлечь и радость, и слезы...

Моррис глотнул пива и оглянулся на тело, свою неоконченную работу.

– Мне он нравился, хотя мы были едва знакомы.

– Не встречал среди его приятелей некую Эллу?

– Говорю же, у него было много самых раз... Эллу? – Моррис издал короткий смешок. – Ангел Эллы!

– Она самая. Знаешь?

– Нет. Явилась как-то в «После полуночи» перед праздниками. В начале декабря, кажется. Мне в ту ночь не спалось, я взял сакс и поехал в клуб. Дориан и несколько общих знакомых уже были там. Потом пришла эта брюнетка... Да, верно, миловидная брюнетка. Села за столик и смотрела на Дориана с явным осуждением. Он подошел, коротко поговорил. Вид у нее был очень рассерженный. Я решил, милые бранятся...

Моррис замолчал, прищурился и снова глотнул пива.

– Дай-ка подумать... Дориан накрыл рукой ее руку, как будто хотел погладить. Эллы отдернула. Не знаю, о чем шла речь, но говорила в основном она. А потом этак театрально хлопнула дверью. Бросила напоследок: «Никогда тебе не прощу! Никогда!» У самой – слезы на глазах. Когда Дориан снова взял инструмент, кто-то пошутил насчет «сердитой подружки», а он ответил: «Нет, не подружка и не друг – ангел Эллы». Мол, ангелы не в его вкусе. «Бесится, потому что я болтаюсь по дешевым кабакам». Засмеялся и предложил сыграть в ее честь.

– Фамилия?

– Не знаю.

– Описать сможешь?

– Конечно.

– Так, чтобы Янси остался доволен?

Речь шла о штатном видеотехнике.

– Постараюсь, если от этого будет какой-то прок... «Э» в сердце? Убийца вырезал «Э» и «Д».

– Да, я хочу с ней поговорить. Если Янси сделает четкий портрет, пропустим через базу и прищучим красавицу.

– Позвоню ему и договорюсь.

– Спасибо.

– Ну, пиво, как ни странно, помогло. – Моррис вздохнул и повернулся к телу. – Приступим.

Он достал очки-микроскопы для себя и Евы, зная, что Пибоди с радостью пропустит такие подробности.

– Удар в затылочную область тяжелым тупым предметом. Исходя из характера раны, разводной ключ.

– Как у слесарей?

– Да. Раздобыть несложно. Это самая старая рана. Я еще не закончил реконструкцию, но... – он вызвал изображение на экран, – били сзади и сверху.

– Замахнулись из-за головы... Да, ударили, когда пострадавший наклонился что-то поднять или завязать чертов шнурок и подставил спину. Убили не на Меканикс-стрит.

– Судя по фото с места преступления, склонен согласиться.

– Запихнули в машину и отвезли в укромное место. По логике вещей, напали рядом с автомобилем. Удар его вырубил?

– Да, сознание Дориан потерял.

– Значит, связать нетрудно.

– Видимо, скотчем. Лабораторный анализ подтвердит. В ранах, а также на запястьях и щиколотках – следы клейкого вещества.

– Но не во рту.

– Губы поранены трением о тонкий прочный материал. На зубах и языке следы силикона.

– Кляп на веревке.

– Видимо, так.

– Унижение, сексуальный подтекст... Его насиловали?

– Никаких признаков.

– Ладно... – Ева сунула руки в карманы и напрягла воображение. – Итак, вырубил и связали. С таким кляпом можно издавать невнятные звуки. Убийца слышал, как он пытается кричать или умолять.

– В случае Дориана, скорее всего, и то и другое. Следов от парализатора или уколов не вижу, но все-таки отправил материал на токсикологию.

– Вряд ли его чем-то накачивали. Наркотики притупляют чувствительность. Так же неинтересно! – Ева прикусила язык. – Прости,

Моррис...

– Ничего. Проникнув в логику преступника, легче его поймать. Ожоги. Подтверждаю результаты первичного осмотра. Следы от сигарет и профессионального источника огня. Вот, например...

Он вслед за Евой надел очки и склонился над телом.

– Грудь, живот, гениталии. Края четко очерчены. Острое пламя.

– Ручная горелка. А на конечностях следы широкие и размытые, со следами копоти. Гематомы на грудной клетке. На кулачные побои не похоже.

– Скорее, дубинка. То же на ступнях. Много поверхностных порезов. Видишь? Колотые и резаные раны. Наносились по крайней мере двумя разными предметами.

– Ты про вот эти? По-моему, нож для колки льда или что-то вроде того.

– А другие – зазубренным лезвием.

– Целый арсенал!

– Сначала шли поверхностные повреждения и ожоги. Кое-что – двухдневной давности.

– Чтобы сразу не откинулся. Убийца входил во вкус, хотел вызвать страх, боль, беспомощность.

– Пальцы на левой руке ломали постепенно. На правой размозжены кости.

– Наступили ногой, чем-то ударили или уронили тяжесть?

– Склоняюсь ко второй версии. Много раз, с силой, били молотком по краю костяшек. Сначала занимались левой, правую увечили в последние сутки. Более глубокие колотые и резаные раны – тоже в последние двадцать четыре часа.

– Перед смертью издевались сильнее.

– Да, но, Даллас, некоторые раны убийца обрабатывал.

– Что?! Как?

– Следы «заживителя». Лаборатория подтвердит. Останавливали кровотечение, а затем снова вскрывали рану. И не раз. Потом порезали живот, отчего и наступила смерть.

– Истекал кровью долго?

– По меньшей мере час или два, пока не потерял сознание. Смерть наступила еще позже, но хотя бы уже не мучился.

– Интересно, преступник смотрит, записывает? Жених все свои великие эксперименты записывал. Здесь не так безумно научно, не так организовано. Унижение, издевательства, запугивание...

Ева стянула очки, глотнула пепси и прошлась взад-вперед.

– Есть план, инструменты, транспорт и укромное место. В то же время пальцы на одной руке ломаются, на другой – дробятся, на конечностях – ожоги от сигарет, на груди и гениталиях – от горелки. Дубинка, нож для льда, зазубренное лезвие. Кляп. Жертва раздета. Сборная солянка психических отклонений или... А сердце? Когда его вырезали?

– Посмертно, тонким гладким лезвием. Точная работа.

– Потому что это подпись. Гордость и... Может быть, «Д» – вовсе не Дориан. Убийце нужна его боль, беспомощность, возможность поиздеваться всласть, но сам он, его имя... Что, если оно ни черта для преступника не значило? Если мать права, никто из знакомых на такое бы не пошел. А значит, имя не важно. И все-таки «Д», «Э»...

– Сердце, – пробормотал Моррис, – как влюбленные, которые вырезают на дереве сердечко с инициалами.

– Двое? – потрясенно прошептала Пибоди. – Любовники?!

– Пока только теория. Надо посоветоваться с Мира, это ее епархия. Хотя мысль интересная. Они его раздевают, затыкают рот, обжигают гениталии электроприбором, но не насилуют. А зачем? Для секса есть партнер.

– Коли так, все издевательства...

– Прелюдия, – dokonчила за Морриса Ева.

Судмедэксперт положил руку на плечо мертвого.

– Я никогда не прошу и сейчас бы не должен, но... Найди их!

Верно, он никогда не просил. И ей бы не следовало обещать...

– Найду! Будь покоен!

– Снова он грустит, – начала Пибоди, когда вышли на улицу. – Вспомнил Колтрейн.

– Справится, – отозвалась Ева, а сама подумала, что неплохо бы вызвать священника. В свое время Моррис получил утешение и дружескую поддержку от Лопеса. – Поработаем, закроем дело, и ему полегчает.

– Договориться о консультации с Мира?

– Давай. Сейчас едем в управление, я займусь бумагами и доской с материалами, попотею над теорией двух убийц. Скажи ей, что отчет пришлю.

– Есть. Думаешь, это случайность? В смысле, выбор жертвы.

– Не знаю. Пока неизвестно даже, где на него напали, как похитили. Надо допросить друзей и коллег. Займемся первыми «Э». Нельзя из-за одной теории забывать о другой. Обзвони их, пусть подъезжают в управление – сэкономим время. И если у Мира найдется минутка, я ее

украду.

Пибоди молча принялась за работу, потом хмуро посмотрела на густеющий снег за окном.

– Все-таки это пара любовников.

– Почему? Потому что ты решила, что я так думаю?

– Нет, это просто натолкнуло на мысль. Вначале я ее даже оттринула. Нет, потому что нет. Слишком извращенно. Потом – постой, сама скажу – поняла, что бывали у нас извращенцы и похлеще, намного. Все дело в классическом сердечке. Они расписались в нем – или один расписался за двоих – не ради искусства, а как символ их больной любви.

Ева секунду помолчала.

– И что ты так завелась?

– Верю я в эти долбанные символы! Дома у родителей есть толстенное такое дерево. Отец вырезал на нем сердце и их с мамой инициалы до нашего рождения. Когда пошли дети, сделал вокруг скамью. Оставил место, чтобы оно еще выросло. Отец с матерью сидели на скамейке, смотрели, как мы играем в саду. А когда нам исполнилось шесть, отец помогал каждому смастерить скворечник. На ветках висят наши скворечники и китайские колокольчики, которые сделала мама и... Это непростое дерево! А началось все с сердечка и инициалов...

– Только без сырости! – предупредила Ева.

– При чем тут сырость?... Просто когда мы навещали их на Рождество, они повели нас к дереву, папа протянул Макнабу нож и велел вырезать инициалы. Они знают, что мы друг друга любим, и верят, что это по-настоящему и надолго. Я тогда расчувствовалась, потому что это дерево – особенное. Символы важны, и нельзя их использовать для убийства! Вот и все.

Ева молчала до самого управления. Припарковавшись на своем месте, произнесла:

– В нашем блядском мире люди расхищают и поганят все самое важное, хорошее и чистое каждый день. Мы это видим и пресекаем.

– Знаю...

– Помолчи и раскинь мозгами: когда какой-то ублюдок марает важное, хорошее и чистое, оно становится только важнее и нисколько не теряет ценности, если ты этого не допускаешь.

Поскольку без сырости все-таки не обошлось, Пибоди потерла лицо.

– Ты права, сто раз права! Просто я раскисла.

– Очень трогательно, – добавила Ева, когда вышли из машины. – Твои родители и это дерево...

Оглянулась на стук каблучков. От своей машины к лифту шла Мира.

По великолепным ногам скользило короткое, до колена, аквамариновое пальто. Туфли и платье были изумрудными. Сумочка и стильный берет на стриженных каштановых волосах – цвета темно-синего сапфира. На плече покачивался портфель из мягкой бронзовой кожи.

– Однако, доброе утро! Вы туда или оттуда?... Пибоди, что случилось?

Руки Пибоди инстинктивно потянулись к лицу.

– Нет, ничего, так... Кстати, я только что запросила для Даллас время на твою консультацию.

– Значит, все-таки сюда, и пока без результатов. – Мира перевела спокойные синие глаза на Еву. – До начала работы двадцать минут. Из-за снегопада я на всякий случай выехала пораньше. Могу подняться к тебе, если ты свободна.

– Для тебя – конечно!

Шанс потолковать с главным психологом-криминалистом управления Ева не упускала никогда.

– Новое дело? Ты же только что вернулась из отпуска!

– Ага, вчера вечером. А в четыре утра вызвали на труп, который обнаружил патрульный робот.

Вошли в лифт, и Ева, не теряя времени, изложила суть дела.

– Мы с друзьями в прошлые выходные ходили на «Жизель». Как раз, наверно, играл ваш подопечный.

Мира подвинулась. Лифт рывком останавливался почти на каждом этаже, запуская все новых копов.

– Пытали два дня? Сексуальное насилие?

– Никакого. Мелкие ожоги на гениталиях от направленного пламени, вероятно, ручной горелки.

Все до единого копы в битком набитом лифте переступили с ноги на ногу, и Ева представила, как их собственные гениталии сжимаются из солидарности.

– Труп обезображен?

– Не в классическом смысле. Переломы, ожоги, порезы, синяки. В основном грудь, живот, конечности. Сломаны и раздроблены пальцы рук. У пострадавшего была густая красивая шевелюра – отрезали и оставили жалкие клочки.

– Унижение. Но лицо почти не пострадало, гениталии не обезображены. На личную неприязнь не похоже.

– Как не похоже?! К твоим яйцам – с горелкой! – не выдержал какой-то коп.

– Ожоги со временем заживают, – улыбнулась Мира. – Другое дело – мелко порубить или отрезать.

– Или кислотой, – невинно добавила Ева. – Помню одну рассерженную девицу. Плеснула парню кислотой, когда обдолбался «зонером».

На этаже убойного отдела Ева с облегчением вздохнула и пробилась сквозь толпу, прокладывая путь для Мира с Пибоди.

– Все, кто нас слышал, при первой же возможности проверят у себя в штанах, – заметила она.

Мира рассмеялась.

– Обоснованный вывод, лейтенант!

Когда свернули в отдел, Бакстер привстал навстречу Еве и снова сел.

– Доктор Мира! Отлично выглядите!

– Вы тоже, детектив. Как всегда.

Мира бросила взгляд в угол, где раньше стояла жалкая елка и где Ева, Бакстер и почти все присутствующие в последний день прошлого, две тысячи шестидесятого года оказались на волосок от гибели.

– Скупаю по твоим праздничным украшениям. Такой эклектический и демократичный стиль! – заметила Мира. – Может, придумаешь что-нибудь на День святого Валентина?

– Нет уж, увольте! – произнесла Ева с нажимом, чтобы у присутствующих не сложилось двух мнений на сей счет. – Пибоди, займись допросами. Доктор Мира, прошу в мой кабинет. Я сейчас подойду.

Она направилась к Бакстеру.

– Стряслось что-нибудь?

– Нет, босс. – Он пожал мощными плечами в элегантном, превосходно сидящем костюме. – Так, хотел поговорить кое о чем, когда у вас будет минутка.

– После Мира. – Ева посмотрела в другой конец, на Дженкинса и его галстук – яркого, как будто подсвеченного синего цвета с белыми кружащимися снежинками. – И как ему не надоест!..

Бакстер ухмыльнулся.

– Уже традиция! Рейнеке трепался, что Дженкинсон берет их мелким оптом со скидкой у какого-то торгаша.

– Помилуй нас господи... – пробормотала Ева и направилась в кабинет.

Глава 4

Мира примостилась на самом краешке издевательского стула для посетителей.

– Сейчас включу аппаратуру, и пересядешь за стол. – Ева хмуро осмотрела жуткое подобие стула, которым пользовалась с самого первого дня в этом кабинете. – Надо, наверно, заказать новый.

– Ты этого не делаешь, потому что не желаешь посетителей.

– Их все труднее выпроваживать. Прости, я не о тебе...

Прекрасно все понимая, Мира сняла берет и взбила густые каштановые волосы.

– Да, во всяком случае, не сегодня.

– Чаю? У меня есть.

– Честно говоря, с утра не отказалась бы от твоего великолепного кофе.

Ева подошла к автоповару – не менее древнему, чем стул, – и заказала два кофе.

– Включу доску, так легче. – Поставив чашку на стол, она села, щелкнула диктофоном и начала выводить с него на экран фото места преступления. – В течение часа напишу отчет и приложу результаты от Морриса. Ближайшая родственница, мать убитого, извещена и допрошена. Помимо нее говорили со швейцаром. Вместе с Пибоди осмотрели квартиру покойного, подготовили материалы для ОЭС, хотя ничего подозрительного там нет. Судя по всему, успешный, талантливый человек с широким кругом друзей и приятелей. Включая Морриса.

– Они знакомы?

– Убитый имел разносторонние музыкальные увлечения и регулярно играл в джаз– и блюз-клубах.

– Как и Моррис, – кивнула Мира.

– Кстати: он потрясен, все это напомнило ему о Колтрейн, сразу видно. Я даже хотела вызвать Лопеса, священника. Они вроде бы нашли общий язык.

Мира снова кивнула.

– Правильно. Только я бы повременила. Может, Моррис сам попросит о помощи или хотя бы почувствует, что она ему нужна. Ты хороший, внимательный друг, ты поймешь.

– Ладно.

Совет Мира снимал с сердца Евы груз и позволял выиграть время. Ей не хотелось вторгаться в чужую жизнь. Подождем денек-другой...

– Впечатления Морриса стыкуются с мнением матери, – продолжала Ева, переходя к более привычной и комфортной теме смерти. – Приятный, дружелюбный одаренный парень. Вступал в интимные отношения с представителями обоих полов. Постоянного партнера и врагов не имел. Общительный и преданный своему делу.

Ева поднялась и указала рукой на свой стул. Она в любом случае предпочитала стоять.

– Мы еще не выяснили, когда было совершено нападение и пошел ли он за преступником по своей воле. Ударили сзади по голове, так что, вероятно, все-таки подстерегли и похитили. Двое суток пытали.

Мира тоже поднялась и встала рядом, у доски.

– Ожоги, резанные раны, ушибы разной степени тяжести. Раздробленные и сломанные кости. Сначала наносились менее серьезные. Моррис считает – тремя предметами: чем-то вроде ножа для колки льда, зазубренным лезвием и гладким. Ожоги – от сигарет и источника направленного острого пламени. Связали скотчем, рот заткнули кляпом на резинке.

– Как для сексуальных утех.

– Только здесь никаких признаков утех или насилия. И видишь, раны на гениталиях меньше, чем на теле и конечностях. То же с лицом. Правда, волосы отрезаны и грубо отрублены, а труп найден голым. Признаки унижения. Волосы тянут на личный мотив, но тело не обезображено, лицо и половые органы повреждены несильно. И еще это... – Ева коснулась снимка сердца с инициалами.

– «Д» – Дориан, «Э» – преступник. – Мира нахмурилась. – Лично и даже романтично. Очень аккуратная работа, но...

– Вот именно: но!

– Логично ожидать более серьезных повреждений на лице и гениталиях, а также следов сексуального насилия. Если это дело рук обманутого возлюбленного или неадекватного поклонника, который вообразил, что у них отношения, это должно отразиться на характере ран.

– Да. А мы наблюдаем нарастание издевательств. Все больше унижения, боли, страха и крови. Кстати, Моррис сказал, отдельные раны обрабатывали.

– Ясно, – кивнула Мира, – чтобы не умер прежде времени. Смертельная – в живот?

– Да, ею закончили. Сознание потерял далеко не сразу.

– Нужно больше информации об убитом и его окружении. Если здесь не личные счеты и жертва выбрана случайно, вполне возможно, что ты имеешь дело с группой преступников.

Да, подумала Ева, именно так.

– Например, любовники с инициалами «Д» и «Э», которые заводятся от пыток и убийства?

– Нужно больше данных, – повторила Мира. – Если выбор жертвы сознателен, то преступник хочет унижать и терроризировать, стремится к полному контролю. Если же Дориан Купер попался случайно – а я пока склоняюсь к этой версии, – все равно надо искать садиста, который терроризирует психологически, отрезая волосы, и физически, причиняя боль связанному и беспомощному.

– А сердце? Оно все меняет, это подпись.

– Не исключено. Если любовники, весьма вероятно, что мы имеем дело с сексуальными садистами, которые используют унижение и причинение боли беспомощному для возбуждения собственного сексуального желания, которое удовлетворяют друг с другом. Признаков пикеризма не вижу, – пробормотала Мира. – Ударов ножом в грудь и ягодицы, калечения гениталий, изнасилования. Различный характер ран, предметов...

Она замолчала и, как часто делала Ева, прошлась вокруг доски.

– Обычно в таких парах есть активный и пассивный. Один причиняет боль, другой наблюдает. Или один заставляет другого причинять боль. В нашем случае вполне возможно, что убийцы равноправны.

– Все это надо спланировать: подыскать укромное место, где можно мучить жертву двое суток, раздобыть машину, инструменты...

– Психопаты, которые планируют и даже репетируют. Садисты, которые получают удовольствие, причиняя боль. Или крайний случай сексуального садизма, когда активный партнер убивает пассивную жертву. Мучение и смерть приносят высшее наслаждение. Они убеждены в своей любви, а жертву рассматривают как дар друг другу.

– Не уверена, что Купер – первый. Пробиваем по базе. Точно не последний. Хищнику и садисту нужна жертва, любовникам – сексуальный кураж.

– Согласна. Возможно, сердце действительно подпись, символ, а преступник романтизирует убийство и жертву. Может быть, преступник-одиночка, лишенный сексуального драйва. Романтик. Точнее, к сожалению, сказать не могу.

– Все равно спасибо, наметилось несколько версий. Допросим друзей,

коллег, получим ответ из международной базы. Как только что-то накопится, отправлю тебе отчет. Спасибо, что уделила минутку.

– Твой кофе того стоит! – Мира с улыбкой протянула Еве пустую чашку. – Выглядишь отдохнувшей. Большая редкость!

– Столько дней проваляться на пляже...

– И молодец, ты заслужила! Мы еще не скоро забудем тридцать первое декабря... Держи меня в курсе, – добавила она, кинув последний взгляд на доску и направляясь к двери. – Хотелось бы заняться этим делом.

Оставшись одна, Ева села за предварительный отчет и папку с материалами. Добавила на доску поступивший отчет Морриса. В коридоре раздались тяжелые шаги Пибоди.

– Можно начинать допрос, – доложила она. – Подъедут с получасовым интервалом. Договорилась с Чемберлином. Он уломал мать Дориана принять транквилизатор и приставил к ней Мейв. Между прочим, жаждет с тобой поговорить, так что я записала его первым.

– Отлично. Всегда имеет смысл побеседовать с главным. И если они в конце концов приш...

Пикнул комп, оповещая о новом письме в почте.

– Слава те господи! Результаты из международной базы. Компьютер, вывести на экран!

По дисплею побежали строчки, и Пибоди придвинулась.

– Мама дорогая! Даллас, тут же черт знает сколько!

– Компьютер, удалить закрытые дела. Удалить дела, касающиеся причинения увечий, изнасилования и прочие преступления на сексуальной почве.

Ева откинулась на спинку. Ее брови поползли вверх.

– Вот, уже меньше... Компьютер, выделить результаты, в которых присутствует вырезанное или выжженное на теле сердце.

Брови опустились и сошлись. На дисплее высветилось двадцать дел.

– Выделить результаты, в которых присутствуют инициалы «Д» и «Э», вырезанные или выжженные на теле.

– Твою мать!.. Это что же такое творится?...

– Двадцать, – резюмировала Ева. – От Теннеси до Нью-Джерси. Мужчины, женщины, разной расовой принадлежности и возраста. Никаких общих примет. Первый – в прошлом сентябре. В среднем раз в неделю, хотя...

– ...есть перерывы, – подхватила Пибоди. – Десять дней, две недели. Смотри, в Огайо и Пенсильвании чаще, до двух в неделю, потом снова спад.

- На самом деле их не двадцать, а больше.
- Больше?
- Такие хищники входят во вкус, им, как наркоманам, надо увеличивать дозу. Некоторые трупы могли уничтожить, – рассуждала Ева. – Спрятали, сожгли. Или пометили как-то иначе, чтобы не всплывало в базе... Скорее всего, спрятали или уничтожили. Убили, кого не хватятся. Бродягу, командированного, бездомного, спящего на тротуаре.
- То есть «Д» к нашей жертве не относится.
- Нет. «Э» и «Д» – сумасшедшая сладкая парочка. Компьютер, вывести на экран хронологический маршрут!

Команда выполняется...

- Начали здесь, – заговорила Ева, пока компьютер анализировал данные, – в сентябре, в Нэшвилле. Женщина двадцати с небольшим, искали двое с половиной суток. Найдена в пустом доме агентом по недвижимости и потенциальным покупателем.
- Цену пришлось снизить...
- Ха! К тому времени была мертва двадцать восемь часов. Мучили меньше. На месте преступления никаких посторонних отпечатков пальцев или следов ДНК.
- Она была не первой.

Команда выполнена.

- Вывести на экран! – Ева наблюдала, как высвечивается маршрут, точка за точкой, смерть за смертью.
- Кое-где петляли, а в общем – курс на северо-восток, – отметила Пибоди.
- Сделали крюк пару раз.
- Осматривали местные достопримечательности или навещали друзей, подумала Ева и продолжила:
- Забавы ради. Любопытно, Нью-Йорк – конечная цель или очередной транзитный пункт?

Недостаточно информации для ответа на вопрос.

- Я не тебя спрашиваю. Компьютер, скопировать все данные на мой домашний компьютер, а также домашний и рабочий компьютеры детектива

Пибоди. А ты свяжись со старшими следователями по этим делам. Проверь, не совало ли свой нос ФБР. Если да, то и с ними – тоже.

– Будет сделано. Чемберлин подойдет с минуты на минуту.

– Отлично. Забронировала комнату для допросов?

– Да, «А» в твоём распоряжении на шесть часов.

Ева кивнула.

– Дориан Купер не связан с убийцей, он просто очередная жертва. Но как знать, может, что-нибудь и прояснится. Начну допрашивать, а ты собирай информацию. Как закончишь, сразу ко мне. Если Чемберлин придет раньше, чем я тут освобожусь, пусть его проводят в допросную. Мне надо еще минут пяток... – черт, мало! – десять минут.

Она быстро натюкала отчет для Мира. Шефу тоже надо отправить, но главное – послать новые данные психологу. Не успела закончить, как за дверью раздались торопливые шаги.

Не Пибоди – шаги легче, а обувь лучше.

Бакстер.

Она недовольно подняла глаза.

– Есть время, лейтенант?

– Я тут немного зашиваюсь, – отозвалась она, допечатывая последнее слово и нажимая кнопку «оправить».

– Ага, ясно. – Он посмотрел на доску и на экран. – Чтоб мне пусто было! Серия?

– На вероятность пока не проверяла, но очень похоже. Сейчас ко мне явятся на допрос, так что давай в темпе.

– Я могу и потом...

Если она не найдет времени для подчиненных, то сыщик она, может, и хороший, а начальник – паршивый.

– Выкладывай! Несколько минут у меня есть.

– Тут такое дело... Трухарт через пару дней сдает экзамен на детектива.

– Ага, у меня отмечено. И что не так?

– Вроде ничего...

Ева откинулась на стуле. Бакстер стоял, засунув руки в карманы, и чем-то звякал. Не похоже на него. Она ждала продолжения.

– Понимаете, это я его подзуживал. Надавил, чтобы он подал заявление. А потом вас доставал – чтобы одобрили.

– Я одобрила не потому, что ты доставал.

– Так он, по-вашему, готов?

– Есть причины для сомнений?

– Нет. В смысле, он сейчас зубрит, старается. И я его погонял по материалу...

Звяканье смолкло и началось снова. Ева терпеливо ждала.

– Нюх у него что надо. И трудяга. В общем, реальный коп. Правда, зелен, но это никогда полностью не сойдет, тем-то и хорош. А просто... Надавил я с заявлением.

– Думаешь, он подал, чтобы сделать тебе приятное?

Бакстер открыл рот и ошеломленно выдохнул.

– Нет, больше так не прогибается, прошло то время. Да нет, все дело во мне, босс. Не сплю с тех пор, как... Ну как мы все чуть на воздух не взлетели. Сначала думал, в этом-то все и дело, что чуть не померли, – ан нет. С такой работенкой к мысли о смерти рано или поздно привыкаешь. Короче, не хочу подводить парня.

– Вовсе ты его не подвел. С чего ты взял? Когда я его к тебе приставила, еще гадала, как пойдет. Трухарту надо было пообтесаться, и ты ему помог, оставив все важное в целостности и сохранности. Ты его натаскал, Бакстер, и превратил в реального копа. Если провалится, значит, не готов. А если сдаст, что более вероятно, то наверняка ты попросишь, чтобы я определила его твоим напарником. Так и сделаю. И если когда-нибудь захочешь обучить кого-то еще, тоже устрою. У тебя выходит очень недурно.

– Ладно, спасибо большое. Сам так не дрейфил, когда значок получал...

– Самоуверен был, как петух. Сейчас занят?

– Нет. Утром было пустяковое дело, уже закрыли. Хотел пройтись с Трухартом еще раз по висякам, чтобы мозги не ржавели.

– Для мозгов я, пожалуй, еще кое-что подкину. Смотрите пока висяки. Если пойдет, как думаю, будет вам гимнастика для ума. А теперь чеши отсюда.

– Есть чесать отсюда!

– Кстати, Бакстер, в моей команде – только реальные копы!

Он кивнул, несколько успокоенный.

– Спасибо, лейтенант.

Ушел. Ева еще минуту сидела за столом, глядя на доску и думая о Дориане Купере.

Встала. Столкнулась в дверях с Пибоди.

– О, как раз вовремя! – защебетала та. – Препроводила Чемберлина в допросную. Между прочим, он сам в растрепанных чувствах.

– Хорошо, может, больше из него вытяну. Я послала новые данные Мира. Накропай пока отчет для Уитни. И обойдемся без твоих дурацких

«почему я»! Ты прекрасно умеешь писать эти дебильные отчеты, а мне некогда. Свяжись со всеми старшими следователями, и, когда закончу допрос, займемся. Если нужна помощь, подключаай Бакстера и Трухарта. Они свободны, освежают в памяти висяки.

– Элайза Теш, скрипка, будет здесь через полчаса.

– Опрошу после Чемберлина. Работаем в темпе.

Чемберлин сидел, положив руки на обшарпанный стол. Поднял на Еву утомленные глаза.

– Мне надо скорее вернуться к Мине.

– Я вас не задержу. Наш разговор будет записан. Включить запись. Лейтенант Ева Даллас опрашивает Эдгара Чемберлина. Мистер Чемберлин, я сообщу вам ваши права. Таков порядок.

– Мне не в первый раз.

Ева зачитала обновленную формулу Миранды.

– Все понятно, и к черту адвоката! Я что, подозреваемый?

– На данном этапе мы собираем сведения. Думаю, вы можете быть нам полезны, поскольку работали с Дорианом и, как я поняла, состоите в близких отношениях с его матерью.

– Мы с Миной уже несколько лет в близких моногамных отношениях.

– Однако не живете вместе.

– Дорожим личным пространством. А Дориан... Дориан для нее все. Мне он был как сын. Знаю, избитая фраза. Если и спорили – только по поводу музыки. Он невероятно одарен! То есть был одарен... Такой талант порождает собственное мнение.

Улыбка почти коснулась его глаз.

– И мнение это время от времени оказывалось более обоснованным, чем мое. Нечасто, но бывало.

– У вас непростой характер, мистер Чемберлин.

– Верно. Я платил штрафы, проходил коррекционную программу... Да чушь это все! – Он театрально махнул рукой. – Я успеха добился благодаря горячности и характеру. Мои музыканты играют блестяще, потому что иначе у меня нельзя!

– А если не играют, вы разбиваете пикколо.

– Не отрицаю, – пожал он плечами. – Если не играют, значит, вон из оркестра!

Ева заявила Бакстеру про свою команду то же самое, так что возразить было нечего.

– А виолончель Дориана в окно выбрасывали?

– Дориан всегда был великолепен. С его смертью мир понес огромную

утрату. Лейтенант... – Он сжал руки. – Прошу, не показывайте его Мине до того, как... Она сказала, его пытали... – Он запнулся, отвел глаза. – Не давайте ей смотреть, пока его... Не хочу, чтобы она запомнила сына таким. У меня есть потрясающие гримеры...

– Положитесь на доктора Морриса, нашего судмедэксперта.

– Я его не знаю.

– Зато я знаю. Не беспокойтесь.

Он снова в упор посмотрел на Еву.

– Если Дориан будет выглядеть не так, как надо, вы с этим Моррисом ответите!

– По рукам.

– Вы на самом деле считаете, что это я его пытал?

– Нет, – спокойно ответила Ева.

Чемберлин удивленно заморгал.

– Но следствие только началось. Вот вы скажите мне, кто мог это сделать.

– Не знаю! – Он с силой хлопнул кулаком по столу. – Я видел многих его друзей и приятелей. Музыканты оркестра для меня – как облупленные. И... не знаю.

– Великолепно играет, для дирижера как сын... Благодатная почва для обиды, зависти, ярости...

Чемберлин покачал головой.

– Он всем помогал. Приходил раньше, оставался после репетиции. Жил ради музыки и людей. Вы спрашиваете, есть ли в оркестре конкуренция, конфликты, страсти? Без накала страстей невозможна великолепная игра. Но я знаю свой коллектив. Никто из них на это не пошел бы!

Чемберлин подался вперед.

– Что с ним сделали? Вы мне скажете? Чего хотели? Деньги он бы отдал! Что этому маньяку было нужно?

Его боль, подумала Ева, кровь и смерть.

– Следствие только началось. Обещаю уделить делу максимум внимания. Мы рассматриваем все возможные версии.

– Не уходите от ответа!

– Это правда. И на данный момент – все, что я могу сказать. Когда вы видели Дориана в последний раз?

– Два дня назад. Сегодня вечером будет три. На концерте. Потом мы с Миной и друзьями задержались на ужин. Наутро поняли, что он не вернулся домой, но не беспокоились. Встревожились, когда не явился на

репетицию. Раньше ни разу не... Он бы никогда не пропустил. Я уже объяснял все это детективу, который принимал заявление об исчезновении.

– Расскажите еще раз.

– Расспросили друзей. Тео Баррон, гобой, сказал, что они с компанией условились встретиться с Дорианом в клубе «После полуночи». Он часто ходил туда поиграть и развеяться. Только его там не оказалось. Они решили, что его кто-то перехватил. Выпивка, секс. У Дориана была пестрая интимная жизнь. Тео пытался ему дозвониться, оставил пару сообщений, но особо не волновался. Дориан так и не ответил и домой не вернулся.

– Почему они не отправились в клуб вместе?

– Тео волочит за контральто из труппы. Уговорил ее тоже сходить в клуб и ждал, пока переоденется. А Дориан поехал вперед.

– Как он обычно туда добирался?

– На такси.

– Хорошо. – Ева сделала пометку. – Что вы знаете об ангеле Элле?

– А, эта... – Чемберлин издал короткий смешок. – Напыщенная дура! Брала интервью у меня и еще кое-кого из оркестра и труппы, якобы для статьи. «Ангел» – это Дориан ее пожалел. Напыщенная, чванливая и фанатичная! Дориан вел себя с ней мило, видимо, хотел переспать, а она устроила сцену в его любимом клубе. Подробностей не знаю, меня там не было, но она вывела его из себя. После этого он уже никуда с ней не ходил.

– Знаете фамилию?

– Дентон. Элла Р. Дентон. Запомнил, потому что требовала, чтобы к ней обращались полным именем, включая инициал. – Он откинулся на стуле, на секунду закрыл глаза руками. – Лейтенант, она как комар. Женщина, которая вьется вокруг, звенит, так что хочется прихлопнуть, но вреда от нее не больше, чем от насекомого, – почешется немного, и все дела.

– Мы проверяем каждую версию. Хорошо, возвращайтесь к матери Дориана. Когда доктор Моррис его подготовит, с вами свяжутся. Если еще что-то вспомните, любую мелочь, сразу дайте знать.

Провожая его из допросной, Ева заметила женщину лет тридцати. Длинные светлые волосы были собраны в хвост, открывая красивое лицо в пятнах от слез. Синие глаза покраснели и припухли.

– Маэстро!.. – произнесла она срывающимся голосом.

Чемберлин повернулся и, видя, что сама она не решается, раскрыл объятья.

– Маэстро! – Женщина бросилась ему на грудь. – Ведь это страшный сон, правда?

– Нет, Элайза...

– Что случилось? – Она слегка отодвинулась. На лице боролись горе и ярость. – Никто нам ничего не говорит, не объясняет...

– Я объясню, – пообещала Ева. – Элайза Теш?

– Да. А вы?

– Лейтенант Даллас. Пройдемте.

– Хочешь, я останусь? – предложил Чемберлин.

– Лучше нам с миз Теш побеседовать наедине, – заметила Ева и открыла перед Элайзой дверь.

– Ничего, маэстро, я в порядке. Как Мина?

– Я сейчас к ней.

– Может, мне тоже потом приехать? Или нам всем?

– Позже. Я скажу. Может быть, завтра. – Он коснулся губами ее лба. – Может быть, завтра...

Ева провела Элайзу в допросную и включила запись. Когда зачитала обновленную формулу Миранды, Элайза замахала руками.

– Плевать я хотела на свои права и запись! Что с Дорианом?

– Вопросы задаю я. Начнем. Когда вы в последний раз видели Дориана или говорили с ним?

– На концерте, в тот вечер, когда он пропал. Как это случилось?

– Что вы делали после концерта?

– О, ради бога! Поехала на такси в клуб с Тео, Ханной и Сэмьюэлом. «После полуночи». Дориан поехал вперед, но в клубе его не оказалось. Я хотела ехать с ним, но меня задержали...

– Кто?

– Мама. Позвонила из Остина сразу после концерта. Сестра объявила о помолвке, и мама на радостях болтала без умолку. В результате я не успела сказать Дориану, что еду с ним. Если бы я только успела... Если бы...

В глазах у Элайзы снова заблестели слезы.

– Мы отстали от него почти на час. Ханне надо было переодеться и смыть грим. Не знаю, минут тридцать-сорок. Только Стюи сказал, что он и не приходил.

– Стюи?

– Бармен. Мы постоянные посетители. Дориан бывал там чаще, хотя из оркестра многие ходят послушать музыку, поиграть, расслабиться. Я подумала – мы подумали, – что он встретил кого-нибудь и изменил планы. Тео ему звонил. Сразу включалась голосовая почта. Не пришел он и на следующий вечер. Раньше Дориан никогда не пропускал концерты. Вот тут-то мы и заволновались. В полиции сказали, надо ждать, пока Мина

сможет подать официальное заявление. Если бы вы начали раньше...

– Ничего бы не изменилось. Он знал, что вы в него влюблены?

Элайза поджала губы и покачала головой. Глаза опять заволокло слезами.

– Нет, я старалась не показывать. Он бы меня жалел, а я бы не вынесла. Мы иногда спали, но я знала, что для него это просто секс и нежная дружба. Мечтала, что однажды остепенится и поймет, что я люблю его с самой первой встречи, с моего прихода в оркестр. Три года, два месяца и пять дней... Тогда я впервые увидела Дориана и услышала его игру. Столько я его люблю... Прошу вас, скажите, что с ним произошло! Вы ведь знаете! Что случилось?

– У него были враги?

– Нет. Он из тех, кто легко идет по жизни и в то же время оставляет глубокий след. Я знаю, кто вы. Поняла, как только позвонила ваша напарница. Я читала книгу, смотрела передачу и фильм. Вы расследуете убийства. Это разбойное нападение?

– Нет. – Ева решила, что скоро все равно станет известно. – На данном этапе есть свидетельства, что его похитили, держали где-то двое суток, пытали и убили.

– Пытали?... В смысле? – Лицо Элайзы застыло и побелело, словно ледяное. – О чем вы?!

– Его насильно лишили свободы и мучили... Кто-нибудь на него обижался? Или, может, Дориан владел важной информацией? У него были долги, секреты?

– Нет, – с трудом выдавила Элайза и решительно помотала головой. – Нет, и еще раз нет! Секреты, полагаю, – да, как у всех. А долгов он не делал. Я, по крайней мере, не слышала. Азартными играми не увлекался, наркотики не принимал. Ничего такого, что ведет к долгам. Два дня? Господи, два дня! Пытали два дня!!!

Она рывком встала, скрестила руки и прошла по тесной комнате.

– Два дня... Боже мой! Нет, среди его знакомых такого человека нет.

Она резко обернулась и вперила в Еву невидящие глаза.

– Вы замужем. Из книги и фильма ясно, что любите мужа...

– Моя личная жизнь тут ни при чем.

– Еще как при чем! Чтобы глубоко любить, надо человека знать. И вы это понимаете. Так вот, я знаю Дориана. Никто из его знакомых на такое бы не пошел. Это какой-то ублюдок со стороны. Больной, чокнутый садист. «Помогите мне, пожалуйста!» «Извините, у вас не найдется доллара?» «Простите, как пройти к Седьмой авеню?» И все, Дориан ринулся бы

помогать. Он взял такси. – Она закрыла лицо руками. – Во сколько же это было?... Чуть позже половины двенадцатого. Наверно, вышел на улицу и поймал машину. Выясните. Надо понять, подловили его прямо у концертного зала или в центре. Вам нужно...

– Я все сделаю, миз Теш. Обещаю.

– Вы его не знали...

– Не важно. Теперь он мой.

– В книге и передаче вас не приукрасили?

– Я сделаю все возможное.

Глава 5

Ева вышла из допросной и направилась к столу Пибоди.

– Нарыла что-нибудь? Сейчас с тобой поменяемся.

– ФБР подключилось. Ведет агент Карл Звек. Начали со случая в Брэнсоне, Миссури, состыковались со старшим следователем в Плезант-Эйкерс, Нью-Джерси, по убийству на прошлой неделе. Только что с ней переговорила. Детектив Франсин Люпин. Захолустный городишко, мало ресурсов и опыта. С радостью примет любую помощь. Сейчас перешлю тебе на комп. Связалась с двумя следователями из Пенсильвании. Иду по местам преступления в обратном порядке. Психологи ФБР тоже заключили, что действуют двое преступников-любовников.

– Подозреваемые? Приметы?

– Абсолютно ничего! – Пибоди развела руками. – Продираюсь сквозь кипы отчетов и фэбээровской болтологии, результат мизерный. Время от времени меняют машину. В обнаруженных автомобилях – когда владелец и жертва одно лицо – никаких пальчиков. За последние пару месяцев десятки опрошенных. Показания, естественно, противоречивые. Мужчина и женщина, двое мужчин, разный возраст, разный цвет кожи. Вероятность выше с парой мужчина-женщина. Возраст – от двадцати пяти до тридцати пяти.

Негусто, мысленно согласилась Ева.

– Поработаю с тем, что есть. Допрошенные показали, что после концерта Дориан с друзьями собирался в клуб «После полуночи». Поехал вперед. Ангел Элла – это Элла Р. Дентон. В картину преступления не вписывается, и все равно проверим.

Проверка напрасной не бывает, считала Ева.

– Вероятнее всего, Купер поймал такси, поехал в центр, и там его схватили. Случайно. Оказался не в то время не в том месте. Продолжай допросы, вдруг еще что-то всплывет, уточняй хронологию событий и передвижения фигурантов. И, на случай, если я ошибаюсь, выясняй, не было ли угроз и преследования.

– Не ошибаешься. Ясно, что эти двое объявляются в городе, выбирают жертву, развлекаются и продолжают путь. Издеваются над пленниками в каком-нибудь глухом месте или, если речь о городе, заброшенном здании. Два-три дня – и до свидания. Может, они и тут уже закончили и уехали.

– Проверим. Хотя взгляни на маршрут: очевидно же – они

направлялись в Нью-Йорк. Вопрос, почему...

В своем кабинете она перечитала записи напарницы и расположила материалы по другим жертвам на второй доске, в кои-то веки пожалев, что у нее так мало места.

С трудом, но все-таки вычислила такси. Купер поймал его на Бродвее и приехал в центр, где по собственной инициативе вышел на углу Перри-стрит и Седьмой авеню, за несколько кварталов до клуба.

Почему? Приятный вечер?

Проверила сводки погоды, кивнула:

– Да, приятный вечер. Решил пройтись, размяться, подышать свежим воздухом. Район знакомый. Как же они тебя приметили?...

Снова села, закинула ноги на стол и прикрыла глаза.

Женщина – Ева придерживалась версии с разнополой парой – заманила женщина.

«Простите, вы мне не поможете? Я, кажется, заблудилась». Этак взволнованно-кокетливо, очаровательно-беспомощно и, разумеется, безобидно.

Да, пожалуй. Проще простого.

Или излюбленная хитрость Дамера, классический прием, неизменно срабатывающий на протяжении многих десятилетий.

Одинокая женщина поднимает в кузов машины что-то тяжелое.

«Вам помочь?» – «Ой, правда? Вы не против? А то я все никак...»

Купер делает доброе дело, а в это время мужчина сзади наносит удар. Запихивают в кузов микроавтобуса или внедорожника. Один садится рядом, чтобы не вырвался, если что, другой – за руль.

Ева открыла глаза и воззрилась на доску.

В машине два дня не продержишь. Есть логово. Скорее всего, тоже в центре. Там его схватили, там и выбросили.

Пробежала глазами по маршруту, рассчитывая время, которое надо, чтобы доехать с Перри до Механикс-стрит. Выделила на карте сектор.

Предполагаемое место убийства. Где-то здесь.

Заброшенный дом? Совсем заброшенных мало, кто-нибудь да вселится: наркоманы, бездомные...

Нашла в районе шесть подходящих зданий, отправила туда патрульных.

Продолжила работу напарницы, обзванивая следователей по другим делам.

Ближе к вечеру снова вошла Пибоди. Устало бросила на стол пакет со снедью из торгового автомата.

– Что это?

– «Расчудесный фаршированный “карман”». Новинка. По правде, я бы назвала его расхреновым, но пузо набивается. Можно кофе? После праздников и ежедневных походов в спортзал едва волочу задницу.

Ева указала большим пальцем на автоповар и выложила последние новости:

– Следователь в Вудсбери, Огайо, бросил на этот случай все силы. Первое в их городе убийство за десяток с лишним лет, и он воспринимает его как личное оскорбление. Может, и выйдет толк... Что это за дрянь?!

Проглотив кусочек «кармана», Ева поспешно отхлебнула из кружки Пибоди.

– И кофе такой же поганый! Они что, специально делают как хуже?

– Садисты.

– Отстой! Не хочу даже думать, из чего это. А теперь оно у меня в животе. Вместе с кофе, который начисто убит молоком и сахаром. Еще и есть захотелось...

Ева бросила провинившийся пакет с едой в урну для переработки мусора. Самое место!

– Да, черт, хочу есть! Ну что ты будешь делать!

Она подошла к автоповару, запрограммировала витаминный коктейль и с отвращением посмотрела на зеленую жидкость.

У Финли получается, с горечью подумала она. В его автоповаре под напитком со шпинатом замаскирован настоящий кофе. Где-то здесь у нас припрятан шоколадный батончик...

Нету.

– Чтоб он сдох, этот Конфетный вор! Дура, могла бы и догадаться! Обчистил кабинет, пока я в отпуске.

– У тебя тут был шоколадный батончик?

– Был да сплыл! – Ева с отвращением вернулась к столу и выдвинула ящик. – Ублюдок похищает настоящий шоколад и оставляет взамен энергетическую дрянь!

– Шоколад?!

– Все, забудь!

В наказание за собственный просчет Ева глотнула витаминный коктейль, который оказался не так уж плох, и развернула энергетический батончик.

– Исходя из карты, логично предположить, что нападение совершено между Перри и Кристофер-стрит. Остановили, вырубили, погрузили в машину, связали. Я послала проверить заброшенные здания.

– А у меня ничего существенного. По собственному почину явились Тео Баррон и Сэмьюэл Дикс, так что я заодно и с ними поговорила.

– Из клубной компашки?

– Да. Тео всю дорогу лил слезы и повторял, что если бы он только не крутил с этой певичкой, то поехал бы с Дорианом, и тот сейчас был бы жив.

– Все так.

Запавшие глаза Пибоди округлились.

– Это не делает его виноватым или ответственным, – махнула рукой Ева. – Просто факт. Преступники не напали бы на двоих мужиков. Выбирают одиночек.

– По-прежнему думаешь, что трупов больше?

– Пока не доказано, но в маршруте пробелы. Возможно, спешили в следующий город или просто не нашли никого подходящего, и все-таки логичнее заключить, что кого-то убили. Убийства не вписались в данную схему, или тело не нашли. А тут, – она махнула батончиком в сторону карты Нью-Йорка, – тут у нас есть шансы. Проверим.

– Еще не всех допросили, я запланировала перерыв.

– Бакстер и Трухарт здесь?

– Да, сегодня никаких вызовов.

– Введи их в курс дела, пусть возьмут на себя опрос, пока мы будем на выезде. Дай мне пять минут доложить Мира и Уитни...

Она попыталась лично переговорить с Мира, но злокозненный админ недвусмысленно дал понять, что доктор на совещании. Ева довольствовалась тем, что набрала краткий отчет и заодно отправила копию шефу.

Допила витаминный коктейль – не выбрасывать же! – и схватила плащ. Выйдя из кабинета, кивнула Трухарту и осведомилась у Бакстера:

– Готовы?

– Да, вопросов нет.

Ева помедлила, взглянула еще раз в молодое открытое лицо.

– А ты готов?

– Я?... Так точно!

– Лейтенант имеет в виду экзамен, мой дорогой стажер.

– Так точно, готов.

– Молодец. Пибоди, со мной.

По дороге к эскалаторам Ева накинула плащ и, памятуя утреннюю стужу, вытащила вязаный шарф, подарок напарницы.

– ФБР ведут отсчет от Теннесси. Ерунда – слишком чисто и

продуманно! В первый раз наверняка наследили. Или вообще вышло случайно. Как они обнаружили, что торчат от пыток и крови?

– Может, первого они знали. – Стоя на эскалаторе, Пибоди накручивала вокруг шеи причудливые петли семимильного шарфа. – Человек, на которого у обоих – или у одного – имелся зуб. Или что-то было нужно.

– Скорее, последнее, – заметила Ева. – Как сошлись? Когда? Первое убийство – случайность или самооборона – вышло комом, но в процессе они поймали кайф.

Когда до выхода оставалось недалеко, прошли в лифт.

– Живут в Нью-Йорке и вернулись домой или приехали с запада поразвлечься в большой город? Мало информации. У погибших нет общих примет. Их не просто выбирают наугад – тут еще и везение. Например, предыдущая жертва, женщина за семьдесят, скорее всего, похищена с парковки небольшого торгового центра, где нет камер. А два дня спустя тело сбросили в овраг за шесть миль оттуда. Парень двадцати одного года из Пенсильвании исчез с придорожного места отдыха водителей и через пару дней найден у шоссе к северо-востоку. – Ева направилась к машине. – Всегда одинокая жертва. Выбирается по стечению обстоятельств, а не предварительному плану. Тело выбрасывается на некотором удалении от места убийства. Значит, их логово – в Нижнем Вест-Сайде, а не у свалки рядом с Меканикс-стрит.

Она села за руль и включила заднюю передачу.

– Выйди Купер не на Перри-стрит, а у клуба, играл бы сейчас преспокойно на виолончели, а трупом стал бы кто-то другой.

– И все-таки не исключено, что они направляются дальше на север, – заметила Пибоди. – Нью-Йорк у них – первый пункт такого масштаба.

– Потому-то и логично, что он – цель...

Только посмотреть на всех них, размышляла Ева, глядя в окно. Миллионы потенциальных жертв!

Профессиональные проститутки, доверчивые туристы, бизнесмены, спешащие на позднюю деловую встречу, владелец магазина, закрывающий свое заведение на ночь, стриптизерша, идущая домой в предрассветной тьме...

Выбирай на любой вкус, ассортимент безграничный!

Припарковалась на Перри, задумалась.

– Сделай одолжение, свяжись с Чарльзом или Луизой, они живут рядом. Луиза частенько выходит в поздний час одна.

Врачи и копы работают в любое время дня и ночи. Всегда работают.

– Уже сделала, как только увидела карту.

– Молодец, голова! Итак... Такси высадило его на углу Перри и Гринвич-стрит. Три квартала до Кристофер-стрит, оттуда еще полтора до клуба. Где-то здесь и подловили.

Ева пошла, внимательно глядя по сторонам.

– Он знал район, часто здесь бывал. Холодно, ясно, тихо, без снега – хорошая морозная ночка для бодрой прогулки, чтобы выветрить из головы оперу и влиться в джаз.

– Ходу не больше пяти минут.

– Больше и не надо. – Ева остановилась. – Вот, пожалуйста, у этого дома никто не чистит тротуар и ступеньки. Жалюзи опущены. На что спорим, хозяева в отъезде? В командировке, в отпуске...

– Думаешь, они здесь его убили? А тротуар, лестница? Если бы приволокли сюда, остались бы следы.

– Я не думаю, что его сюда приволокли, я думаю, его здесь схватили. Припарковались. Да, рядом другие дома, но не вплотную. А приближается полночь, холодная ясная ночь в тихом, респектабельном районе. Соседи наверняка спят. Скрутить надо быстро и тихо. Женщина отвлекает, мужчина наносит удар. Да. Вырубить, связать, погрузить в машину. Давай-ка поспрашиваем.

Они направились к ближайшей двери – такому же степенному красно-коричневому зданию с квадратным двориком перед тротуаром. Ответила нянька. После электронного сканирования документов оглядела их строгими глазами и позволила войти в переднюю.

– Ребятишки полдничают. Если Джастин прослышит, что тут копы, будет на ушах стоять. Обожает передачи и игры про полицию. А что стряслось?

– Здесь – ничего. Надо задать пару вопросов. Ваши соседи в отъезде?

– Минникиеры? Ага. – Низенькая нянька фыркнула, вздрогнув всем телом. – Только не говорите, что их ограбили. Там охрана почище, чем в Белом доме! И сами как собаки, между прочим. Мнят о себе невесть что. А уж какова фифа! Прошлым летом заявила сюда и наорала, потому что Розы, видите ли, сорвала у нее цветок. А он вылез за забор, почти на тротуар. Что с того, что ребенок сорвал? Но моя хозяйка, она-то показала класс! Распорядилась, чтобы этой грымзе доставили от флориста целый букетище. Та даже спасибо не сказала. Вот вам и соседи!

Нянька скрестила на груди руки и снова презрительно фыркнула.

– Небось набедокурили на своих Гавайях? Я слыхала, они там аж до марта.

– Не знаю. Вы здесь ночуете?

– Нет, я проходящая, обычно с восьми до четырех. А что надо-то?

– Не замечали в последние дни подозрительный автомобиль? Может, часто ездил мимо или останавливался у соседского дома.

– По-моему, нет... – Она смолкла, наклонив голову и прищурившись. – Снова сцепились, надо идти... Спросите мистера Хейверса, напротив дома этих задавак. Он работает по ночам. Приятная семья.

Хейверс, грузный мужчина с рассеянными светло-кариими глазами, оказался не прочь поговорить. Лет пятидесяти пяти, прикинула Ева.

– Не вчера, значит, и не позавчера, а два дня назад. Так-так... Да, я работал. Пишу триллеры. Муза обычно посещает часов в десять вечера.

– Дрю Генри Хейверс?! – воскликнула Пибоди.

– Ваш покорный слуга...

– Столько лет чуть не какаюсь со страху над вашими книгами! Непримечательное бледное лицо осветилось, точно взлетная полоса.

– Благодарю! Лучший комплимент!

– Где вы пишете? – осведомилась Ева.

– Наверху. У меня отдельный кабинет с окном на улицу, чтобы не беспокоить жену с детьми. Спальни выходят на задний двор. Машина, говорите, странная машина... Я ухожу в работу с головой, ничего вокруг не замечаю, хотя... – Он почесал затылок, потер глаза. – Я расхаживал взад-вперед, решая, должен ли сумасшедший демон потрошить героя или по сюжету лучше, чтобы он содрал с него кожу... Да, я видел у дома напротив машину. Очень неприятные соседи, кстати. Сейчас в отъезде. Правда, я ничего не заподозрил. Даже не вспомнил, что их нет. Наверно, подумал, глянь-ка, несоседи – мы их так прозвали, – кажется, купили новую тачку. Но они-то в отпуске.

– Что за автомобиль?

– Э-э... Я ведь не разглядывал. Темный, это точно, не белый и не кремовый. Да, темного цвета. И не седан, побольше. Вроде этих нескладных внедорожников. Или микроавтобус. Скорее, микроавтобус.

– Рядом кто-то был?

– Я только мельком глянул в окно... Кажется, да. Не могу сказать, мужчина или женщина. Закутан с ног до головы. И, по-моему, кресло. Да, кажется, кресло. Нет, наверно, вру. С какой стати кресло посреди улицы?... Наверно, попутал.

– Что этот человек делал с креслом?

– Не знаю. Кресла, вероятно, вообще не было. Жена вечно говорит, что я живу в воображаемом мире. Кресло как будто бы поднимали в машину.

Или, наоборот, выгрузили...

– В котором часу?

– Ни малейшего представления... Так, вдохновение приходит примерно в десять. Значит, после десяти. Причем сильно после, так как я уже дошел до сцены убийства. Но до двух – в два я лег. Да, гораздо раньше двух – я остановился на потрошении и дописал до ритуала жертвоприношения. Извините, что не помог толком. Очень уважаю полицию. И особенно полицейских, которые читают мои книги!

– Спасибо, что уделили время, мистер Хейверс, – отозвалась Ева. – Если что-то вспомните, дайте знать. Пибоди, оставь мистеру Хейверсу визитку.

Постучались еще в несколько дверей, но ничего существенного не выяснили.

– Из-за этого Хейверса я кошмарами мучаюсь, – проворчала Пибоди, садясь в машину.

– На кой читать такие книжки?

«Кошмаров тебе и так хватает, – добавила про себя Ева, – на работе и в жизни».

– Сама не знаю. Не могу удержаться, и все! Хорошо пишет! Вообще-то я люблю счастливый конец – у него он всегда счастливый. Добро побеждает зло, после ужаса, кучи трупов и моря крови. Вроде как у нас. Может, в этом и причина.

– Темный внедорожник или микроавтобус. Скорее, микроавтобус. Уже что-то. И женщина с креслом.

– Он не уверен.

– Женщина, точно тебе говорю! Пыталась погрузить кресло в машину.

– Классика жанра.

– Работает отлично. Купер замечает корячащуюся дамочку и предлагает помощь.

Логично, потому что правда.

– Все сходится, включая время. Раз уж мы здесь, давай-ка заглянем в клуб.

«После полуночи» оказался неприметным меланхоличным заведением с узким кругом завсегдатаев. Седовласый пианист разминал пальцы, а женщина с лицом и фигурой сирены, покачиваясь, пела о любви, в которой все пошло наперекосяк.

Ева без труда представила, как Моррис вплетает в композицию печальную ноту своего сакса. И добавила в эту картинку интимный голос

виолончели Дориана Купера.

Уютное местечко. Столики у сцены. Бар, приглушенный голубоватый свет.

Побеседовала с барменом, одинокой официанткой, стариком пианистом и молодой сиреной. Получила новую порцию горя и причитаний и не узнала ничего нового.

– Его правда любили, – заметила Пибоди, когда они вышли из голубого тепла в серую промозглость.

– Располагал к себе. Итак, что мы выяснили?

– Купер бывал тут три-четыре раза в месяц и всем нравился.

– Да. И что его убийцы здесь не появлялись. Клуб маленький, все на виду. Конечно, иногда заглядывают туристы, но в основном свои. Появись в день исчезновения новенькие, их бы непременно заметили. Плюс в пользу случайного выбора жертвы. Оказался не в том месте не в то время.

– Согласна, согласна. И все запомнили ангела Эллу.

– Кстати... – Ева взглянула на часы. – Заброшу тебя в управление. Если у Бакстера и Трухарта что-то новенькое, сразу докладывай. Свяжись с ОЭС, вдруг все-таки нашли что-нибудь в электронике. И, если больше ничего не выйдет, дуй домой. А я навещу эту Ангеллу – на работе она или дома, мне по пути. В картину не вписывается, и все-таки проверить надо.

– Наверно, дома. Я смотрела ее расписание. – Пибоди устроилась на пассажирском сиденье. – Последнее занятие закончилось полчаса назад. Даже если задержалась, к тому времени, как ты выберешься из центра, уже вернется. Поезжай лучше туда. На дорогах ад!

Глава 6

На дорогах действительно был ад. «Но и я вам тоже не ангел с крылышками», – думала Ева, пробиваясь на север. Она нарушала, подрезала, лезла напролом. И получала своеобразное удовольствие, кроя на все корки неуклюжий максибус или провожая завистливым взглядом одноместный «мини», который юрко шнырял между большими авто.

С усмешкой слушала оглушительную рекламу «Новой Весенней Коллекции» в проклятом «Скаймоле» – при том что градусник показывал минус два!

По пути скорректировала записи по делу, проверила данные, которые получил во время опросов Трухарт, и позвонила в Джульямскую школу.

Элла Р. Дентон уже ушла.

Ева без особого труда обнаружила ее дом – оштукатуренное здание строчной застройки, переделанное под четыре квартиры.

С местом для парковки вышло хуже. Ева даже хотела встать вторым рядом, но, памятуя о собственных дорожных неприятностях, не решилась. Некоторые водители и пассажиры ни в чем не виноваты.

Однако, завидев место на другой стороне улицы, она безо всяких угрызений совести включила сирену, воткнула вертикальную передачу, взлетела над крышами автомобилей и приземлилась в свободный карман.

Возмущенные гудки ничуть ее не смущали.

Перешла на перекрестке дорогу, поднялась по ступеням и, взглянув на номера, нажала звонок.

– Что надо? – раздался нетерпеливый окрик.

Ева подняла жетон.

– Департамент полиции и безопасности Нью-Йорка, лейтенант Даллас. Мне нужно поговорить с Эллой Р. Дентон.

– Вы не вовремя, я работаю!

– Я, представьте, тоже. Если не можете сейчас, утром вас доставят в управление для допроса.

– Вы не имеете права!

Ева улыбнулась.

– На что спорим?

За дверью что-то недовольно прошипели. Лязгнули замки.

На фото в документах Ангелла получалась лучше, чем в жизни. Каштановые волосы были убраны назад, открывая продолговатое, почти

лошадиное лицо. Явно не жалуется косметику, предпочитая спускать деньги на кое-что другое.

Ева унюхала «зонер» и отметила характерный тусклый взгляд узких голубых глаз.

– Вы превышаете полномочия!

– Жалуйтесь. Тогда мне не придется умалчивать о запахе запрещенных препаратов и дымке «зонера». Или же вы меня впустите, мы побеседуем, и обе займемся своими делами.

– Я дома и имею право делать что хочу!

– Нет, запрещено – значит, запрещено везде. – Расставив ноги, Ева с холодным презрением смотрела в стекленеющие глаза. – Пойдете на принцип, миз Дентон?

– Черт с вами... Только имейте в виду, я запомнила ваше имя и номер жетона.

– А я – ваше нежелание сотрудничать.

Гостиная свидетельствовала о маниакальном стремлении к порядку: все строго на своих местах, минималистский дизайн, никаких фотографий, цветов или комнатных растений. Одинокий темно-серый диван перед стенным экраном. Одинокое кресло того же цвета под напольной лампой.

Ангелла – мысленно Ева теперь называла ее только так – не предложила сесть. Ева тоже не попросила.

– Вы были знакомы с Дорианом Купером и ссорились с ним в клубе «После полуночи».

– Да, я знала Дориана. Сегодня услышала про убийство. Огромная потеря для оперы, но ко мне не имеет никакого отношения.

– Вы очень на него разозлились.

– Точнее, почувствовала отвращение, что человек его таланта разменивается на низкопробную музыку.

– Больше он в этом не провинится.

– Да, и не восхитит своим мастерством и глубиной ценителей настоящего искусства.

– Давайте к конкретике. Где вы были в воскресенье вечером между одиннадцатью и часом ночи?

– Дома. К одиннадцати, наверно, уже спала.

– Одна?

– Моя личная жизнь вас...

– Одна? – повторила Ева железобетонным тоном.

– Да. Во второй половине дня сходила на музыкальный вечер и к шести вернулась. Поужинала и работала до десяти. Нет, серьезно! Вы

спятили, если думаете, что я причастна к смерти Дориана!

– Вчера вечером между десятью и часом?

– На репетиции «Богемы» в Джульярде. С семи до начала одиннадцатого. Потом пошла с двумя коллегами выпить и обсудить постановку. Сидели за полночь, вместе взяли такси, и я приехала домой.

– Имена.

– Вы меня оскорбляете!

– Да, и это тоже запомните. Имена!

Элла с гордо поднятой головой отбарабанила фамилии.

– А теперь вон из моего дома!

– К тому идет. У вас есть машина?

– Нет. Я живу в городе с прекрасной системой общественного транспорта, и моя работа находится в пяти минутах ходьбы от дома.

Последний вопрос Ева задала в основном, чтобы позлить собеседницу:

– Бывали в Нэшвилле, Теннесси?

– Разумеется, нет! Что я там забыла? Это же, если не ошибаюсь, столица кантри! – В ее устах последнее слово прозвучало как грязное ругательство. – Уже хотя бы по одному этому ноги моей там не будет!

– Они как-нибудь переживут. Спасибо, что уделили время.

– Если вы еще раз явитесь сюда с оскорблениями, я вызову адвоката!

– Я вернусь только в том случае, если вы солгали. И тогда адвокат вам действительно понадобится!

Ангелла с треском захлопнула дверь, и Ева с наслаждением вдохнула показавшийся прекрасным и свежим воздух улицы.

Теперь, подумала она, срочно требуется выпить.

Маяться в пробках, к счастью, оставалось недолго, и она въехала в ворота своего дома вскоре после того, как на фоне сине-фиолетового неба засверкали белые озерца фонарей.

Темный силуэт выстроенного Рорком дома с причудливыми зубчатыми башенками возвышался точно замок. В несчетных окнах горел свет.

Домой хотелось еще сильнее, чем выпить. Домой, где ждет спокойствие, простор и время, чтобы привести в порядок мысли, где можно набраться сил для расследования убийств.

Она бросила машину перед домом, наклонившись, прошла к парадной двери сквозь расшалившийся ветер.

Сейчас ее ждет встреча со скелетом в траурно-черном костюме и жирным котярой у ног.

Соммерсет, дворецкий Рорка, вскинул брови.

– Первый день после отпуска завершился без жертв и разрушений.

Надолго ли?

– Сейчас загоню линейку, которую ты проглотил, подальше тебе в задницу – и начнутся жертвы и разрушения!

– Без подобного замечания день пропал бы зря.

Ева швырнула пальто на нижнюю балясину перил, потому что удобно – и раздражает Соммерсета, – и пошла вверх по лестнице в сопровождении кота, который приветственно терся о ее ноги.

Остановилась.

– Ты, наверно, обожаешь оперу. Развлечение как раз в твоём вкусе.

– Я поклонник самого разного искусства. Слышал Дориана Купера в Метрополитен, «После полуночи» и других местах. Недавно узнал о его кончине. Такой молодой, такой яркий талант! Трагедия!

– Любое убийство – трагедия.

– Некоторые задевают больше других. Он в ваших руках? В новостях не назвали имя следователя.

– Да. В моих.

Ева поднялась в спальню и направилась напрямик к локализатору.

– Где Рорк?

Рорк в данный момент не в резиденции.

То есть еще не вернулся, подумала она и догадалась проверить телефон. Естественно, там ждало сообщение.

Лейтенант, надеюсь, твой день прошел неплохо.

Слушая легкий ирландский шепоток в его голосе, Ева скинула жакет.

Надо срочно смотаться в Детройт, ненадолго. Вернусь к половине восьмого или раньше. А пока позаботься хорошенько о моем копее!

Значит, есть немного времени. Можно расположить материалы на доске в кабинете, перечитать отчеты и заметки.

Или, думала она, пока Галахад пушистой змеей вился вокруг ее ног, можно сначала проветрить голову.

Она села, скинула ботинки, почесала кота, который вспрыгнул рядом на кровать. Переоделась для тренировки и направилась к лифту. Кот сел и подозрительно уставился разноцветными глазами на открывшиеся двери.

– Я тоже этот ездящий гроб не очень люблю... Скоро вернусь, – пообещала она, и двери закрылись.

Ева еще по-настоящему не оценила рождественский подарок Рорка – додзё заканчивали, когда они уезжали на отдых.

Теперь она вошла и глубоко неторопливо вдохнула.

Стены поблескивали мягким золотом. В дальнем углу небольшого садика распускались на камнях вокруг водной композиции белые цветы. Раздвижные двери скрывали кухню с полным запасом родниковой воды и энергетиков.

Кофе – под строжайшим запретом. Это несправедливо по любым законам, божеским и человеческим, однако пришлось смириться.

Другая дверь вела в гардеробную с белыми полотенцами, борцовскими матами и черными и белыми кимоно. Отсюда вход в душевую, а из душа – в спортзал, если такого рода тренировка ей более по вкусу.

Рорк не забыл даже про картины – впрочем, этот человек никогда ни о чем не забывал. Безмятежные садики, клонящиеся к земле ветви цветущих вишен, зеленые холмы в утренней дымке.

Все дышало спокойствием, дисциплиной и простотой.

А заодно служило сверхсовременной голографической комнатой.

Подарок этим не ограничивался. К додзё прилагался еще и мастер Лу. Она могла съездить к нему или договориться о встрече в собственном додзё.

Или, когда времени мало, – связаться с мастером голографически.

Так она и поступила сейчас, жаждая хорошей выматывающей тренировки с мастером боевых искусств.

Его образ возник в центре комнаты: волосы заплетены в длинную косичку, на поджаром теле – простое черное кимоно.

Прижал руки к груди, поклонился.

– Лейтенант Даллас!

– Мастер Лу! Благодарю за честь!

– Я рад достойной ученице.

– У нас всего полчаса...

– Не будем терять ни минуты.

– Ваш удар в полете с вращением – это нечто! У меня никогда так высоко не получается. Если вы...

– Благодарю. Это придет со временем. А на первом уроке вы научитесь дышать...

– Что?

– Дыхание – в основе всего. Сначала дыхание, – он подошел ближе, –

потом дыхание и движение. Руки.

Он взял ее за руки и, глядя в упор темными глазами, прижал одну ладонь к животу, а другую к сердцу.

– Дыхание – жизнь. Вы не камушек, прибитый к берегу, а рыбка, резвящаяся в волнах. Вдыхая, наполняйте грудь воздухом, втягивайте свет. Медленно, прислушиваясь к себе. Глубокий выдох. Пауза. Вдох.

Ева послушно следовала указаниям.

Когда она снова ступила в лифт, пришлось признать, что голова в самом деле прояснилась. Кто бы мог подумать, что есть столько способов дышать!

Двери открылись. В спальне Рорк расстегивал рубашку и... дыхание у нее перехватило.

Черные шелковистые волосы почти до плеч обрамляли лицо, от которого бросало в жар, слабели колени и трепетало сердце. Все это и даже больше она испытала сейчас.

Бывали моменты, когда он просто смотрел на нее, и его идеальные губы изгибались в улыбке, а глаза – шире и синее любого моря – вспыхивали любовью, и тогда сердце Евы переполнялось до краев.

– Занятие с мастером Лу?

– Ага. – Она вошла, и двери лифта закрылись. – Училась дышать. Думала, что умею – живая, как-никак... Оказывается, можно дышать в пальцы ног! Слышал такое? У меня получилось. Хотя звучит как полная ахинея.

Он засмеялся, положил руки ей на бедра и притянул к себе.

– Рыбка, а не камушек... Я повторял пару начальных уроков. – Погладил талию. – Вот чего мне не хватало весь день!

Его поцелуй был неспешным и глубоким, как дыхание.

– Привык, что могу делать это в любое время дня и ночи!

– Добро пожаловать в реальность. Как Детройт?

– Затянул ключом пару болтов... А у тебя, я слышал, уже убийство?

– Куда без них!

– Это да... Дориан Купер, виолончелист.

– Ты его знал?

Покачивая головой, Рорк снял рубашку.

– Заочно. Слышал, как играет. В новостях передавали очень скупое. Убийство преднамеренное?

– Преступников несколько. Два дня пытали, потом вспороли живот и бросили истекать кровью.

Рорк натянул серый свитер, и Ева подивилась, что тот самый цвет,

который в квартире Ангеллы казался чопорным и скучным, вдруг стал на муже насыщенным и мягким.

– И правда: добро пожаловать в реальность... – пробормотал Рорк. – Убийц несколько, говоришь? Личность установлена?

– Нет, но их двое, и Дориан не первый. Далеко не первый.

– По-моему, нам не помешает бокал вина и ужин, за которым ты мне все расскажешь.

– От вина не откажусь. Сексуальные садисты, – начала она, выходя из спальни, – с вывертом.

Она изложила обстоятельства дела, как коллеге-копу. Он бы поморщился от подобного сравнения, однако, по сути, мыслил, как полицейский.

Пока Ева размещала материалы на доске, Рорк сообразил ужин. Значит, пиццы не видать. Приходилось идти на компромисс. Правила брака, которые в данном случае пишет именно он, устраивая ужин в ее кабинете с убийством и смертью на десерт.

– Думаешь, Нью-Йорк – конечная точка?

– В долгосрочной перспективе – не знаю. Понимаешь, маршрут не прямой, как стрела, но всякий раз снова поворачивал на северо-восток.

Ева взяла у мужа вино, показала бокалом на карту:

– Короткие отклонения от курса, так мне видится. Заправиться или перекусить. Достопримечательности, знакомые... И делаешь крюк в несколько миль.

– А потом обратно, – кивнул Рорк. – Жертв грабят?

Ага, подумала Ева, мыслит как коп.

– Берут деньги и ценности. Иногда машину или запчасти. Погибшие в основном в группе риска: проститутки, бездомные. Хотя нападают и на других. Часто где-нибудь в глуши. Одинокую старуху пытали и убили в собственном доме. Забрали что смогли. Двадцатилетнего парня, который поздно возвращался темными переулками из бара, мучили в какой-то пустой хибаре.

– Следы?

– Удаляют начисто. Или пользуются изолирующей жидкостью. А может, криминалисты прошляпили...

Слишком много трупов, думала Ева, сложно шаг за шагом отобрать существенное.

– По крайней мере, один из них достаточно аккуратен. Не во всех случаях обнаружили место убийства. Как правило, тело бросают не там, где убивают. Используют свалки, чаще всего на приличном расстоянии.

Заворачивают в целлофан.

– То есть хозяин дома решает, что его ограбили, и, раз крови нет, не сообщает о возможном убийстве?

– Вот именно. А к тому времени, как полиция что-то заподозрит, на месте преступления все давно затоптали. И еще везение... Аккуратны, осторожны, это да. Но порой им просто везет.

– Давай ешь! – Рорк потянул ее за руку к столу.

На белых квадратных тарелках лежали свиные отбивные под неизвестным соусом, золотистая горка печеного картофеля в крапинках зелени и разноцветное ассорти из тыквы со шпинатом.

«Никогда так не освою автоповар», – подумала Ева.

– Сердце, инициалы... – начал он.

– Подпись.

– И заявление. Тебе не кажется? Не только «вместе убили», а и «мы вместе».

– Истинная любовь?

– Скорее всего, так и думают. Иначе зачем сердце с инициалами? Плюс, жертв не насилуют.

– Преданы друг другу.

– А если бы не сердце?

Она размышляла и жевала. Неизвестно, что за соус сварганил Рорк, но вышло пальчики оближешь!

– Наверно, я все-таки решила бы, что работает команда. Да, выбрать, заманить, связать и всячески мучить можно и в одиночку. Но убитые слишком разные – более вероятно, что преступников двое. Женщина вряд ли остановит машину на глухой дороге или откроет ночью дверь незнакомому мужчине. Две пострадавшие, проститутки, имели лицензию только на гетеросексуальные связи. Могли, конечно, в виде исключения расширить ассортимент, и все-таки клиент, скорее всего, был мужчиной. Опять же, одинокой женщине легче привлечь внимание, попросив помочь с чем-то тяжелым.

– То есть ты бы сделала вывод, что действуют двое, мужчина и женщина?

– Ага. Хотя не исключала бы окончательно преступника-одиночку. – Ева задумчиво покачала головой, продолжая есть. – Без этого сердца я бы не рассматривала их как влюбленную пару. Секс – да, но не любовь. – Она снова кивнула. – Причем хотят, чтобы и мы так о них думали. Любопытно.

– В чем загвоздка?

Ева улыбнулась и попробовала овощи, которые обычно не жаловала.

– Знаешь, не все преступники мыслят как коп.

– Успешные и даже прошедшие реабилитацию – да! – Рорк посмотрел на Еву поверх бокала. – Вряд ли они проснулись в одно прекрасное утро и решили: а давай-ка прокатимся, выберем жертву и поиздеваемся! Нужна причина. Например, кто-то из них убил в ярости или защищая партнера – опять любовь – или даже случайно.

– А дальше покатилося, – кивнула Ева. – Или в ходе другого преступления обнаружили, что заводятся от пыток. Ну или один подсадил другого на свое извращенное хобби.

Рорк кинул взгляд на доску.

– Хобби? Это уже профессионалы!

– Да, вот тут у меня и не стыкуется. Как становятся профессионалами?

– В основе – природная склонность и интерес. А оттачиваются навыки только практикой. Они начали не с той жертвы, которая у тебя на доске.

– Я тоже так думаю. Постепенно ускорились – убийства регистрируются чаще. Потом снова перерыв. Мучили дольше, пока не пришли к оптимальному двухдневному интервалу. Да, работа слишком чистая, начали явно раньше. Плюс отрезки затишья...

– Не нашли или не вписали в общую картину.

– Тут мы с ФБР расходимся. Их психологи считают, что жертв двадцать. Вместе с Купером двадцать одна. Я же думаю, в перерывах были еще убийства. Такие преступники сами по себе темп не сбавляют. В случае больших перерывов фэбээровцы со мной согласны, но все равно сосредотачиваются только на известных двадцати и этом маршруте. Говорят, маловероятно, что у женщины из Нэшвилла есть предшественники. И все еще решают, как квалифицировать: серийные убийства или массовые.

– Жертвам и их близким это без разницы.

– Вот-вот. Промежутки заполнятся трупами – никакого отдыха не было. С точки зрения виктимологии никаких общих примет, выбор случаен. Массовые убийцы, садисты, которые испытывают чувства только по отношению друг к другу. Скорее всего, мужчина и женщина. Приятной внешности, не вызывающие страха видом или манерой поведения. Ни в одном из опросов, включая мои, не фигурировали никакие странные личности.

– Не выделяются и не лезут на рожон.

– Ординарная внешность, достаточно извилин, чтобы не привлекать внимание. Влюбленная пара – тоже автоматически внушает доверие, будь то в баре, мотеле или при съеме жилья. То и дело меняют тачку. К тому

времени, как мы начинаем искать, уже пересели на другую.

– Отчаиваться все-таки рано?

– В деле Купера – безусловно, а если взглянуть на всю картину... Понатворили дел! Куча информации и никаких зацепок...

– Что дальше?

– Продолжу с Купером. Почему выбрали этот район? Случайно? Свидетель видел машину. Будем копать. Темный внедорожник или микроавтобус. Скорее, микроавтобус. Сделаем, что сможем. А вообще надо искать первую жертву – проверять заявления о пропаже, всяки, так называемые случайные смерти. Короче, плясать от первого преступления.

– Фэбээровцы разве не это самое делают?

– Кто-то вроде бы что-то и роет по известным жертвам. А надо смотреть пропавших, «сбежавших», случайные смерти, глухари...

– Ну разве не весело?

– Обхохочешься! – Ева вздохнула, пригубила вино. – Проверю на вероятность от первого известного трупа в обратном направлении.

– Если хочешь, помогу. Быстрее получится. Раз уж ты не развлекаешь меня никаким финансовым расследованием, на худой конец, сойдет и география!

– Действуй, командир. Спасибо. – Ева отрезала кусочек отбивной. – Наша парочка откуда-то взялась. Где-то же они выросли. Это еще одна нить. С родителями или в приемной семье, учились, как-то зарабатывали. Один или оба должны были засветиться в полиции.

– Оба? Думаешь, вместе? – размышлял вслух Рорк.

– Вряд ли это длится годами. И вряд ли удалось бы столько времени не попадать в поле зрения. Не дети, детей сразу замечают. «Да, видел, околачивались тут какие-то подростки». Почему не в школе? Что надо? К тому же у подростков и зеленой молодежи нет хладнокровия, чтобы выбирать жертв, подыскивать место, уничтожать следы. Но и не старше тридцати-сорока.

– А это почему?

– Нельзя столько времени подавлять желание. Оно внутри, нужен лишь толчок. При определенных обстоятельствах убить может каждый. Не каждый способен пытать. И опять же, сердце... Не каждый романтизирует издевательства и получает от них удовольствие. – Ева отодвинула тарелку. – Вот ты бы из-за меня убил?

– Разумеется.

– Господи, даже секунды не подумал!

– А зачем? Кто мы, Ева? Мы оба способны убить, и оба убивали. Есть,

правда, определенный критерий... Убил бы я, чтобы защитить тебя, спасти твою жизнь, уберечь от опасности? Не колеблюсь. Убил бы, если б сказала: «Сделай одолжение, убери его, он мне не нравится»? Колебаться опять же незачем, потому что ты бы никогда так не попросила.

– Ну а если бы?

Рорк осушил бокал.

– Пришлось бы с тобой серьезно потолковать.

– Хорошо, – удовлетворенно ответила она. – А смог бы из-за меня пытаться?

Его брови поползли вверх.

– Станный у нас выходит разговор... Ладно, повинуюсь. Чтобы тебя защитить – считай я, что не обойтись без пыток, любого рода, – да, смог бы. А стало бы это для меня или тебя сексуальным стимулом – нет. Намеренное причинение боли отвратительно. Мы оба испытывали физическую и эмоциональную боль и знаем, какая это мерзость.

– Верно. Некоторые люди, пройдя через издевательства, с годами сами начинают издеваться. Эту версию тоже надо учитывать. Кто-то обидел – родитель, старший, муж, любовник, – а теперь у тебя власть, и ты можешь причинять боль и запугивать.

Она поднялась, подошла к доске.

– Не просто в отместку, а потому что нравится. Кто бы мог подумать, как приятно, как весело вселять страх и делать больно?! И уже не можешь остановиться.

– Подсел.

– Да. Вот я и говорю, началось не здесь. – Ева постучала по фотографии на доске. – Тут далеко не первая проба. Уже хорошо знали, как будет. А первая... Это был сюрприз! Можно сказать, откровение. Я понимаю этих преступников, достаточно хорошо их представляю. Но кто именно и почему, пока не вижу.

Рорк тоже встал и подошел к жене. Положил руки ей на плечи и мягко поцеловал в макушку.

– Беспокоишься, потому что знаешь, что кровь еще будет.

– Нью-Йорк – крупнейший город на их пути. Смотрю на маршрут – и чувствую, что так и есть. Выбор, как нигде. Возбуждает, наверно. И мотивирует.

– То есть скоро им захочется еще.

– А может – уже. Или через денек-другой. Удивлюсь, если протянут дольше. Два дня поиграться с жертвой. Между Купером и пострадавшим из Нью-Джерси едва прошла неделя. Как у нариков. Дозы все чаще и больше.

– Ключ в том, кто они такие и откуда. Что ж, пойду займусь маршрутом.

– Спасибо! Раз ты приготовил ужин, я разгребу завалы.

– Справедливо. – Рорк приподнял ее лицо и дотронулся до ямочки на подбородке. – А вообще, учитывая, кто такие мы с тобой, – приятно снова быть дома!

Когда он скрылся за дверью кабинета, она унесла в кухню тарелки и сунула их в посудомоечную машину. Неплохо сработались, думала Ева, – коп и бывший преступник. Баснословно богатый человек с корнями в переулках Дублина и женщина, которая, прежде чем пойти в гору, восемь лет едва сводила концы с концами на зарплату рядового полицейского.

Мало кто, включая ее саму, верил, что они так сойдутся, станут друг для друга всем...

Вот и преступники, за которыми она гоняется, наверняка смотрятся вместе что надо. Как и положено влюбленной паре. Иначе бросалось бы в глаза.

И, безусловно, тоже сработались.

Ева снова подумала о Рорке. С какой легкостью она приняла его помощь в официальном расследовании...

Вдруг осенило – доверие! Не просто влечение и страсть, не просто общая цель. Чтобы действовать как команда, надо доверять.

С этими мыслями она вернулась к доске, чтобы перечитать свои заметки.

Глава 7

Ева изучила отчет Бакстера по опросам, выборочно послушала записи. Ничто не выбивалось из ряда вон, как она, впрочем, и ожидала. Зато можно оценить манеру и ритм Трухарта.

Хорошо дополняет более гладкий стиль Бакстера, решила она.

Пометила спарить Трухарта на допросах с другими детективами, вывести его из зоны комфорта.

Дописала очередной отчет Уитни и Мира, подчеркнула случайный выбор жертв. Купер – очередной пострадавший в длинной цепочке убийств от рук неустановленных преступников.

Сообщила Моррису, что личность Ангеллы установлена. Тот отписался, что мать требует выдать тело. Посоветовала немедленно передать его ближайшей родственнице или ее представителю.

Нет никакого смысла продлевать мучение. Купер уже все им поведал.

Дозвонилась двум следователям. Долгая запутанная беседа не принесла новой информации или выводов и закончилась взаимными обещаниями сотрудничества.

Когда вернулся Рорк, она снова проверяла по теории вероятностей жертву из Нью-Джерси.

– Получилось несколько маршрутов. Три основных, – сообщил он. – По шансам очень близки, выделить какой-то трудно. Внутри каждого тоже возможны варианты.

– Покажешь?

Рорк щелкнул кнопкой.

– Первый начинается на юго-востоке Техаса, идет через Луизиану и Арканзас и захватывает Миссисипи. Далее – Теннесси и известная нам жертва. Вот эти светящиеся точки – вероятные остановки в Теннесси, Миссури и Кентукки. Таким образом, исчезает пробел перед Западной Виргинией. Еще по одному пункту в Западной Виргинии и на западе Мэриленда – устраняется пробел перед Огайо. Дальше два пункта в Пенсильвании, но это необычно, и компьютер согласен, что в одном из них, сельском и малонаселенном, они охотиться не стали бы. Таким образом, остается одна остановка перед Нью-Джерси и затем – Нью-Йорк.

– Небольшие отклонения, а в целом довольно-таки прямой курс на северо-восток.

– Второй начинается на западе. Я пошел прямо с Калифорнии, через

Неваду, Аризону и Нью-Мексико. Захватываем Техас, Оклахому и Арканзас. Дальше как в первом.

– Калифорния. Далековато, долго...

И много трупов, добавила про себя Ева.

– Да, далеко и долго. Вначале двигались бы на юго-восток, потом свернули на север. И последний маршрут идет из Флориды через Алабаму, Джорджию и, возможно, Миссисипи, в Теннесси, где зафиксирована первая жертва. Либо им зачем-то туда было надо, либо просто решили изменить направление. Дальше – все как у первых двух.

– Вероятность?

– Семьдесят и две – семьдесят и четыре. Точнее определить невозможно.

– Допустим, третий, – прикинула Ева. – С юга, где тепло и солнце? Если судить по датам, начали бы осенью. На носу зима. Бывает, конечно, что человек уезжает из тепла в холод и ненастье, и все-таки, если ты начал резать глотки при хорошей погоде, почему не дожждаться весны? Зачем так срочно двигать на север?

– Цель – Нью-Йорк, – напомнил Рорк.

– Понимаю, жаждут отхватить кровавый кусище от «Большого яблока». Тогда почему не ускориться, чтобы успеть до праздников, когда город украшен? Со всей страны народ валом валит поглазеть на рождественский бедлам. Зачем из достаточно теплых краев перебираться в откровенно холодные? Нет, зная человеческую натуру, я бы третий исключила... Теперь второй, из Калифорнии.

Ева прошлась вокруг доски, посмотрела на экран.

– Опять южный кусок, хотя, может, что-то у них там стряслось, и надо срочно драпать. Или просто взяли да поехали. Расстояние больше, чем с юго-востока, поэтому начали, наверно, еще летом. Да, скорее всего. О зиме не думается, просто пускаешься в путь. А значит, нас ждут ненайденные трупы и висяки.

– За начальный пункт можно взять любую точку: Аризона, Нью-Мексико, Оклахома. Все, что севернее, – вряд ли.

– Да, этим-то он мне нравится и не нравится... – Ева задумчиво сунула большие пальцы в карманы. – Могли начать где угодно, с самой западной точки. По карте вполне логично. А время... Вероятно, первое убийство где-то здесь? Это у нас что?

– Нью-Мексико.

– Почему у топографов и географов сплошь какие-то «Нью»?

– И это говорит жительница Нью-Йорка!

– А вопрос остается. Если так по сердцу Мексика, Гэмпшир и Йорк, на кой ляд оттуда уезжать?... Короче, или здесь, или в Техасе и Оклахоме. Ставлю на этот маршрут, как и компьютер. С юго-востока Техаса через Луизиану, Миссисипи и Арканзас. И чего эти названия все такие странные? Ар-канзас... Интересно, Канзас не возражал?

Рорку последнее замечание показалось вполне обоснованным.

– Не знаю.

– К делу не относится, и все-таки вопрос... По-моему, второй вариант. И опять, как ни странно, Рорк согласился.

– Только вот почему? Еще один вопрос...

– А все то же: с юга на север, из тепла в холод. Нюхом чую.

– Кажется, я тоже. Или, может, привык к ходу твоих мыслей.

– Ага. Или просто потому, что это правда. Покопаем заявления о пропаже и висяки на других маршрутах, но я сосредоточусь на втором.

Ева потянулась за кофе на столе и обнаружила, что он исчез. Не успела нахмуриться, как Рорк протянул ей чашку с тем, что осталось.

– Отлично, – снова заговорила она. – Есть, чем заняться, пока не объявится новый труп.

Рорк взъерошил ей волосы.

– Оптимизм, однако!

– Причем стопроцентный: труп будет! Только гадко сознавать, что расследованию поможет очередная смерть.

Ева снова взглядела в карту и покачала головой.

– Все, что мы можем, – искать предыдущие жертвы. Соберу в кучу материал, отошлю, кому полагается. И пусть Пибоди начинает с первым вариантом.

– А я давай проверю третий, маловероятный. Если и не найду ничего, просто вычеркнешь из списка.

Она посмотрела на мужа, представительного даже в домашней одежде. И ведь наверняка своих дел по горло...

– Скучная коповская работа на целую ночь.

– Настолько скучная, что параллельно решу кое-какие менее скучные вопросы.

– С меня причитается!

– О графике погашения задолженности поговорим позже.

– Как будто я не знаю, в какой валюте отдавать!

Он рассмеялся и притянул ее для поцелуя.

– Вот так я и стал самым богатым человеком в мире.

– Ты и без того самый богатый, почти.

– Без тебя – нет. – На сей раз он нежно поцеловал ее в лоб. – Теперь – нет.

Ева вернулась к столу и подумала, что Рорк не лукавит. Она его понимала. Когда-то и ей хватало значка полицейского. Абсолютно хватало. Теперь – нет.

Перепоручив один маршрут Пибоди, а другой мужу, Ева, засучив рукава, взялась за наиболее вероятный. Пробила по международной базе все отрезки пути, запрашивая по отдельности заявления о пропаже, нераскрытые убийства и комбинацию того и другого.

Результатов, как обычно, пришлось ждать, и она подошла к доске. Выбрала наугад жертву.

Села, перечитала материалы, спрашивая себя, что сделала бы иначе, будь у нее больше информации. Представила схему.

Налицо эскалация жестокости и продолжительности пыток. Причем интервал между убийствами сокращается.

Типично для психопатологии массового убийцы.

Время между тем, когда жертву в последний раз видели в живых, и обнаружением трупа выросло с восемнадцати часов до сорока девяти. Промежуток между смертью первой жертвы и захватом второй – десять дней. Между пострадавшим в Нью-Джерси и Купером – всего четыре.

Если она права, преступники больше не кочуют, осели. Никаких теперь маленьких городов, глухих дорог. Да здравствует мегаполис!

Она повернулась в кресле и посмотрела в темное окно.

Уже, наверно, кого-нибудь схватили. Или вот-вот. Если схема не изменилась – сегодня ночью. Значит, у нее два дня, чтобы найти их и спасти чью-то жизнь.

Ее глаза в ужасе округлились, когда по экрану побежали результаты. Чертова прорва заявлений о пропаже и нераскрытых убийств!

Сосредоточилась на третьей колонке – комбинации двух первых.

Вошел Рорк.

– Кажется, у меня кое-что... – Вскинул брови, заметив ожесточенное выражение ее лица. – А ты, видимо, напала на след...

– Юго-восток Миссури. Этот клинышек между Арканзасом и Теннесси.

– Глухие края, прозвали Загогулиной.

Ева вскинула на него взгляд.

– Проверял?

– Краем глаза. Парень, девятнадцать лет, пропал теплым сентябрьским вечером, возвращаясь с тренировки по бейсболу.

– Обнаружили почти неделю спустя, в лесу, на территории Теннесси. Полуразложившегося и обглоданного хищниками. Сломанное запястье и пальцы, колотые и резаные раны. Следы сексуального насилия отсутствуют, зато есть признаки, что был связан по рукам и ногам. Удар тупым предметом по затылку, ожоги. Пропал за десять дней до нашей первой жертвы. Знака сердца не обнаружено, хотя с учетом времени и животных – неудивительно. Если идти дальше от этого пострадавшего...

– Ноя Пастона.

– Да, если от Ноя Пастона идти к нашей первой жертве, получаем Аву Эндерсон.

Рорк присел на край стола.

– А я ее пропустил...

– Ее все пропустили. Пропала, как раз когда двое подростков наткнулись на труп Пастона. Ехала одна из Мемфиса в Нэшвилл. В последний раз видели в забегаловке около семи вечера, в десяти милях от шоссе. По словам официантки, разговорчивая девчонка. Ехала в Нэшвилл к подругам и, поскольку встреча с ними намечалась только на следующий день, подумывала где-нибудь заночевать и наутро пуститься в путь со свежими силами. Да и машина что-то барахлила.

Ева вывела на экран фото с удостоверения личности.

– Хотела что-нибудь тихое, подальше от города. Официантка посоветовала маленькую гостиницу. Эндерсон проверила по карманному компьютеру, осталась довольна и забронировала комнату.

– Полагаю, так до нее и не доехала.

– Правильно полагаешь. Машину нашли за пару миль до гостиницы...

Вот.

Вспыхнуло изображение.

– Гостиница «На закате». Машина выведена из строя. Капот поднят, сумки в багажнике. Бортовой компьютер ловко снят. Аву так и не нашли.

– Покажи-ка маршрут! – Глядя на экран, Рорк удовлетворенно кивнул. – Вижу. Очень логично: от паренька к Аве и твоей первой жертве.

Да, Ева взяла след. Она резко поднялась и подошла к карте.

– По одному подходящему случаю в Кентукки и Западной Виргинии. Нутром чую – их работа! Этот вот ночевал в палатке. Никогда не понимала. Зачем ежиться у костра и околевать в спальнике? А многим нравится... Жена забила тревогу, когда не вышел утром на связь и не отвечал на звонки. Орала на полицейских, пока те не выехали на место стоянки. Он свои передвижения официально регистрировал. Никого не нашли и, за отсутствием состава преступления, решили, что ушел дальше.

Ева медленно шагала вдоль карты.

– Тело обнаружили через шесть дней в овраге. Опять полуразложившееся и изъеденное. Квалифицировали как смерть от несчастного случая. Жена подняла крик, пошла в газеты, наняла адвокатов и частного детектива. Дело поставили на особый контроль.

Ева села и показала на экран, где одновременно высветились фото пострадавшего и маршрут.

– Джекоб Фастбайндер. В данном случае я верю жене. Заядлый турист, с двенадцати лет устраивал такие вылазки минимум дважды в год. Знал местность, умен, осторожен и предусмотрителен. Нашли без рюкзака. Полиция заявила, что затерялся. Чушь собачья! С руки, между прочим, исчезли навороченные туристические часы. Судмедэксперт не смог дать заключение по некоторым ранам – получены в результате падения или нанесены кем-то другим.

– Поговоришь с женой?

– Само собой. В некрологе сказано, что она решила его похоронить. Наверно, даст добро на эксгумацию, чтобы поработал криминалист-антрополог.

– Привлечешь Девинтер, – кивнул Рорк. – Хорошая мысль.

– Надо еще двоих проверить. – Ева потерла слипающиеся глаза. – А насчет этих я точно уверена. Таким образом, трупов прибавилось. Хотя, опять-таки, паренек из Миссури не первый. Не похоже.

– Теперь он твой.

Она пожала плечами и бросила взгляд на автоповар.

– Ложись уже! Не станешь же ты выдергивать из постели его жену или следователей в такой час! – Рорк поднял ее на ноги. – Если только Пибоди не отроет что-то существенное, примешь за начало маршрута Миссури и пойдешь в обратном направлении, если чувствуешь, что еще что-то было. Дай голове и чутью передохнуть!

Она не стала спорить. Хотела, чтобы новая информация улеглась и переварилась в подсознании. Ной Пастон – она добавит его на доску утром – не первая жертва.

– Пастон... – продолжала она, когда Рорк потянул ее вон из кабинета. – Местная полиция сработала добросовестно. Когда его нашли на границе с другим штатом, вызвали ФБР. Городок маленький, парня все знали и любили. Незадолго до этого он порвал с девушкой и подрался с ее новым бойфрендом, но ничего серьезного. У бойфренда железное алиби, да и не похож он на убийцу.

В спальне Ева сбросила хайтековские кеды.

– Хорошо учился в школе, потом – в колледже. Заочно, чтобы помогать родителям. У них магазин товаров для сада и огорода. Играл в бейсбол, тренировал вместе с отцом Малую лигу. Из отчетов видно, что его любили.

– А почему не первый?

– Не клеится. Опять трагическая случайность. Обычно возвращался домой на машине, а тут за час до конца тренировки одолжил ее другу. Задержался поработать с одним мальчишкой, довел его до дома. Всего этого он, как правило, не делал, так что вариант с засадой отпадает. Потом, чтобы срезать путь, пошел через поле в сторону глухой дороги. По крайней мере, так сказал тому пацану. Начинало темнеть.

– А они проезжали мимо.

– Да. Предложили подвезти или спросили, как проехать куда-нибудь. Или женщина заманила. Спортсмен, резвый, с бейсбольной битой. В общем-то, нелегкая мишень, но они думают: молодой, глупый, один ночью... Почти ребенок, так что не ради денег. Сколько у него могло быть... Телефон его, кстати, не нашли. Хорошая бита и перчатка, а в целом ничего стоящего. Изнасилован не был.

– Случайный выбор.

– Да, у меня такое чувство.

Ева хотела, чтобы мысли в голове устаканились.

– Первое убийство было другим. Нужна причина, фитиль. Первое я пока не нашла...

– Зачем выбрасывать тело так далеко, в другом штате, рискуя привлечь ФБР?

Ева натянула ночнушку.

– В другой штат, наверно, не собирались. Ехали куда-то переночевать, захватили по дороге парня, вырубил и отвезли на приличное расстояние, чтобы было время наиграться.

Размышляя, Ева вытянулась на постели и рассеянно погладила по голове вспрыгнувшего к ней Галахада.

– Там глухие места, как в случае с Авой Эндерсон. Старый дом, рыбацкая хибара – все сгодится. Надо только прибрать, когда закончишь, и выкинуть тело подальше. Кто станет доискиваться?

– Ты.

– Ну да, теперь. Задним умом все крепки!

– Не теперь, а тогда, – поправил Рорк, пристраиваясь рядом. – Ты бы отследила маршрут, додумалась, что жертву надо где-то держать. Ты бы доискала!

– Покойнику от этого ни холодно ни жарко. Есть еще слабая зацепка в

Арканзасе и второй труп в Западной Виргинии. Скорее всего...

– Завтра! – Рорк обвил ее рукой и притянул к себе. – Утро вечера мудренее.

– Просто хочешь, чтобы я немедленно раскошелилась!

– Сначала думал повременить, пока проценты набегут, а теперь, поразмыслив хорошенько, готов принять оплату немедленно.

– Ты всегда готов!

Глядя ему в глаза, она провела рукой по груди, животу. Коснулась горячего и твердого.

– Что я говорила! – Обхватила пальцами. – Как вы, мужики, с этим живете?

– Неизбежное бремя...

– Несколько дюймов, а начисто выключает голову и здравый смысл.

– Несколько дюймов?

Ева рассмеялась.

– Так и знала, что не смолчишь!

– Умеючи им пользуясь, можно выключать и женскую голову.

– Видимо, сейчас начнется демонстрация умения.

– Почту за честь!

Рорк перекатился на нее и для начала продемонстрировал мастерство поцелуя в губы.

Ева позволила себе забыться. Было совсем нетрудно отодвинуть в сторону убийство и смерть, принимать и давать, как будто остального мира не существует. А когда-то казалось просто невозможным.

Только они двое – после того, как кот с глухим стуком раздраженно спрыгнул на пол, – на широкой кровати под стеклянной крышей. Так же, как долгими солнечными днями и ласковыми ветренными ночами на острове.

Эти губы и опытные руки уносили далеко-далеко. Блуждали по ее телу, повторяя его изгибы, как будто отливали из стекла.

Ева знала, что любовь – в которую она когда-то не верила – бывает спокойной и сладостной. И при этом огромной, как мир.

Она обвила мужа, мягкая и податливая, и из самого его сердца вырвался удовлетворенный вздох. Его кровь под пальцами Евы побежала быстрее. Они сплелись сердцем, плотью и душой так тесно, что стали единым целым.

– Я люблю тебя! – прошептал он по-английски и по-ирландски и приник губами к ее шее.

Сердце Евы заколотилось под его рукой.

Она сжала Рорка в объятьях, двигаясь резко и быстро.

– Ты моя любовь! Ты – любовь! – Охватила руками его лицо, отстранилась, чтобы посмотреть в глаза, поцеловала и мягко потянула к себе. – Ты мой!

Спокойно опускалась все ниже в бездонный колодец любви, не боясь, что перехватит дыхание. По коже, нервам и всему естеству пробегала дрожь. Эта дрожь сменялась искрами, и Ева всплывала, насквозь промокшая.

Она приняла его, горячего и твердого, в свою глубину и бездыханность, чтобы погрузиться вместе.

Свернувшись рядом, вдыхала его запах.

Коснулась губами его шеи.

– Долг погашен, приятель.

– Отмечу в грессбухе, что ты помогла мне еще день влачить мое бремя.

Сонно рассмеялась.

– Как там мозг и прочее?

– Все в порядке, спасибо. А у тебя?

– Хорошо. Все хорошо. Хорошо, что мы вместе.

Она почти дремала. Он поглаживал ей спину. Кровать прогнулась – кот решил, что плацдарм свободен, и вспрыгнул обратно.

Да, подумал Рорк, хорошо. Еще как!

А у Джейлы Кемпбелл дела шли из рук вон плохо. Злая как черт, ежась от холода, она устало плелась по Кармин-стрит. Если бы не кретин Маттио, не пришлось бы сбегать с вечеринки за сто тысяч миль от своей квартиры безо всякой надежды поймать такси.

Он обеими руками лапал за задницу ту белобрысую, прижимался! Теперь никаких отговорок «я же пошутил» или «детка, перебрал, ничего не помню»!

«Лопнуло мое терпение!»

И вообще зря пошла: утром на работу, район незнакомый, и компания совсем чужая.

Надо было послушаться соседку по квартире и остаться дома. Но ее зацепило, что Кери обозвала Маттио похотливым козлом. Зацепило, признавала она сейчас, потому что – правда.

И надо ж этому засранцу быть таким красивым и сексуальным!

Всему есть предел, напомнила она сама себе и отправила Кери сообщение с повинной.

*Иду домой – хватит с меня дерьма! Не ложись, а? Или
встань. Буду жевать сопли, и вообще надо что-то пожевать.*

Дж.

Поморгала, прогоняя слезы, вызванные как потерей козла похотливого, так и собственной злостью.

– Мисс! Простите, мисс!

Голос. Сильный провинциальный акцент. Джейла не остановилась.

– Пожалуйста! Извините, мисс, я заблудилась! Скажите, в Брум – это куда? Направо? В Брум – направо?

Голос зазвучал ближе. Его обладательница дрожа закусил губу.

– Понимаете, заблудилась... Такой холод, и ни одного такси!

– Куда там вам надо? – вздохнула Джейла. – В Брум?

– Да, Брум, с одной «м». Я не местная...

– А что так перепугались?

Женщина улыбнулась, опустила глаза.

– Ой, что это?

Джейла инстинктивно проследила за ее взглядом, наклонилась...

И тут как будто молотком ударили! А может, именно молотком. Боль взорвалась, как снаряд, мир завертелся, оставляя красные блики. Она хотела крикнуть, а смогла только застонать.

Что-то, нет, кто-то ее пихнул, дернул. Она рухнула и захлебнулась воздухом.

– Готово, солнышко! – Провинциальный акцент доносился, как сквозь толщу воды. – Быстрее! Говорила же, что у меня выйдет лучше. Талант!

Рассмеялись. Джейла застонала и хотела перевернуться. Молоток обрушился второй раз, погружая ее во тьму...

Глава 8

Обычное пробуждение. Аромат кофе, Рорк в костюме властелина деловой вселенной сидит на диване за компьютером. Звук выключен, по экрану бегут столбцы цифр – финансовые отчеты, которые ей ни в жизнь не осилить. Кот вольготно развалился на спинке дивана, точно какой-то хвостатый самодержец.

Нет, правда, что может быть лучше?

Ева еще секунду лежала, упиваясь моментом, и все равно Рорк почувствовал, что она проснулась, и поднял глаза.

– Доброе утро!

– И впрямь доброе! – рассудила она и приподнялась, ибо ничто не манило так, как кофе.

Рорк уже принес кофейник. Ева подошла, налила огромную чашку и с невыразимым наслаждением сделала первый утренний глоток.

– Сколько стран и космических станций успел обзвонить?

– Только Италия и Олимпус. Спокойный день.

– По меркам твоей вселенной, – возразила она, поскольку было всего шесть часов, и, прихватив с собой кофе, решительно объявила: – Душ!

Сравниться с утренним кофе, настоящим кофе, могли только пульсирующие струи горячей воды. Мечта, а не утро! Порой она не обращала внимания, уже привыкла. А в иные дни с жестокой ясностью вспоминала стужу, голод и мучительный свет.

В ее комнате в Далласе мигал свет – отблеск красного фонаря на секс-клубе. От холода зуб на зуб не попадал – барахлило отопление. Пустой живот болезненно сводило. И так же болезненно она боялась, что отец вернется домой не в стельку пьяный и снова ее изобьет.

В восемь лет ее постоянными спутниками были голод, страх и боль.

Почему она вспоминает это сейчас, замечательным утром, в ванной, вдыхая легкий зеленый аромат геля для душа?

А! Ей снился сон! Нет, не старый кошмар, не то, как Ричард Трой ее изнасиловал, а она его убила. Впрочем, и в сегодняшнем сне без Троя не обошлось.

Первым побуждением было отмахнуться. Не сказать, что психологическая травма от многолетних издевательств совершенно зажила, но Ева знает, как держать воспоминания в узде. Однако отмахнуться – значит дать им, ему, власть и разрушить результаты ночной работы

подсознания.

Ева позволила мыслям течь свободно, а сама из душа перешла в сушилку. Подставляя тело струям теплого воздуха, услышала музыку.

Виолончель. Усаживаясь с инструментом, в смокинге, Дориан Купер объявил реквием. Смычком и ловкими пальцами он извлекал из инструмента плачущие ноты.

Реквием по всем несчастным.

Она видела лица погибших, которые тихо сидели в оперном зале с позолотой и сверкающими люстрами из хрустальных слезинок. Каждый – в пятне льдисто-голубого света.

«Я здесь! Отомсти за меня!»

Как их много! Известных и неизвестных...

Пустые кресла – для еще не найденных или, того хуже, будущих.

«Слишком много пустых мест», – думала она, выходя из сушилки и снимая с крючка аккуратно висящий халат.

На сцену, залихватски ухмыляясь, поднялся Ричард Трой с дирижерской палочкой.

– А ну-ка веселее! Смени пластинку! Убийство щекочет нервы, добавляет легкости походке! Тебе ли не знать, шмакодявка!

– Вали отсюда! – пробормотала она во сне и наяву.

Не без злорадства улыбнулась. Трой больше над нею не властен, не заставит ее трепетать!

Однако сон или воспоминания о нем не сказали ей ничего нового. Жертв много и будет еще больше.

Она вернулась в спальню и отметила, что Рорк поставил на столе две тарелки под крышками.

Конечно, овсянка. Очередная уступка...

Когда Ева подошла и села рядом, он приподнял ее подбородок и повернул к себе для поцелуя.

Еще один компонент прекрасного начала дня. Даже если за поцелуем следует овсянка.

Рорк снял согревающие крышки, и Ева увидела, что не ошиблась. К овсянке прилагался бекон, миска с какими-то пузатыми ягодами и еще одна – с хрустящей карамелью. Все смешать – и пойдет в общем неплохо.

– Почему полезная еда вроде овсянки всегда такая стремная?

– Далеко не все считают овсянку стремной.

– Спорим, что других гораздо больше, – пробормотала она, погромче хрустя карамелью с ягодами.

– Хорошее начало снежного дня!

– Снежного? – Она уставилась в окно на серо-белый пейзаж.
Уже не редкие вчерашние снежинки, а крупные проворные хлопья.

– А чтоб ему!..

– Красиво! Завтрак на столе, в камине потрескивает огонь...

– Да, при условии, что можно так и просидеть, пока он не перестанет.

– Поработай утром дома.

Наверно, могла бы. Ее личной технике и тому, что предоставил бы Рорк, рухлядь из управления и в подметки не годилась. Но...

– Мне нужна Пибоди...

– Могу отправить за ней машину.

Да, может. И отправит. И все-таки.

– Я только что вернулась из отпуска и должна по максимуму уделить время подчиненным. У Трухарта завтра экзамен на детектива. Бакстер квохчет над ним, как наседка.

– Что ж, это в его пользу. И не говори, что сама не дрейфила, когда экзамен сдавала Пибоди.

– Я ее обучала. Если бы она провалилась – надрала бы задницу!

– Какие шансы у юного Трухарта?

– Сдаст. А нет – значит, не готов, нервы подвели. Копа нервы подводить не должны. Подвели – зелен. Если у них с Бакстером не будет срочного вызова, подключу к расследованию. Им полезно, а мне – дополнительные глаза и руки.

– Ты хороший начальник, лейтенант.

– Приходится, подчиненные заслужили. Если Трухарт сдаст, попрошу прислать еще кого-нибудь из патрульных.

– Кого-то конкретного?

– Есть парочка на примете. Посмотрим по обстоятельствам. – Ева подцепила кусочек бекона и боковым зрением увидела, как кот украдкой сползает с дивана. – А у тебя сегодня что?

– Встречи, проверки – большинство, к счастью, можно провести отсюда по видеотелефону и с помощью голограммы. На улицу выберусь попозже. Хочу заехать в приют для подростков – работа идет полным ходом. И загляну в офис, я ведь тоже был в отпуске. – Рорк с довольным видом жевал овсянку. – Я тоже хороший босс.

– Начальник несметных полчищ!

Не спуская глаз с мяса, кот подполз ближе. Рорк только повернул голову и повел бровью. Галахад перекатился на спину и сладко зевнул.

– И что он каждый раз старается? Все равно же ничего не выходит!

– Без труда цели никогда не достичь.

Соглашаясь с доводом, она потянулась за своей целью, кофе, и тут пикнула рация.

– Черт! – Ева взяла ее с комода. – Даллас слушает!

– Вызов для лейтенанта Евы Даллас. Бонд-стрит, шестьсот двадцать три, квартира девятьсот два. Кери Уиттикер заявила о возможном исчезновении подруги. По вашей просьбе отмечаем все случаи.

– Хорошо. Кто пропал?

– Джейла Кемпбелл, двадцать четыре года, смешанной расы. В последний раз видели на Кармин-стрит, семьсот пятьдесят четыре, квартира шестьсот пятнадцать. Ушла приблизительно в половине первого ночи.

– Вызов принят. Еду.

Хмуру положила рацию.

– Скорее всего, ложная тревога. Может, девчонка подцепила кого-то. Но я сама просила сообщать о подтвержденных и возможных исчезновениях лиц старше шестнадцати. На детей, сколько нам известно, они не нападают.

– И на том спасибо. Хочешь, поеду с тобой?

– Зачем? Справляюсь. Пропала каких-нибудь восемь часов назад. Наверно, ложный след.

– И все-таки.

– Да, и все-таки. – Ева направилась к гардеробной. – Если их рук дело, то у нас больше времени, чем когда-либо раньше. Уже что-то.

Она вышла с темно-синим свитером под горло, коричневыми брюками и коричневым же жакетом. Нахмурилась, когда Рорк вскинул бровь, как только что на кота.

– Опять не так?

– К свитеру и брюкам претензий нет. – Он выхватил у нее жакет и неспешно ушел в гардеробную.

– Ошиблась? Только решу, что научилась, ты снова за свое!

– Не ошиблась. Просто можно и лучше.

Ева рывком натянула майку и трусы, сердито бормоча что-то про «и лучше», и уже застегивала брюки, когда он появился с другим жакетом. Коричневым, черт его возьми!

Но в тонюсенькую темно-синюю полоску. И с темно-синими же ботинками с широкой коричневой вертикальной отделкой по бокам.

Ева видела их впервые.

– Непромокаемые, утепленные. Твои ножки скажут спасибо!

– Сколько у меня всего пар?

– Откуда мне знать?

– А кому? Ты же их покупаешь! – Она просунула голову в свитер и вытянула волосы.

Рорк ее поцеловал.

– Хочешь лишить меня маленьких радостей?

Она взяла ботинки, села. Едва сунув ногу внутрь, ощутила тепло и удобный супинатор.

– А знаешь, сколько ботинок у меня было до встречи с тобой?

Рорк только улыбнулся, из чего она сделала вывод, что он все прекрасно знает. Встала и потянулась за португеей.

– Так вот, две пары! Причем одну можно не считать, она была на совсем уж крайний случай, с помойки. И при этом я все равно умудрялась ловить злодеев!

– Да. А теперь можешь гоняться за ними в более удобной и стильной обуви.

Ева взяла у него жакет и принялась рассовывать по карманам все необходимое.

– Я вышла за тебя из-за секса и кофе, а не из-за ботинок!

– Приятный бонус.

На этот раз уже она притянула его и поцеловала.

– Да. Захвачу кое-что из кабинета – и вперед. До вечера!

– На всякий случай – я дома часов до одиннадцати. Присмотри там за моим копом!

– Практически первоочередная задача, – отозвалась Ева и широким шагом вышла из спальни.

– Ничего подобного... – Рорк бросил взгляд на котяру, который воспользовался тем, что хозяйева отвлеклись, и стянул с Евиной тарелки остаток бекона. – Вот оно что! Время от времени все-таки урываешь кусок!

Галахад облизал усы и рыгнул.

На нижней стойке перил Еву ждал плащ. Сверху покоился аккуратно сложенный шарф, подарок Пибоди, шапка со снежинкой от мистера Мира и перчатки.

Она хотела запихнуть шапку в карман, но вспомнила про снег и передумала. Решила, что будет считать ее талисманом, пока не посеет, как все свои предыдущие шапки и перчатки. Накрутила шарф и заткнула концы в ворот плаща, рассудив, что в рукопашной схватке противник может ими придушить.

Натягивая перчатки, вышла под пелену снега, где уже работала на холостых оборотах ее машина с печкой на всю мощь.

И к этому она уже привыкла. Однако по-прежнему ценила.

Представила, как Соммерсет сухо усмехается, водружая на пальто шапку со снежинкой, и фыркает, добавляя явно обреченные перчатки. И все-таки он их достал.

– Спасибо, – пробормотала она, трогая свою теплую неказистую машину.

Отправила голосовое сообщение Пибоди, что проверяет вызов, и велела, как обычно, ехать в управление.

Займись трупами, о которых я писала. Что за жертвы, и кто вел дела. Если у меня что-то наклюнется, я тебя вызову.

Можно было бы посадить Бакстера с Трухартом за те два, которые она не успела пробить, но это подождет.

Пробираясь в Нохо, на каждом перекрестке приходилось быть начеку – всюду попадались кретины, которые насмерть боятся снега. К ним относились и пешеходы, которые так спешили в помещение, что ступали на зебру, вообще не глядя по сторонам.

Максибусы тащились как черепахи, вызывая в Еве желание взорвать их все до одного – и она утешалась мыслью, что, по крайней мере, из-за снега не работают рекламные аэростаты.

Чтобы добраться до Бонд-стрит, ушло вдвое больше времени, чем обычно, и, когда свободное место обнаружилось почти напротив нужного дома, Ева так изумилась, что чуть не уступила его наглому седану.

Вовремя опомнилась, врубила сирену и с лета припарковалась.

Взбешенного водителя седана, видимо, мучили сомнения, поскольку он не уезжал. Ева вылезла из машины. Тягаться со мной?!

Распахнула плащ, продемонстрировала кобуру и подняла жетон.

Седан тронулся.

Еще одна приятная нота в начале дня, решила Ева и пошла сквозь метель к недавно отремонтированным ступенькам с витыми металлическими перилами.

Добротное здание с хорошим ремонтом, приличными камерами и идентификацией по ладони.

Полезла за универсальным ключом, но передумала и набрала девятьсот вторую квартиру.

Ответили немедленно, как будто ждали у домофона.

– Да!

– Лейтенант Даллас, департамент полиции и безопасности Нью-Йорка.

Мне нужна миз Уиттикер.

– Да-да, открываю! Поднимайтесь, я вас жду. Поднимайтесь.

Пикнуло, раздался щелчок замков, и Ева толкнула дверь. В подъезде было так же прилично, как и снаружи: пол искусственного дерева и два лифта со сверкающими черными дверями.

Нажала девятый этаж и с удовлетворением отметила, что лифт идет ровно и почти бесшумно. Не успела ступить на площадку, как открылась дверь девяносто второй.

На пороге стояла женщина с короткими стильными дредами вокруг эбенового лица. В огромных карих глазах светилась тревога. Сжала руки.

– Вы из полиции?

Ева достала жетон.

– Лейтенант Даллас. Кери Уиттикер?

– Да. Проходите. Когда я звонила, сказали, что Джейлу нельзя считать пропавшей, так как прошло мало времени. Я все объяснила, но мне велели ждать еще день и спрашивать друзей. А недавно сами позвонили и сказали, что кто-то подъедет. Вы ее нашли?

– Нет, просто проверяю факты.

– Вы лейтенант... – Усталые тревожные глаза на секунду вспыхнули. – Лейтенант не придет, чтобы просто проверить факты. У меня отец и брат в морской пехоте, я в этом смысле.

– Я проверяю, потому что меня интересуют все заявления о пропаже. По другому делу. Может, присядем и вы повторите все, что рассказали дежурному?

– По какому другому делу?

Умна и сообразительна, подумала Ева. Может пригодиться. Однако сейчас нужны факты.

– Миз Уиттикер, если вы будете задавать вопросы, это не вернет вашу подругу. А вот если будете отвечать на мои – не исключено.

– Хорошо, вы правы. Простите, я всю ночь не спала...

Она указала на кресло в гостиной, которую можно было назвать женственной без излишеств. Теплая цветовая гамма, подушки, мягкие покрывала, цветы и свечи.

– Когда вы в последний раз видели миз Кемпбелл?

– Она ушла вчера около девяти. С Маттио, Маттио Диасом. Они собирались на вечеринку, точно не знаю где. Кажется, в Вест-Виллидж.

– Вы вместе тут живете?

– Да. Уже почти четыре года вместе – сначала в одной комнате в колледже, потом сняли эту квартиру.

– Надо полагать, она и раньше иногда не ночевала, и все-таки вы волнуетесь. Есть причины?

– Верно. И то и другое.

Кери снова сжала руки, изо всех сил стараясь успокоиться и отвечать на вопросы толково. На ней были легинсы цвета металлик и теплый красный свитер.

– Она отправила сообщение в половине первого, сказала, что идет домой, потому что я была права насчет Маттио – он говнюк. Попросила не ложиться, если я еще не в постели. Я не легла. В смысле, лежала, но смотрела фильм. В общем, я достала бутылку вина и нашу заначку шоколадных пирожных – храним для подобных случаев. Но она так и не пришла. Я ждала до часу, потом позвонила. Звонок не проходил.

– Не проходил?

– Как будто села батарея или что-то с телефоном. Даже голосовая почта не работала. Я пробовала много раз.

– А Маттио звонили?

– О да, этому недоумку тоже. – Голос Кери сочился презрением. – Не сразу, потому что не хотела с ним разговаривать, но в два часа все-таки позвонила. Он все еще веселился с той компанией, пьяный вдрызг – кто бы сомневался! Сказал, что Джейла ушла. Когда, ответить затруднился – ему совершенно наплевать – и опять завел пластинку, что она не так поняла и приревновала.

Слезы на глазах у Кери не потушили бушующее в них пламя.

– Он бабник и посредственность! Я была ужасно рада сообщению Джейлы, потому что на этот раз она, кажется, твердо решила с ним порвать. Хотите послушать?

– Да, пожалуйста.

Кери вытащила из кармана телефон.

– Я все кручу его, кручу, надеюсь еще что-то услышать...

Нажала кнопку.

Ева прислушалась, и у нее екнуло сердце.

Голос рассерженной женщины, которая спешит домой в надежде на сочувствие подруги и которая не вернется на вечеринку и не подцепит никого другого.

– Как она добралась бы домой?

– На такси. Она не любит метро, не любит быть под землей. А нет – пошла бы пешком.

– Далековато и холодно.

– Злость бы подгоняла. Лейтенант, я знаю, что вы думаете: взрослая

женщина поругалась с приятелем и по дороге домой передумала, заглянула в бар, сняла кого-то на ночь или повстречала знакомого. Только она бы так не поступила! Она просила ее дождаться. Обязательно предупредила бы. Мы лучшие подруги, она мне как сестра! Я ее знаю. Что-то случилось!

– Где она работает?

– В модельном агентстве. Там и познакомилась с этим Маттио Мудаком Диасом. Он модель. А она поставляет моделей рекламным агентствам и дизайнерам. «Фростид», агентство называется «Фростид». Контора во Флэтайрон-билдинг. Филиалы в Европе и Азии. Джейла периодически ездит в командировки.

– У нее были конфликты? Кто-нибудь ее донимал?

Кери накрутила на палец дред, отпустила.

– С моделями всегда куча соплей и претензий. Но она знает свое дело. Безусловно, кто-то мог разобидеться, если она отказала или в агентстве не приняли, но ничего конкретного она не говорила.

– А мужчины, которые желали бы занять место Маттио?

– Вагон и маленькая тележка! Она напрасно тратила на него время. Да вот хоть бы наш сосед!

– Сосед?

– Да. – Она опустила руку, вздохнула. – Люк Трипп. Неженатый, милый, и она ему нравится. А ей подавай Маттио...

– Этот сосед бывал назойливым?

– Боже сохрани! Иногда думаю, хорошо бы ему чуток обнаглеть, может, она бы наконец его заметила.

– А Маттио когда-нибудь забывался, поднимал руку? Я имею в виду любое насилие.

– Физическое? О нет!

Ярость в глазах Кери опять заслонила тревогу.

– Я-то лично считаю, что быть серийным бабником и все время выставять женщину виноватой в своих изменах – самое настоящее насилие. Но это только мое мнение. Он, конечно, сволочь, но никогда бы ее не тронул. Да и вообще никого. Вдруг получит сдачи по своей драгоценной физиономии!

Ева задала еще несколько вопросов, составила ясное представление о Джейле. Молодая женщина, которая делает успешную карьеру, окружает себя разношерстными друзьями и вот уже восемь месяцев зациклена не на том парне.

– Можно взглянуть на ее комнату?

– Пожалуйста! Смотрите все, что нужно. А нельзя – как это называется

– разослать ее приметы? Вдруг она попала в аварию! Я обзванивала больницы, клиники, травмпункты. Что в голову пришло...

– Мне нужна ее недавняя фотография, – попросила Ева, чтобы чем-то занять собеседницу. – Будем искать.

– Будете, да? – Кери схватила Еву за руку. – Обещаете?

– Я уже ее ищу, получаю от вас информацию, осматриваю квартиру, где она живет. Еще раз проверим больницы.

И морги, добавила мысленно.

– Спасибо. Спасибо огромное! Сюда, пожалуйста! У меня куча фотографий. Сейчас что-нибудь принесу.

– Можно ваш телефон?

– Мой? Зачем?

– Попрошу ребят из ОЭС – отдела электроники – определить, откуда она отправила сообщение.

– Вот, делайте, что надо. – Кери вытащила телефон из кармана.

Ева по своему собственному позвонила Макнабу.

– Даллас? Здоро`во! Снежок! – На экране появилось симпатичное лицо.

Еву едва не ослепило сияние его серебристых наушников.

– Надо определить, откуда отправлено сообщение. Можешь без телефона?

– Я же волшебник! Раз-два – и готово! Позвони с него или подключи к своему. Пибодюнчик, не облачайся пока! Твой лейтенант подкинула задачку... Собирались надеть что потеплее и выдвигаться, – пояснил он Еве.

– Соединю тебя с этим телефоном.

– Вот код.

Он направился в свободную спальню, которую они с Пибоди превратили в совместный кабинет.

Ева ввела полученный код. Телефон Макнаба пикнул.

– Так, какая у тебя модель?

– Черт, а я откуда знаю?

– Ладно, погоди, дай-ка...

Еве стал виден его комп и мигающие на экране коды.

– Ага, вот. Пуск – Панель управления – Интерфейс.

Ева последовала инструкциям и ощутила легкую вибрацию телефона в руке.

– Так, сообщения... Тебе какое?

– Вон то! – Ева с трудом разглядела имя Джейлы у него на дисплее. –

Последнее от Джейлы Кемпбелл.

– «Жевать сопли и вообще чего-нибудь пожевать» – остроумно! Еще пару сек. А телефончик, кстати, деактивирован...

– Каким образом?

– Могу поковыряться, если хочешь, но не отвечает. Сообщение отправлено где-то в районе Кармин и Шестой. В пределах двух кварталов.

Экран заслонило лицо Пибоди.

– Что такое? Нарыла чего-нибудь?

– Кое-что. Я на Бонд-стрит, проверяю возможное исчезновение. Поезжай на Кармин, поговори с хозяевами квартиры, где вчера была вечеринка.

Ева быстро продиктовала адрес.

– Пропавшую зовут Джейла Кемпбелл. Разузнай, что и как. А еще будь добра, свяжись за меня с патрульным Кармайклом, пусть проверит больницы. Я тебе позже перезвоню.

– Да, вы ее ищите... – произнесла Кери у Евы за спиной. – Думаете, все плохо?

– В любом случае я ее ищу.

Ева уже хорошо представляла Джейлу Кемпбелл. Любит поп-музыку, не ультрасовременную, но и не ностальгическую. Помешана на обуви, одежду делит на профессиональную, вечернюю и свободную.

В сексе консервативна, в качестве контрацепции пользуется годичным имплантом – должна поменять через три месяца.

Любит свою работу, мечтает взобраться по карьерной лестнице и стать полноправным партнером. С переменным успехом пытается разумно питаться и поддерживать физическую форму.

Младшая сестра учится в колледже, родители осенью отпразднуют двадцатишестилетнюю годовщину свадьбы.

Согласно дневнику, который ведет на компьютере в спальне, считает себя той женщиной, которая сделает из Маттио звезду и порядочного человека.

Нет, она его не любит, заключила Ева. Думает, что да, но это ненадолго. В дневнике немало места посвящено приятному соседу, значит, и в эту сторону Джейла тоже смотрит.

Социально активна, в основном по работе, деньги тратит разумно, если не считать отдельных срывов в пользу средств по уходу за волосами и кожей.

Уходя из квартиры, Ева четко видела перед собой трудолюбивую женщину, которая любит общаться как с друзьями, так и с незнакомыми.

Женщину, на которую можно положиться. Которая не заставит соседку и лучшую подругу сходить с ума от неизвестности.

Постучала к соседу напротив.

Открыл плотно сбитый мужчина с приятным лицом. Темные волосы торчали в разные стороны, точно он причесывался граблями. Теплые синие глаза расширились, когда Ева показала жетон.

– Люк Трипп?

– Ага. Вы из полиции? Нашли ее?

– Нет.

– Господи... – Он запустил пятерню в волосы, взъерошив их еще больше. – Кери сказала мне час назад. Звоню всем подряд. Никто ничего не знает.

– Когда вы в последний раз видели Джейлу?

– Вчера одновременно вернулись с работы, вместе вошли в подъезд. Поболтали пару минут. Потом, часов в девять, мне что-то не сиделось, и я решил зарулить в спортзал. Здесь за углом. Спустился на лифте с ней и Маттио.

Он произнес это имя с презрением.

– Не очень-то его любите...

– Вообще не люблю! Смешивает ее с дерьмом, урод! Ей совсем не такой человек нужен.

– А какой? Как вы?

Он издал короткий смешок и вздохнул.

– Если бы...

– Что после спортзала?

– После... А-а, боже ты мой, хотите знать, где я был, когда она пропала? – Люк прижал пальцы к глазам. – Ладно, лишь бы помогло... Столкнулся с приятелями, пошли пропустить пивка. К полуночи, я так думаю, уже был дома. Хотите войти, осмотреться?

– Нет, просто вычеркиваю лишних из списка.

– Кери сказала, что Джейла поругалась с Маттио – тоже мне новость! – но вы мне поверьте, она бы никогда так не поступила, не исчезла бы, не предупредив. Они с Кери как родные!

Да, думала Ева, выходя из подъезда, эта ответственная женщина не поступила бы так с подругой.

Вытащила телефон, чтобы согласовать с Пибоди дальнейшие шаги.

Глава 9

Они договорились встретиться у дома Маттио Диаса, на западной окраине Гринвич-Виллидж. С парковкой на сей раз не повезло, Ева довольствовалась подземной стоянкой с совершенно грабительским тарифом.

Пешая прогулка через два заснеженных квартала убедила, что относительно ботинок Рорк был прав – как всегда.

Из-за снегопада уличное движение в модном районе, как пешеходное, так и автомобильное, приутихло. Отдельные магазины решили утром и вовсе не работать.

Ева заметила уличного торговца, одетого, видимо, для освоения Сибири – вплоть до лыжных очков. У гриля, согреваясь в теплом пару над кульком с ароматными жареными каштанами, склонилась парочка неопределенного пола. Мимо с сумасшедшей скоростью промчалась стайка детворы – в школах отменили занятия.

Завидела напарницу – смехотворно веселое розовое пальто за пеленой снега – и с ней Макнаба в вишневой шапке с ушами такого термоядерного цвета, что Ева сочла ее очередным творением очумелых ручек Пибоди.

Они тоже ели каштаны.

– Привет, Даллас! – Голос Пибоди, под стать пальто, звенел весельем. – Слышала?

– Что?

– Ожидается шесть-восемь дюймов снега!

– Ну, ура...

– У меня сегодня ничего срочного, – пояснил Макнаб, протягивая Еве кулек. – Поговорил с Фини, тот сказал «подъезжай».

Ева взглянула на каштаны и отрицательно помотала головой. Кулек незамедлительно исчез в одном из пятисот тысяч макнабовских карманов.

– Хорошо. Я собираюсь поговорить с одним похотливым козлом по поводу вчерашнего происшествия. Будешь третьим. А еще возьми у Пибоди данные о том, где схватили Купера и где выбросили тело. Посмотри, нет ли параллелей с квадратом, откуда Кемпбелл вчера отправила сообщение.

– Пара пустяков!

– Пойдемте уже куда-нибудь от этого снега.

– А так красиво! – Пибоди подняла лицо, ловя снежинки на ресницы.

– И неудобно – сложнее найти свидетелей или тех, кто, как я сильно подозреваю, ее похитил. Что говорят хозяева квартиры?

– В общем-то ничего. Пара чуваков пригласила гостей, благо размер хаты позволяет. Ни один, ни другой не заметили, как Кемпбелл ушла. Они ее, правда, и не знали. Но там у них обнаружился еще один парень, ночевал.

– Перепихнулись на троих, – вставил Макнаб, пока Ева с помощью универсального ключа открывала подъезд. – Точно вам говорю!

– Согласна, – отозвалась Пибоди. – Так вот, третий с ней разговаривал. Хочет пробиться в модельный бизнес. Данные для этого у него есть. Кемпбелл оставила ему визитку. Он видел, как она что-то говорила Диасу, который увлекся эротическим танцем с некой блондинкой, лапая ту где ни попадя. Кемпбелл прямо взвилась, что и понятно – Диас даже не думал прятаться. Схватила пальто и хлопнула дверью, а этот чувак потом перекинулся парой слов с блондинкой. Зовут Смоки Айс.

– Ври больше! – Ева отряхнула снег с пальто.

– Профессиональный псевдоним. Модель тире актриса тире официантка в баре. Она только поржала в ответ и заявила, что Маттио и ему подобные – на час, забавы ради, а так кому они нужны... Было за полночь, точнее сказать затруднился.

– Хотя что-то...

В индустриальном здании, переоборудованном под студии, имелся грузовой лифт, которые так нравятся отдельным личностям. Ева считала их смертельно опасными и направилась к лестнице.

– Надин думает подыскать что-то в этом роде, – заметила Пибоди.

– Шутишь!

– Серьезно. Просторный модный лофт. Или дом старой постройки в хорошем районе, как у Чарльза и Луизы. Или многоуровневый квартирный пентхаус в каком-нибудь крутом здании.

– Пентхаус.

– Уже решила? Когда мы в последний раз виделись, Рорк предложил ей несколько вариантов на выбор.

– Она выберет третий.

– Возможно. Хочет суперсовременную систему безопасности. Тот случай с Робак чуть ее не доконал.

– Вот и отлично. Говорила ей не открывать чертову дверь. В следующий раз будет умнее!

На третьем этаже Ева притормозила. Несмотря на временное помрачение рассудка, Надин Ферст – ее друг.

– Как она вообще?

– Ничего. Съездила наконец в отпуск на несколько дней. Уже вернулась. Хочет как можно скорее переехать.

Да, подумала Ева, и вдобавок, как популярный журналист криминальной хроники, спешит оказаться в гуще событий.

Она прекрасно ее понимала.

Позвонила в дверь Диасу. Раздался металлический голос:

Мистер Диас включил функцию «не беспокоить».

Последовали свистящие хрипы, как будто комп страдал астмой.

Назовите свое имя.

– Система – барахло, – заключил Макнаб. – Дешевле некуда!

Барахло или не барахло, а мешает. Ева достала жетон.

– Отсканировать! Полиция. Официальный визит. Немедленно информировать Диаса.

Функция сканирования временно отключена. Назовите свое имя.

Ева решительно утопила кнопку звонка.

Мистер Диас включил функцию «не б... Назовите свое имя...

Механический голос хрипел в предсмертных муках, а Ева, безжалостно игнорируя стоны умирающего, трезвонила в дверь.

Потребовалось гораздо больше, чем пара макнабовских «сек», и все-таки в конце концов с той стороны послышался человеческий голос:

– Что за херня!

– Департамент полиции и безопасности Нью-Йорка. Откройте, мистер Диас!

– Черт, ночь на дворе!

Дверь глухо щелкнула и приоткрылась.

Верно, красавчик, – даже со сна и очевидно обдолбанный. Инопланетные зеленые глаза, густые черные ресницы, щетина на точеных щеках и огненные блики в темной шевелюре. Гламурный и сексуальный, как с рекламного плаката.

– Или вы нас впустите, мистер Диас, или побеседуем в управлении.

– Каком управлении?

Боги, очевидно, израсходовали все отпущенное парню на лицо, забыв про мозг.

– Мы копы, так что управление – коповское.

– Да что за херня?!

– Херню тоже объясните.

– Черт! – повторил он и открыл дверь.

Одеться не потрудился – тело не уступало мордашке.

Рядом громко сглотнула Пибоди.

– Поспать не даете... – Диас потянулся, как царь зверей. – Что стряслось-то?

Ева подняла с пола штаны из искусственной кожи.

– Ваши?

– Допустим.

– Наденьте.

– Ладно, если у вас с этим проблема. – Он самодовольно ухмыльнулся. – Вообще-то нагота естественна. Кофе нет?

– Вот жалость, только что закончился!

На полу валялись рубашка, две пары шлепанцев – его и ее, заключила Ева – и коротенькое черное платье. В другой куче – черные высокие ботинки до колена и сапоги с семимильными блестящими каблуками.

– В постели, как я понимаю, вы были не один, – промолвила Ева.

Диас снова ухмыльнулся, натягивая штаны.

– Редко сплю один... Полжизни за смузи! – Зевнул, умудрившись даже при этом выглядеть сексуально, и уплыл на кухню сквозь проем из волнистого стекла. Послышалась возня с посудой.

– Говнюк! – пробормотал Макнаб.

Пибоди прокашлялась и снова сглотнула.

Диас вернулся с колоссальным стаканом шпинатно-зеленой жидкости.

– Простите, на всех не хватит.

Сделал три жадных глотка.

– Ух, штырит!.. Так о чем вы?

– О Джейле Кемпбелл.

– Джей-Джей? – Он пожал плечами, рухнул в кресло и снова отпил из стакана. – А что? Танцевать с девушкой, как я слышал, пока не преступление. Из-за этого вызвала полицию? Совсем рехнулась!

– Она пропала.

– Куда пропала?

Ева решительно подошла, наклонилась к нему и хлопнула руками по

подлокотникам.

– Слушайте меня внимательно!

– О'кей... А глаза у вас клевые! Вам говорили? С такими глазами и фигурой можно на подиум. У меня есть связи...

– Заткнитесь и слушайте! Джейла Кемпбелл ушла с вечеринки, на которой вы были вместе, и после этого ее никто не видел.

– Отсидживается где-нибудь, дуется. Она такая.

– Есть причины полагать иначе. Вы один из последних, кто с ней говорил. В котором часу это было?

– Не знаю. Она завелась из-за Смоки. Мы просто танцевали... – Диас кинул взгляд на полупрозрачную черную занавеску на входе в другую комнату.

– Пританцевали сюда?

Снова усмешка, как будто он не мог с собой совладать.

– Не наказуемо.

– В котором часу?

– Господи, не знаю я! Проторчали там, наверно, до двух, потом пошли сюда, пешком – чертовы такси все куда-то провалились – и основательно потрахались. – Диас сверкнул ровными белыми зубами. – Джейла сама сказала, что у нас с ней все, так что я теперь, как это... свободный агент. Дуется где-нибудь. Не захотела идти домой, где сучка-соседка станет тыкать ее носом в лужу. Кретинка взвилась, когда я предложил перепихнуться втроем!

– Да, урод уродом...

– Что?!

Ева выпрямилась.

– Я могу вернуться сюда с ордером и перевернуть этот сарай вверх дном. Найдем все нелегальные препараты, которые вы еще не успели употребить.

– Я чист! Вы ничего не докажете!

– Докажу, только руки марать неохота. А теперь, урод, слушай. Женщина, с которой ты спишь несколько месяцев и которая помогла твоей драгоценной физиономии появиться в рекламе, пропала. Возможно, ранена или мертва. Хоть притворись, что тебе не все равно!

– Кто ей виноват, что она так завелась... В каком смысле «мертва»?!

На смазливом лице впервые мелькнула тень тревоги. Ева молча повернулась и махнула Пибоди с Макнабом.

– В каком смысле «мертва»?!

– Пусть теперь подергается... – произнесла Ева, выходя.

– В самом деле хорошенький, – заметила Пибоди. – И в самом деле урод.

– Хорошенький урод не имеет к пропаже Кемпбелл никакого отношения, помимо того, что из-за него она разозлилась и ушла одна. Будь моя воля, устроила бы его в обезьянник на пару неделек!

– Он пару не протянет, – пробормотал Макнаб.

– Вот именно.

Стали спускаться по лестнице.

– Ты пялилась! – Макнаб хмуро посмотрел на Пибоди.

– Понятное дело! Голый! И сложен как! Была бы тетка, ты бы тоже пялился.

Ева возвела глаза к небу и с шага перешла на рысь.

– Спорим, раскошелился на пластику! – донеслось сзади.

– Если и так, то не зря. Но мне нравишься ты, целиком, вплоть до твоей костлявой задницы!

Слава богу, Еве не пришлось смотреть, как для пущей убедительности Пибоди эту костлявую задницу ущипнула.

– Не мужик, а шлюха! – не унимался Макнаб. – И, между прочим, Даллас, всюю к тебе клеился! Рорк бы его живо пришлепнул, только бы и осталось, что мокрое шлюшье место!

– Стоило бы руки марать, я б и сама пришлепнула. – Ева остановилась на нижней ступеньке, преградив им дорогу. – Шлюха (ей даже нравилось это слово), урод, говнюк. Черт-те что и сбоку пуговка!

– Бантик, – поправила Пибоди.

– Бантик – красиво. Хрен ему, а не бантик!

– А-а, – Пибоди задумалась и кивнула. – Логично.

– Главное, он не знает, да и плевал, где Джейла Кемпбелл. Мы тоже не знаем, но нам не плевать. Фиг с ним... До машины почти три квартала. Погода – жуть. Вызову роботов-патрульных, скину им фото Джейлы, пусть опросят население между ее домом и квартирой, где вчера гуляли, используя самый вероятный маршрут.

– Давай я это сделаю, – предложила Пибоди.

– Если хочешь. А ты, Макнаб, проверь, что я говорила: место похищения Купера, место, где выбросили его труп, и квадрат, откуда отправила сообщение Кемпбелл.

Зазвонил телефон, Ева вытащила его, увидела номер Бакстера и шагнула в царство снега.

– Даллас слушает.

– Приветствую! Тут у нас помощник шерифа Уильям Т. Баннер из

какого-то Сибилс-Понд в Арканзасе. Хочет поговорить по поводу убийств. Я проверил – действительно работает у шерифа уже пять лет. Отправил его пока в кафе, потому что говорить он желает только с вами.

– Сибилс-Понд... – Она напряженно вспоминала, но маршрутов и населенных пунктов было слишком много. – Я в Гринвич-Виллидж, сейчас еду в управление. Еще одна пропажа. Запиши и начинай работу.

– Диктуйте!

– Джейла Кемпбелл...

Она ехала по ужасающим пробкам, вдыхая аромат жареных каштанов и горячего шоколада, который Макнаб с Пибоди заказали себе у автоповара на заднем сиденье.

Снег и уютные запахи во время праздников – еще ладно, но праздники-то закончились. Почему эти двое никак не угомонятся!

К тому времени, как Ева припарковалась в управлении, ей казалось, что она пешком пересекла все Заполярье.

– Зачем они вообще на улицу повылазили! Не умеешь водить – сиди дома! Регистрационный номер эхо-чарли-чарли-восемь-семь-три. Выпиши штраф!

– Штраф? – переспросила Пибоди, вылезая из машины.

– Плохо слышишь? Вон идиотка, ползет со скоростью двенадцать миль в час!

– Э-э... В такую погоду осторожность не поме...

– Вместо дороги глядела в зеркало на козырьке и красила губы! И еще трепалась по телефону. Приперло любоваться своей неземной красотой – включи автопилот! Так нет, ползет как черепаха, красится и виляет туда-сюда!

– Ясно... А насчет штрафа ты серьезно? Я, когда патрулировала, всегда поганю себя чувствовала, когда их выписывала.

– Да не трепыхайся ты! Влепи ей «вождение в состоянии кретинизма»!

Макнаб ободряюще хлопнул любимую по задку, и Пибоди выписала штраф.

Вошли в лифт.

– Жертв не отслеживают, – начала Ева, меняя тему. – Времени нет, действуют наудачу. Не важно, кто: богатый, бедный, молодой, старый, мужчина, женщина. Если продолжится в том же духе, у нас два дня, чтобы спасти Джейлу Кемпбелл.

– Погода им на руку, – заметил Макнаб. – Холод, ветер, гололед. Либо раскошеливаешься на такси, либо едешь в метро. Либо носа на улицу не

кажешь. Надо только найти одинокого прохожего в относительно тихом месте.

– В Нью-Йорке у них уже две удачные попытки подряд.

Лифт останавливался на каждом этаже, впуская полицейских и гражданских. Ева пробилась к выходу.

– Очень может быть, что этот темный автомобиль они угнали. Пибоди, пробей базу по Нью-Джерси и Пенсильвании. Знаю-знаю, примет никаких и территория большая. Начнем и, может, в процессе сузим поиск, пока они не пересели на другую тачку. Возможно, машина принадлежит одной из жертв.

Ева протискивалась вперед между людьми на эскалаторах.

– Макнаб, проверишь территорию. Засели в центре. Надо же им где-то жить и держать жертву. Район со слабой системой безопасности – под камерами никого в дом не затащишь. Проверка заброшенных зданий ничего не дала. Либо не там ищем, либо они в частном доме или квартире.

Когда свернули в отдел по расследованию убийств, Бакстер махнул рукой:

– Ориентировка на Кемпбелл разослана, лейтенант! В новостях передают приметы.

– Хорошо. – Ева перехватила его взгляд на шапку, сдернула ее и затолкала в карман. – Что там за коп из Арканзаса?

– Воспитанный такой. Настаивает, что должен побеседовать именно с вами.

Она стянула перчатки и шарф.

– В кафе?

– По крайней мере, был.

Кивнув, она запихнула перчатки в один карман, шарф – в другой и пошла к себе, не снимая плащ.

Кофе, срочно кофе! Сесть, спокойно все записать и подумать!

В голове тикали часы. До трагической развязки – меньше двух суток.

Остановилась у двери в кафе с рядами торговых автоматов, крошечными столиками и жесткими стульями. Быстро отыскала глазами приезжего.

Под столом вытянулась нога длиной в милю. Узкие руки печатали что-то на компьютере, а позабытая чашка с неизвестным напитком из автомата стояла рядом.

Густые волнистые волосы цвета пшеницы, продолговатое лицо под стать рукам. Или несколько дней не брился, или специально отпустил щетину.

Одет в джинсы, выдавшие виды ботинки и фланелевую рубаху, которая сразу напомнила Еве дровосеков, хотя она их в глаза не видела.

На спинке стула – легкая черная куртка, под столом – спортивная сумка.

Ева подошла. Он поднял ей навстречу глаза. Голубые. Не такие синие, как у Рорка. Таких, как у ее мужа, вообще раз-два и обчелся. Эти скорее серо-голубые. Проницательные, коповские. Под глазами – круги.

– Помощник шерифа Баннер?

– Да, мэм, Уилл Баннер. – Он пошевелил длинными ногами, встал.

Скорее разложился, подумала Ева. Худющий и длинный, как каланча.

– Лейтенант. Лейтенант Даллас.

Он пожал протянутую руку сильной шершавой ладонью.

– Очень признателен, что согласились встретиться, лейтенант!

– Далековато вас занесло.

– Что правда, то правда. Так далеко еще и не выбирался!

– Сибилс-Понд – это где?

– В Озарке, мэм...

– Лейтенант. Можно просто Даллас.

– Простите. У вас здесь все по-другому. Север Арканзаса, лейтенант, на границе с Миссури. Дивные места!

Выговор колебался между оттяжкой и гнусавостью.

– Что привело к нам?

– Гоняюсь за той же парочкой, что и вы, – убийцами Дориана Купера.

Он их последняя жертва. Вчера вы проверяли международную базу на предмет пропавших без вести и убийств в моем регионе.

– Откуда знаете?

– Мне сообщают, когда появляется новая жертва или идет запрос в базу на похожие случаи. – Он переступил с ноги на ногу, не отводя глаз. – Я понимаю, лейтенант, что вы работаете с федералами и они дали психологический портрет, данные и все прочее... ФБР не все знает.

– А вы – все?

– Если бы знал, ваш Купер до сих пор играл бы на виолончели. Но я полагаю, нет, я уверен, что знаю больше их. Уделите мне пятнадцать минут! Понимаю, вы заняты, расследование в самом разгаре, и все-таки... Я не зря из такой дали приехал!

– Пройдемте в кабинет.

Он наклонился за сумкой. По лицу скользнуло облегчение.

– Благодарю!

– Мы обычно коллег взашей не гоним.

- Про Нью-Йорк чего только не болтают.
- Надо думать... Когда приехали?
- О, это целая история!

Ева не сомневалась – неспешная, с ленцой речь для историй подходила прекрасно.

– Получил уведомление о вашем убитом только к вечеру. Переговорил с агентом Звеком, как делал с его предшественниками. Парочка пробиралась к вам сюда много месяцев, лейтенант. И мне показалось, что, судя по информации, которую вы проверяете, вы тоже склоняетесь к этой версии.

- Это одна из версий.

– Она правильная! И поскольку я увидел, что мы с вами думаем одинаково, то – надеюсь, вы поймете – поднял информацию по вам и сделал вывод, что вы согласитесь побеседовать со мной тет-а-тет.

Выйдя из кафе он притормозил и осмотрелся.

– Да, работа кипит! Дома у нас всего и есть, что шеф, я, еще двое помощников да дежурный.

- А население Сибилс-Понд?

– Около тридцати двух тысяч.

– Тут в одном крыле больше. – Ева показала на дверь кабинета и сняла плащ.

Баннер остановился и внимательно поглядел на доску.

– Вы, конечно, знаете, что на самом деле их больше. Раза в полтора.

– Со вчерашнего дня ничего не добавляла. Задержалась, потому что у нас новое исчезновение.

- Джейла Кемпбелл.

Ева удивленно прищурилась.

– Когда вы вошли, я читал сводку, – пояснил он. – И по времени совпадает. Это вы, я вижу, тоже знаете. Они ее похитили и сразу, еще вчера, начали издеваться. Рады-радешеньки заполучить еще одну!

- В Сибилс-Понд официально убийства не было, я бы запомнила.

– Нет, мэ... простите, лейтенант. – Он потер глаза. – Так вот, я решил, что вы согласитесь поговорить, и поехал в Брэнсон, откуда легче всего сесть на максибус до Нью-Йорка. Как раз успел на последний и счел себя везунчиком. Как бы не так! В Кливленде из-за погоды всех высадили. Тогда я взял напрокат машину и проехал остальное.

- Из Кливленда в такой снегопад?

– Этих ребят не догонишь – не поймаешь. Вот никак не догоню...

- Присаживайтесь. Кофе?

– Можно и кофе. Что есть. Черный подойдет, спасибо.

Она запрограммировала автоповар на две чашки.

– Кого они у вас убили?

– Малыша Мелвина. Он своего рода местная достопримечательность. Участвовал в Городских войнах и так и не пришел в себя. Вернулся в отчий дом. У него еще были младший брат и девушка. Отец рассказывал, что Малыш Мел – мал ростом, вот и прозвали – чем только ни глушил воспоминания, голоса и кошмары. К делу это не относится, просто хочу, чтобы вы его лучше представили.

– Пятнадцать минут у вас есть.

Кивнув, Баннер отхлебнул кофеина. Его глаза тут же расширились и заблестели.

– Господи Иисусе! Это в Нью-Йорке такой кофе?

– Не совсем... Этот настоящий, по моим личным каналам.

– Настоящий кофе! – произнес он с благоговением.

Ева улыбнулась, вспоминая, как сама впервые попробовала его у Рорка.

– Хотите насладиться минутку?

– Тут и недели не хватит! – Он улыбнулся в ответ, и из-под маски усталости просквозило неподдельное обаяние. – Вот расскажу дома! – Вздохнул. – Малыш Мел так и не оправился. Наверно, всем не поможешь. Ему не нравилось сидеть в четырех стенах, и он стал ночевать в лесу и холмах. Как городские бродяги здесь у вас.

– Да.

– Сооружают себе из всякого хлама шалаш. Вот и он тоже. Родные носили ему еду и прочее, но спустя какое-то время поняли, что он уже не вернется. Почти все время был пьян или под кайфом. Но зла никому, кроме себя, не делал.

Ева четко представляла Малыша Мелвина – Баннер был хорошим рассказчиком. И в то же время чувствовала, что тут кроется нечто большее.

– Кто он вам?

– Его невеста – моя бабушка. Она любила парня, которым он ушел, но так и не достучалась до мужчины, которым вернулся. Вышла замуж за деда и все равно иногда навещала Мела, носила еду и чистую одежду. Я тоже привык раза три или четыре в месяц его проведывать.

– Присматривали за ним.

– По возможности. Бывало, он копался в чужой машине, сарае или доме, если не заперто и нет никого, брал, что приглянется. В последние пару лет это случалось чаще. Но никогда не взламывал. Закрыто – не

трогает. А нет – войдет, пошарит, прихватит что-нибудь для своей «коллекции». Вилку там, или дверную ручку, или часы сломанные...

– Вы считали его безобидным.

– Он таким и был. – Баннер снова пригубил кофе. – У нас однажды потерялся мальчонка. Спал с родителями в палатке. Мы как раз организовывали поисковую группу, как вдруг идет Малыш Мел с пацаном на плечах. Малой рассказал, что погнался за кроликом, заблудился и поранил ногу. И тут откуда ни возьмись – Мел. Угостил конфеткой, перевязал ногу платком – не слишком чистым, это верно – и сказал, что снесет на закорках к маме. Никогда никому худого не делал!

– И что произошло?

– Я пришел к нему, как обычно, и сразу почуял неладное. Не в том дело, что его не было, а кавардак в лачуге. – Баннер покачал головой. – Он гордился своей «коллекцией», был там своеобразный порядок. А в тот день – нет.

Он снова посмотрел Еве в глаза.

– Знаете, когда вдруг что-то нутром чувствуешь?

– Да.

– Вот я это самое почувствовал. Искал его по обычным местам, где рыбу удит, куда ходит. Утром вернулся, прихватил приятеля, сына его, племянника, чтобы быстрее. Нашли в глубоком овраге, всего переломанного. Можно бы подумать, что неудачно свалился с тропы, только он проворен был, что твой горный козел. После смерти прошло уже три дня.

– Следы веревок, пыток?

– Переломы, порезы, синяки, ожоги. Квалифицировали как несчастный случай. Обжегся, мол, сам, когда курил, или у костра. Остальное – при падении. Стало известно, что в окрестности дом взломали, замок сбили. Кое-что пропало – только не то, на что Мел обычно зарился, и, как я говорил, он никогда не взламывал. Обнаружили немного крови, установили, что его, решили, что проник в дом, а потом обо что-то порезался. Крови немного совсем. Из его «коллекции» ничего не пропало, и никакой крови на тропе в холмах. Конечно, могло бы и так быть: взломал дом, порезался, оступился, упал. Логично. Но надо знать Мела... А неделю спустя пропал тот парень из Миссури.

– Ной Пастон.

– Да, мэм. Лейтенант, – поправился он. – Привык за всю жизнь, сразу не переучишься... Тут точно похищение. Четкие следы веревок, порезы, переломы, ожоги. Молодой спортивный парень и Малыш Мел – на первый

взгляд совсем не похожи, но оба шли одни, оба в что называется глуши, у обоих порезы, ожоги, переломы. Я не мог так это оставить. Хотите, покажу список, который составлял с августа? Имена, названия населенных пунктов...

Арканзас подходит под маршрут, подумала Ева.

– Да, любопытно сравнить с моим. Пока не исправленным, – повторила она, глядя на доску. – Накопала вчера вечером еще несколько. У вас значится Ава Эндерсон?

– Безусловно.

Когда она назвала еще несколько имен, он прикрыл глаза, как человек, наконец обретший дом, и кивал, пока она не дошла до Джекоба Фастбайндера.

– Настоящая трагедия! Дженнифер – миз Фастбайндер – давила на полицию, но он не подходит под психологический портрет ФБР. И, как у Мела, смерть смахивает на несчастный случай.

– Вы ее знаете?

– Лично – нет. Списывались и говорили по телефону.

– Сегодня позвоню ей и попрошу разрешения на эксгумацию и транспортировку сюда, чтобы поработал криминалист-антрополог.

– Давайте я сам с ней поговорю. А на Мела взглянуть не захотите?

– Он похоронен?

– На семейном кладбище. По желанию матери.

– Два тела дадут Девинтер материал для сравнения, – рассудила Ева и тут же приняла решение: – Возьмем! Надо посоветоваться с шефом, но, если договоритесь с родственниками, берем обоих.

– Матушку Мела уломать будет потруднее, чем Дженнифер Фастбайндер... Ничего, я мастак убеждать. Кстати, надеюсь убедить вас налить мне еще чашечку.

Ева указала большим пальцем на автоповар:

– Разберетесь?

– Они везде одинаковые.

– Тогда вперед. Возьмите с собой в кафе. Не заблудитесь?

– Я хорошо ориентируюсь.

– Начинайте уговаривать. Я сделаю свою часть работы и организую конференц-зал. Когда вы должны вернуться?

– Я не тороплюсь. Взял отпуск.

Загвоздка...

– Ваше начальство знает, где вы и чем занимаетесь?

– Да. – Баннер ковырялся с автоповаром. – У шефа другая точка

зрения, но он мне не препятствует. А в отпуск я так и так должен был пойти.

– Ладно. Занимайтесь разрешениями на эксгумацию, а я договорюсь с криминалистами.

Она села и после ухода Баннера быстро и основательно проверила его личность, а затем записалась на прием к Уитни.

Глава 10

Уитни сидел за столом. В окне у него за спиной возносились в небо крыши зданий. Его крупные руки покоились на подлокотниках, темные зоркие глаза сосредоточились на Еве.

Аура власти была ему так же к лицу, как ладно скроенный строгий костюм. Пока Ева отчитывалась, широкое темнокожее лицо оставалось бесстрастным.

– Помощник шерифа на свои деньги приехал из Озарка, так как увидел, что вы пробивали базу на схожие преступления?

– Да, сэр.

– И сделал он это, поскольку уверен, что ветеран войны, социопат, страдавший посттравматическим стрессовым расстройством, а также злоупотреблявший алкоголем и наркотиками, стал жертвой убийц, которых в данный момент разыскивает несколько наших отделов и ФБР. И это несмотря на мнение его же собственного судмедэксперта и подтверждение случайного характера смерти со стороны ФБР.

Да, если оперировать сухими логическими фактами, выходило неубедительно...

– Судмедэксперт – городской семейный врач. Я проверила: за семнадцать лет в ее практике убийств было по пальцам пересчитать. В ФБР рассматривают в качестве жертв очень узкую категорию и не хотят ничего слушать. Я самостоятельно вывела маршрут. Убийство Малыша под него подходит. Мы с Баннером сошлись и еще по нескольким именам. Сэр, началось не в Теннесси. Просто жертва в Нэшвилле – первая, у которой вырезано сердце. Интервалы между убийствами колеблются без видимой причины, а если заполнить их погибшими из наших списков, все станет на места.

– Уже разговаривали со Звеком?

– Нет, сэр, и в ближайшее время не планирую. – Заметив удивленно приподнятые брови Уитни, Ева поспешно объяснила: – Их не интересует эта версия и эти трупы. Баннер уже получил от ворот поворот. Если докажем, что преступники те же, я, разумеется, поделюсь информацией. Понимаю, сэр, все это более или менее измышления, но они логичны и укладываются в общую картину. Предполагать, что мы с Баннером случайно вышли на одни и те же имена, – это чересчур.

Уитни постучал пальцем по краю стола.

– Чересчур – это эксгумировать и перевозить сюда два тела, задействуя наши ресурсы, чтобы опровергнуть заключения о причине смерти.

– Если хоть одно из них будет опровергнуто, у меня появится третий труп. Ной Пастон, девятнадцать лет. Похищен и зверски убит в сентябре. Сходится все, кроме сердца.

– Таким образом, их станет двадцать четыре.

– Пастона не кремировали, а захоронили. Если установим, что Малыш или Фастбайндер – а я склоняюсь к тому, что оба, – дело рук той же шайки, родители Пастона наверняка согласятся на эксгумацию.

– А Джейла Кемпбелл?

– Станет очередной, но не последней. Кооперируясь с Баннером, мы сможем вовремя ее найти.

Из сорока восьми часов прошло почти десять, мысленно добавила она.

– У нас ни имен, ни примет, сэр. Они как привидения! Значит, внешность обычная, непримечательная, умеют смешаться с толпой и не привлекать внимания. По моему указанию патрульные и роботы опрашивают население между квартирой Кемпбелл и местом, откуда она отправила последнее сообщение подруге. Дальше о ней ничего не известно. Шла одна, как Купер, как Малыш, как Фастбайндер. Но где-то убийцы прокололись! Все делают ошибки! Или промахи были не сейчас, а раньше, когда никто особенно не разбирался. Мы найдем этот промах и, возможно, спасем Кемпбелл.

Уитни барабанил пальцами по креслу.

– Мне нужно переговорить с начальником Баннера.

– Шериф Люциус Мондейл. Я подняла данные на обоих. Провинциальные, но вполне добросовестные копы. Уже отправила вам информацию по ним и координаты Мондейла.

– Побеседую с ним и сообщу о своем решении. А вы пока координируйтесь с Баннером. Новые сведения никогда не помешают.

– Есть, сэр.

– Они направлялись сюда, – произнес он, когда Ева повернулась уходить.

– Да, согласно всем маршрутам, вероятная цель – Нью-Йорк.

Он подошел к стеклянной стене и, заложив руки за спину, поглядел на город.

– Что ж, уже ошибка... Сколько возможно, не впутывайте прессу.

– Разумеется.

– Найдите их.

– Есть!

Время, время, думала Ева, спеша в отдел. Для Кемпбелл тикают часы, а теперь еще и вторые – как скоро Девинтер получит останки (заодно и Моррис – одна голова хорошо, а две лучше, ничего не упустят).

Был ли Малыш Мелвин первым? Она успела кое-что по нему поднять. Каких-то пятьдесят пять килограммов весу, да и возраст за семьдесят. И все-таки нелегкая добыча: ветеран войны, десятилетиями жил в лесу, знал его как свои пять пальцев.

В отделе Ева скомандовала:

– Пибоди, готовь конференц-зал! Всю информацию по расследованию. Где Бакстер?

– Они на вызове.

Ева помедлила, оглянулась.

– Детектив Кармайкл и Сантьяго, у вас что-то срочное?

– Заканчиваем тут с одним делом, лейтенант. Осталось только бантик повязать, – отозвался Сантьяго.

– Повязывайте скорее и подключайтесь к Пибоди. Патрульный Кармайкл здесь?

– Пока нет. Могу снова ему позвонить, – предложила Пибоди.

– Давай.

Ева направилась в кафе, по дороге доставая телефон.

– Мне нужна доктор Мира, – произнесла она прежде, чем секретарь успел что-то возразить, – и как можно скорее! У нас еще одно похищение и новая информация по преступникам.

– Я передам ей вашу просьбу, лейтенант.

– Немедленно!

Ева дала отбой, оставила короткое голосовое сообщение Гарнет Девинтер и, входя в кафе, – еще одно, Моррису:

*Полный вперед! Действуем быстро. Освободи столы.
Перезвоню...*

– Как успехи? – обратилась она к Баннеру, знаком показывая не вставать.

– Миз Фастбайндер не только согласилась, но и уговорила тамошнего судью быстро выдать ордер на эксгумацию. Думаю, рад спихнуть дело с рук. Мать Малыша Мела тоже согласна. Звонил шефу – он все организует. Видимо, по тем же причинам, что и судья.

– Не важно, по каким. Мое начальство собирается разговаривать с вашим. – Ева смерила его глазами. – Если у Уитни сложится впечатление,

что вы, Баннер, жулик и псих, далеко мы не уедем.

– Да, пойдет слава! Когда я устроился в полицию, одна девушка мне уже говорила, что я псих. Ничего, переживу.

Она села, опять внимательно его оглядела. Ни на жулика, ни на психа не похож.

– Кто живет в доме, где обнаружили кровь Малыша?

– Он сдается. В округе таких полно. Несколько недель был заперт. У хозяина не доходили руки починить канализацию.

– То есть дом пустовал?

– Да.

– Система безопасности?

– Замок на двери.

– Для желающих разжиться барахлишком – сущий пустяк. Взламывают, хватают, что приглянулось. Появляется Малыш. Следует потасовка, он убит или без сознания. На каком расстоянии от дома нашли тело?

– Не считая падения? Полмили по глухой дороге и еще четверть по тропе в холмах, с которой он якобы упал. Некоторые даже говорят, спрыгнул, но это вообще хрень собачья!

Баннер запнулся и дернул себя за волосы.

– Простите, вырвалось!

– В тот день, когда «хрень собачья» станет в нашем коповском сарае бранным выражением, я сдам жетон. Фантастика, на третьей полке. Криминалисты искали в доме кровь или следы, что ее замыли?

– Все как полагается. Крови кот наплакал. Наверно, пропустили, когда зачищали. Использовали целлофановую пленку, как с другими жертвами.

Да, так она себе и представляла.

– Значит, он тоже не первый. Очередной. Покопаем назад от вашего Малыша. Найдём первого – найдём убийц.

Баннер неожиданно накрыл ее руку своей. Ева вскинула брови, и он тут же убрал.

– Простите, наверно, не положено. Просто уже отчаялся от кого-нибудь это услышать...

– Между сказать, доказать и найти преступников много промежуточных этапов.

– Что мог, я делал. Если начистоту, в моей практике было всего два убийства, и в обоих с самого начала – никаких загадок. Во-первых, братья Делрой, Зак и Ленни. Оба далеко не семи пядей во лбу, охочи до дешевого пойла и паленой наркоты. Накачались тем и другим, подрались за картами,

и Зак проломил братцу череп каминной кочергой, а потом хотел отвести подозрение, наврава, что кто-то к ним влез. Как я сказал, не титан мысли. – Баннер пошевелился, словно надеясь удобнее устроиться на жестком стуле. – И женщина, которая приехала с мужем на отдых из Питтсбурга. Отдых относительный, потому как супруг имел обыкновение мутузить ее по полусмерти забавы ради. Подбил ей глаз и рассадил губу. Она заперлась в машине, он не унимался, и тогда она принялась утюжить его взад-вперед.

– Сложно ее винить...

– Что правда, то правда. Она сразу призналась: хотела, чтобы наверняка, потому и дала задний ход, а потом снова. Всего переехала три раза. В общем, никаких загадок. В Сибилс-Понд убийств немного.

– В нынешнем вы уже кое-что раскопали.

– Со смерти Малыша Мела работаю каждый день. Иногда урывал не больше часа, и все равно. Надеюсь, что теперь, когда объединил усилия с настоящим копом по убийствам, дело сдвинется.

– Вот и давайте к делу. Прошу в конференц-зал!

Она поднялась, и Баннер схватил пальто и сумку.

– Ну и контора! Столько всего сразу!

– Если интересуетесь, попрошу кого-нибудь провести вам экскурсию.

– Не откажусь!

Неожиданно воздух вспорол боевой клич, высокий и дикий. Ева круто развернулась. От патрульных убегал как одержимый, набычив голову и скалясь, высокий детина. Обдолбанные глаза горели, точно фонари, позади развевались косички рыжих волос. Сбил с ног служащую в штатском. Бедолага грохнулась, в воздух полетели бумаги.

– Прошу прощения, – молвила Ева и пересекла коридор навстречу беглецу, который потрясал в воздухе кулаками.

Правый кросс почти его не затормозил, однако привлек внимание – кулаки развернулись к Еве. Один задел плечо. Ева крутанулась и врезала ему ногой в живот.

Мужик охнул и хотел сделать захват. Она с силой наступила ему на ногу, ударила коленом в пах и снова применила правый кросс.

Шатаясь, он отступил. На окровавленных губах играла усмешка. Ева приготовилась ко второму раунду, но тут подоспели патрульные.

Она отошла, глядя на потасовку и прикидывая, не вмешаться ли снова. Воздух оглашали пронзительные крики, мелькали кулаки и локти. В драку вступил третий патрульный.

Беглеца наконец скрутили. На полу, в наручниках, он разразился безумным смехом.

– Господи боже ты мой... – пробормотала Ева.

– Это Чокнутый Фергус, лейтенант, – выдохнул патрульный, у которого рот тоже был в крови. – Думали, все путем, только с ним никогда не знаешь.

– Помогите той женщине и уберите его с глаз долой. Не можете справиться с заключенным – нечего тащить его в мой отдел. Стыд какой!

Она повернулась и заметила, что Баннер хлопочет над женщиной. Когда он снова подошел, произнесла:

– Извините.

– Шустрая вы! Если бы мне так в живот дали, я бы валялся и глотал воздух, как форель на крючке!

– Чокнутый Фергус, видно, из другого теста. И что это вообще значит? – рассуждала она, поводя ноющим плечом. – Тесто... При чем здесь тесто?... Не обращайтесь внимания.

– Его зад после приземления, можно сказать, превратился в тесто.

– Не у него первого. – Она снова пошевелила плечом и направилась в конференц-зал, поманив Баннера за собой.

– Детективы Пибоди, Сантьяго, Кармайкл. Помощник шерифа Баннер.

После обмена любезностями внимательно изучила почти готовую доску.

– Знакомы с материалами? – осведомилась у Кармайкла и Сантьяго.

– Пибоди рассказала. – Сантьяго постучал пальцем по фотографии Кемпбелл. – Меньше двух дней.

– Так давайте не будем терять ни минуты. Помощник шерифа, передайте Пибоди, что у вас есть, она разместит на доске. А я пока сообщу остальным, что мы обсуждали. Малыш Мелвин...

В зал неожиданно вошла Мира. Приятный сюрприз! Пришлось остановиться для короткого представления и повтора.

– Неровный отвесный склон... – Кармайкл изучала на доске фотографии тропы, которые привез Баннер. – Мог поскользнуться и упасть. Я ничего не утверждаю. Только если проверить на вероятность, процент будет высок.

– Да, мэм, так и есть. Но надо знать Малыша Мела. Не важно, чем он был накачан, он бы никогда не оступился!

– Несколько капель крови в доме. – Мира скрестила ноги и наклонила голову. – Если бы, как сказано в заключении, действительно порезался, роясь в вещах, ее было бы больше, повсюду.

– Согласна, – отозвалась Ева. – Ваши чистильщики проверяли под ультрафиолетом?

- Чистильщики?
- Криминалисты.
- О да, сэр, проверяли. Никаких следов зачищенной крови. Да он и не стал бы возиться.
- Пропавшее не найдено? – поинтересовался Сантьяго.
- Не было ничего ценного, такого, что привлекло бы внимание в ломбарде или на блошином рынке.
- Мира скрестила руки, изучая фотографию жертвы.
- Судмедэксперт счел, что Мелвин обжегся сам?
- Да, мэм, случайно или под кайфом.
- Категорически не согласна! Думаю, наш специалист меня поддержит.
- Очень рад слышать!
- Моррис и Девинтер изучат останки Мела и другой жертвы из Западной Виргинии, – добавила Ева.
- Запороли ваши это дельце, – Сантьяго бросил взгляд на Баннера. – И федералы тоже. Без обид.
- Какие тут обиды!
- Полагаем, – начала Ева, – что работала команда преступников. Взломали пустующий дом. Малыш Мел забрел туда или проходил мимо. Схватили его, использовали целлофан, чтобы не оставлять следов крови и других жидкостей, перетащили тело на тропу в холмах и сбросили. Не вырезан знак сердца? Еще не додумались до таких изысков. Мел – один из первых. Не первый, но близко. Пойдем от него в обратном направлении.
- Далеко идти придется, – нахмурилась Кармайл. – Главное – понять, с чего началось. Что их сподвигло? Если любовники – а на то похоже, – может, их хотели разлучить? Родители, старшие, супруг... Или на кого-то из них напали, и дело кончилось мокрухой. Независимо от причины и обстоятельств завело их первое убийство.
- Кармайл повернулась к Мира за подтверждением.
- Согласна. Это был переломный момент, «искра», если угодно.
- Есть еще несколько возможных жертв, – сообщил Баннер. – В основном я искал тех, кто шел за Малышом Мелом, и бился головой о стену, убеждая ФБР, но начал копать и в обратном направлении. Трое, может быть, подойдут.
- Посмотрим.
- Он взглянул на аппарат Пибоди.
- Поновее штукovina, чем я привык...
- Давайте я. Код?

- Кода нет... Папка ВПМ, «вероятные предшественники Мела».
- Вижу. У меня в Озарке двоюродная сестра, – произнесла Пибоди, не отрываясь от работы. – Недалеко от Пиджен-Ран.
- Пиджен-Ран? Знаю. Славное местечко!
- Ваша правда. Не была там лет с шестнадцати, а хорошо помню. Они с мужем и сыновьями заправляют фермерским рынком.
- Лидия Бенч и Гарт Фокс?
- Пибоди удивленно подняла глаза.
- Вы их знаете?
- Немного. Больше через сестру. Она отвозит им продукцию и покупает кое-что раз в месяц, а то и чаще. Мир тесен, как ни крути.
- Сосредоточимся пока на убийствах, – вмешалась Ева. – Пибоди, данные на экран!
- Грузятся.
- Вот первая, – кивнул Баннер, когда появилось имя и фото. – Вики Линн Саймон. Профессиональная проститутка, работала в окрестностях Талсы. Тело нашли на сельской дороге в десяти милях от города. Побои и ножевые ранения. Квалифицировали как чрезмерное употребление силы.
- Дело вчера закрыли, – сообщила Ева. – Вы, наверно, были в дороге. Нашли еще один труп и выследили преступника. Доказательная база внушительная, вторую жертву убили на прошлой неделе. Так что это не наше...
- Тогда остаются двое. Марк Россини, заправлял рестораном в Литл-Рок. Побои, ножевые раны, ожоги. Прямо в ресторане, после закрытия. И вокруг все вверх дном.
- Я смотрела материалы, – припомнила Ева. – Можно пока оставить, хотя сомневаюсь. Россини увлекался азартными играми и задолжал пару сотен тысяч. Видно, перестарались с выколачиванием долга.
- Тогда Роберт Дженсен. Побои, следы борьбы. Проломлен череп, скорее всего, монтировкой. Перелом ноги, удары по спине и лицу. На руках следы борьбы. Нашли у дороги в высоком кустарнике недалеко от шоссе номер двенадцать, к югу от Бентонвилла. Пролежал с неделю, пока ребенку не приспичило в туалет и мать не остановила машину. Пацан, наверно, получил психологическую травму на всю жизнь. Над телом потрудились животные.
- Это один из моих, – прищурилась Ева. – Начала поднимать по нему материалы. Укладывается в маршрут. Ехал по делам, верно? Из Форт-Смит в Бентонвилл на арендованной машине. Ее, кстати, так и не нашли.
- Да, мэм. – Баннер уловил сдавленный смешок Сантьяго. – То есть,

сэр... ФБР сразу его исключило. Отсутствуют следы пыток. Видимо, машина у него барахлила, или он остановился в туалет или помочь кому-то. И этот кто-то на него напал, а он стал сопротивляться и схлопотал за труды монтировкой по голове.

– Машину прихватили, она-то и была нужна, – уверенно отозвалась Ева. – А их собственный автомобиль?

– Не нашли, проверял. У эвакуаторщиков тоже ничего. Никаких сообщений о брошенных авто.

– Могли, конечно, быть и на своих двоих, хотя вряд ли. После убийства оба сели за руль, а потом одну тачку продали. – Ева принялась расхаживать взад-вперед. – Как его тормознули? Человек опытный, не первый раз едет. Почему остановился где-то у черта на куличках?

– Из-за юбки, – предположил Сантьяго.

– Наверняка. «Что-то случилось, красавица?» – «Ох, да! Спасибо огромное! А то темнеет уже, страшно...» И тут появляется второй. Пара пустяков. Может, они даже что-то такое раньше проделывали. Просто хотели угнать машину, а чувак заартачился. Или врезал бабе, и тогда ее хахаль на него бросился. Или чуть не подмял мужика, и баба кинулась на помощь с монтировкой. И опаньки! Жмурик! Или без пяти минут жмурик. Что делать будем?

– Оттащим в кусты, – dokonчила Пибоди, – и ноги в руки. А потом: ты смотри, что мы сделали! Вместе! Как весело! Какой кураж!

Или какая музыка, подумала Ева. Трагические ноты – как от смычка большой пузатой скрипки в опере.

– После рукопашной на них его кровь. Запах, вид... И они заводятся.

– Вместе, – кивнула Мира. – Это цементирует их отношения, выводит на новый уровень. Жертва становится противником, которого они победили друг ради друга. А секс – награда, которая превращается в цель и требует новой пищи, экспериментов, более длительной игры. Данное убийство – не важно, первое оно или очередное – совершено быстро, жестоко и не обязательно умышленно.

– Дженсен стал их удачным несчастным случаем, – добавила Ева. – И они подумали: что, если спланировать, подготовиться и повторить, зная, какие ощущения это вызовет? Да, похоже на правду.

– Так все просто? – Баннер посмотрел вокруг в некотором изумлении.

– Нет, не просто. Сантьяго, Кармайкл, вы едете в... Где там эта дыра?

– Ближе всего к Монро в Арканзасе, на границе с Оклахомой.

– Вот туда вы едете.

– Йи-хо! – воскликнул Сантьяго.

– Покопайтесь. На каком-то этапе была вторая машина. Найдите. Пибоди, подними все данные по убитому, опроси родных, присовокупив существенные отчеты и файлы. Возможно, он первый, похоже на то. Не собирались убивать, а вышло так чертовски классно. С Малышом Мелом проверь маршрут. Он мог быть следующим. Более продуманно, но не отточенно. Может, найдем между ними еще одного, но не больше. Рядом Оклахома?

Она сделала знак Пибоди вывести на экран карту.

– Если этот первый, скорее всего, приехали из Оклахомы. Возможно, оттуда родом. По логике вещей. Пробьём по базе угоны. Может, с них и начали. Раздевали, разбирали на части, продавали. Работали на глухих дорогах, в маленьких городах. Знали местность. Итак, начинаем в Оклахоме. Возьмите приборы, – обратилась она к Сантьяго и Кармайкл. – Организую вам автобус и машину на месте.

– Прокатимся с ветерком! – Кармайкл поднялась и взмахнула кулаком. – Чур я веду первая!

– Тьфу ты, пропасть!

Не обращая на них внимания, Ева вытащила телефон и отошла на несколько шагов, напоминая себе, что у Джейлы Кемпбелл времени все меньше. Она воспользуется любыми связями, чтобы ускорить поиск.

Хотела связаться с Каро, на диво проворной секретаршей Рорка, но на экране возникло лицо мужа.

– Лейтенант!

– Привет! Окажи услугу!

– Ты же только расплатилась за предыдущую...

– Начнем сначала. Нужен автобус, быстро!

– Куда едем?

– Мы – никуда. Сантьяго и Кармайкл – в Арканзас. Есть версия. Нужно поскорее их туда доставить и на месте подогнать машину, обычную, без наворотов.

– Сделаю. Каро скинет тебе информацию.

– Спасибо, а за расходы не беспокойся – ужму как-нибудь бюджет.

– Предпочитаю иные способы оплаты... Нашла первую жертву? Все, как и думала?

– Очень возможно.

– Хорошо, тогда займусь транспортом. Каро отправит документы и номера. А свою плату я получу позже.

– Ха-ха! – Ева дала отбой. – Автобус на подходе. Сейчас оформлю бумаги. Кармайкл, Сантьяго, собирайтесь. Пибоди, позаботься о Баннере.

Мира, не помешало бы потолковать пару минут.

С этими словами она вышла.

Баннер медленно выдохнул.

– Тут у вас всегда все так быстро? В смысле, она всегда такая?

Пибоди подумала и рассмеялась.

– В общем, да.

Глава 11

Мира просунула голову в дверь кабинета.

– У меня до начала совещания десять минут.

– Прекрасно. – Ева развернулась на стуле. – По-моему, у нас два дня – уже меньше. Ты согласна?

– Вряд ли они сократят время, хотя возможны, конечно, непредвиденные обстоятельства. Питки щекочут нервы и дают почувствовать связь с партнером. Убийство – конечная цель и разрядка, но продление игры усиливает ощущения.

– Для всего этого нужно место.

– Да, частное жилище.

– Я тоже склоняюсь к частному дому. Или многоквартирному с плохой системой безопасности. Проверяем заброшенные и пустующие здания. Пока ничего. Точно не ночлежка – слишком людно. Не гостиница. Просторные съемные апартаменты в хорошем доме не потянут. Надо предъявлять документы, вносить залог. Может, полуподвальное помещение в дешевом или среднем доме. Или захватили кого-то, у кого есть жилье...

– Еще одна жертва?

– По времени все четко, но ведь им нужно место. Позаботились загодя. Похитили кого-то по дороге, например в Нью-Джерси, или уже по приезде. Если так, то от тела избавлялись осторожно или пока не убили, чтобы мы через труп не выследили. Теперь вопрос: достаточно ли у них мозгов, чтобы спланировать, подыскать место и захватить хозяина?

– Да. Если Нью-Йорк – конечная цель, то все хорошо продумывали. К тому же не первый месяц репетируют, поднаторели в своем хобби. Это не миссия, – пояснила Мира, когда Ева приподняла брови при слове «хобби». – Не дело жизни. Развлечение и способ почувствовать связь друг с другом.

– Хобби приедается, его бросают.

– Они тоже могут бросить. Но сейчас это слишком увлекательно, и им везет. И все-таки не сбрасывай со счетов, что мы имеем дело с влюбленными, любовниками. А у пар случаются ссоры и размолвки. В конце концов, уходит любовь. Если это случится...

– Могут направить агрессию друг на друга, – продолжила Ева. – Или разбежаться. Лучше бы остались вместе. Если разойдутся или один порешит другого, изменится весь *modus operandi* [\[1\]](#).

– Пока любят, не только вместе убивают, но и защищают друг друга. Если ты их найдешь, вероятно, предпочтут вместе умереть, нежели разлучиться.

– Да, спровоцируют полицию на применение силы. Я уже думала. Первоочередная задача – их поймать. Вторая – не доставить удовольствия вместе сыграть в ящик под знаком черного вырезанного сердца.

Ева встала, прошла по кабинету.

– Какие у тебя впечатления от Баннера?

– Увлечен делом, немного наивен, но добросовестен. Подозреваю, что в ходе своего расследования получил немало тумачков и от ФБР, и от коллег-копов. Не отступился, хотя было бы легче.

Ева кивнула, продолжая рассказывать.

– По-моему, вполне адекватен. Если вдруг начнет выкидывать коленца, отправлю восвояси. Ладно, спасибо!

Она рухнула на стул и посмотрела на доску.

– Джейла Кемпбелл испытывает боль, страх. В голове вертится: за что это мне? Хочет к родным и друзьям. Хочет, чтобы мука прекратилась. Если найдем что-нибудь в Арканзасе, если пойму, где ее держат – точно в центре города, – и если она выдюжит, есть шансы ее вытащить.

– А если я еще чем-то могу помочь, только скажи.

Ева пошевелилась.

– Когда придут останки тех двоих, хорошо бы тебе скооперироваться с Девинтер и Моррисом или изучить их заключения. У психологов свои выводы, и любой взгляд важен.

– Хорошо, сделаю.

Оставшись одна, Ева запустила по базе новый поиск пропавших с августа, из тех, кто живет или имеет бизнес в Нью-Йорке.

Пикнул телефон, на экране высветилось имя Гарнет Девинтер. Ева нажала «ответить».

– Даллас слушает.

– Могла бы и спросить!

– О чем?

– Есть ли у меня время на еще два эксгумированных трупа и отчеты! Ты, кажется, не совсем понимаешь, чем мы тут заняты, а я, например, в данный момент ковыряю на столе кости двух индивидуумов, которые были замурованы в бетонный фундамент недавно снесенного здания!

– Сколько им лет?

– Почти сто двадцать!

– Тогда, черт дери, подождут! А у Джейлы Кемпбелл... – Ева

развернула телефон, чтобы Девинтер стало видно доску и фото, – в лучшем случае тридцать шесть часов, прежде чем парочка чокнутых влюбленных, которые сейчас ее пытаются, полоснут ее поперек живота и оставят истекать кровью, а сами в это время будут трахаться!

Негодование на остреньком запоминающемся лице Девинтер растаяло. Она со вздохом провела рукой по прилизанным по случаю работы волосам.

– Могла бы сразу объяснить...

– Я, видишь ли, немного спешу, учитывая, что до Кемпбелл, по крайней мере, двадцать один подтвержденный труп. И еще четыре рассматриваются, включая тех, чьи останки к тебе едут.

– Если бы сразу объяснила, я бы ускорила по своим каналам.

– Каким образом?

Девинтер холодно прищурила проницательные зеленые глаза.

– У меня есть связи, и я умею ими пользоваться. Чем и займусь прямо сейчас. Нужен подробный отчет о расследовании, заключение психолога и информация по предыдущим жертвам.

– Отправила пятнадцать минут назад.

– Ох... Ева, нам нужно чаще разговаривать!

– Да. Я над этим поработаю.

– Ага, покажи пример!

Ева с трудом сдержала колкость. В словах Девинтер все-таки была доля правды.

– Хорошо. Посмотри, что я тебе послала. Будут вопросы, звони. С тобой скооперируется Моррис. Мира тоже выкроит время. Мне нужно знать про эти жертвы все. Федералы их к данной серии не приписывают. Я не согласна. Докажи, что я права.

– С тебя выпивка!

– Да что угодно! Ладно, у меня мало времени...

– У меня тоже. На связи.

Ева надавила основанием ладоней на глаза. Подумала: кофе!

Едва стала вставать, как послышался топот розовых сапог Пибоди.

– Данные на Дженсена, нашего потенциального первого. – Взгляд Пибоди скользнул по доске, куда Ева уже добавила фото.

– Из Колумбуса, Огайо. Специалист по рационализации производства. Нанимали для консультаций по вопросам эффективности: где урезать расходы, где что добавить... Сорок три года, в разводе, детей нет. Хватились через неделю, потому что работал в основном самостоятельно и только что закончил контракт в Форт-Смит. Ехал на несколько дней отдохнуть в Бентонвилл. Взял в Форт-Смит напрокат седан «Приорити»

шестидесятого года, цвет «сияющее серебро», – до сих пор не найден. Помимо кучи дорожных штрафов, не привлекался. Прилично зарабатывал, пользовался хорошей репутацией, почти две трети года проводил в разъездах и, видимо, не жаловался. Больше коллег и клиентов, чем друзей. В колледже немного занимался боксом. Поддерживал себя в форме.

– Наверняка оказал сопротивление. Чувак на крутой тачке, один. Машина приглянулась, особых хлопот не ожидается. А он вдруг артачится и в результате играет в ящик. Больше коллег и клиентов, чем друзей... Вряд ли остановился бы ради пары или мужика. Еще один плюс в пользу присутствия женщины. Выходит из машины. Если бы просто голосовала на шоссе, не пришлось бы вылезать.

– Машина поломалась, или тетка притворяется, что ранена, и он соглашается помочь.

– Скорее, машина. Надо же им было как-то туда добраться, а пешком, насколько я понимаю, фиг дотапаешь. Кто-нибудь вспомнил, во что он был одет и что взял с собой?

– Багаж. Паковать чемоданы, естественно, умел. Два хороших костюма, рубашки, галстуки, белье, туалетные принадлежности, одежда для тренировки. Две пары модельных туфель, две пары кроссовок. Планшет, карманный компьютер, два телефона, наличные – в день отъезда из Форт-Смит снял в банкомате восемьсот долларов. Его начальник сказал, что они все возят довольно крупные суммы на чаевые – сказывается на качестве обслуживания. Кредитная карта компании и две свои. Ни одной с момента отъезда из Форт-Смит не воспользовались. Хорошие наручные часы. Запустила поиск по марке и модели. То же с электроникой.

– Узнай размер.

– В смысле?

– Одежды, обуви. Если не продали в первые несколько дней по маршруту, то носили сами. А коли так, у нас есть размер обуви и комплекция.

– Ха! Кто бы додумался!

– Я додумалась. Узнай размер, добейся у коллег или клиентов подробного описания. Если не вспомнят, попробуй отели. Где-нибудь наверняка пользовался услугами прачечной.

– Сделаю. Даллас, и еще...

– Ну что? У меня отчет для Уитни горит!

– Я попросила одного гражданского поводить Баннера по управлению и рассказала ему про буфет, начистоту.

– Отлично. А теперь сгинь!

– Даллас, ему в Нью-Йорке негде остановиться...

– В Нью-Йоркедохренадцать мест, где остановиться!

Взгляд щенячьих глаз Пибоди не насторожил Еву – она была занята своими мыслями.

– Да, он попросил порекомендовать отель недалеко от управления. Не спит уже больше суток и платит из своего кармана. Складывается впечатление, что у помощника шерифа в Сибилс-Понд жалованье еще меньше, чем у детектива в Нью-Йорке.

– Господи... – Вместе с озарением, к чему клонит напарница, Еву накрыло чувство вины. – Ясно! Хочешь развернуться на сто восемьдесят на полной скорости!

– Просто выслушай, ладно? – Пибоди замахала руками, как будто в нее запустили башмак. – Поселишь его у себя – он всегда под рукой. Что-то новое происходит – он тут как тут. И еще я подумала, мы с Макнабом тоже можем пока к тебе перебраться, по той же причине, – торопливо добавила она. – Заодно развлечем Баннера, чтобы тебе не пришлось. Кармайкл и Сантьяго уже в пути. К вечеру ожидаются новости.

– Мать вашу за ногу! – Ева не поддавалась порыву побиться несколько раз головой об стол – как и в случае с Девинтер, в словах Пибоди была доля правды. – Хорошо, валяй, устраивай! Только с Соммерсетом разговаривай сама! – Ева решила, что без этих мучений точно обойдется. – Не желаю слушать его нытье про то, как он служит дворецким в придорожной ночлежке для копов!

– Не беспокойся. Надо будет заехать домой, взять вещи. Можно, конечно, захватить Баннера с собой...

– О, ради всего с... Ладно, я его подвезу. Когда закончу, черт возьми! Пусть пока поспит на диване, если не вмоготу. А сейчас проваливай ко всем чертям, пока не переселила ко мне половину отдела!

Ева обхватила голову руками. Сначала кофе. Потом предупредить Рорка. Отправит сообщение – именно так лучше всего уведомлять о том, что в доме ожидается толпа копов, причем один из них – полный незнакомец. Послать отчет Уитни, проверить результаты по пропавшим...

Пикнул телефон, и, скрежетнув зубами, она снова ответила Девинтер:

– Тудысь тебя растудысь! Что еще?

– И тебе привет. Останки будут эксгумированы в течение часа и к восемнадцати ноль-ноль лягут мне на стол.

Раздражение испарилось.

– Вот так скорость! За это с меня тоже причитается?

– Я не против. Договорились с Моррисом начать сегодня. Доктор Мира

подсоединится голографически, если надо, а утром зайдет.

– Хорошо. Может, сразу купить тебе бутылку?

– Лучше несколько раз по чуть-чуть. И поговорить, лейтенант. Давно пора. О'кей, буду держать тебя в курсе.

– Взаимно. Спасибо тебе. Черт, кто-то пробивается! Пока!

Она переключилась на следующий звонок.

– Сэр, отчет пришлю с минуты на минуту!

– Шеф Баннера дал полное добро. Однако официально это не входит в федеральное расследование, и я хочу, чтобы все наши задницы были полностью прикрыты. Жду подробнейшего отчета, лейтенант. И скиньте копию Тибблу.

Ева кивнула. Полностью прикрытые задницы в компании с шефом...

– Так точно! Если коротко, то нам, кажется, повезло.

Она вкратце изложила данные на Дженсена.

– Чтобы ускорить процесс, я попросила транспорт у Рорка. Детективы уже в пути.

– Включите в графу о компенсации.

– Он откажется, сэр.

– Не важно. Рорк имеет полное право предоставить транспорт бесплатно, но все должно быть официально оформлено. Со всеми бумагами.

– Да, сэр.

Она завершила звонок и подумала, что бумагами займется сама. На месте Рорка она бы взбесилась, если бы пришлось делать еще и это...

Снова подумала про кофе и сообщение мужу. На этот раз уже почти дошла до автоповара, и снова ее отвлекли шаги. Бакстер.

– Простите, лейтенант!

Ева чуть не зарычала, однако сдержалась, заметив его бледность и усталые тени вокруг глаз.

– Что?

– Хотел сказать, мы вернулись и можем приниматься за рутину.

– Хорошо, дел невпроворот. Садись. – Она сделала два кофе. – Что за вызов?

– Закрыли в момент. Господи... – Он уставился в чашку. – Думаешь, что тебя уже ничто не цепляет. Все видел, и хуже быть не может. Может! Всегда! Мужик пришел забрать на неделю детей. Он в разводе. Пацану восемь, девочке четырнадцать. Болтался без работы, несколько раз наезжал на бывшую. Ничего серьезного, в основном брань, крики. И вот сегодня дети собираются у себя, мать открывает дверь – и он с ходу бьет ее по

голове кувалдой. А потом бросается на детей. Они пытаются убежать, девочка заслоняет собой брата...

Бакстер посмотрел на кофе, встряхнулся, отпил.

– Только мокрое место осталось, Даллас! Как будто это вещь, а не собственная дочь! У мальчишки, говорят, есть шанс. Ноги и рука разможены, но основной удар приняла сестра. Когда решил, что с детьми кончено, вернулся и добил жену.

Бакстер снова медленно глотнул кофе.

– Соседи слышали шум, прибежали, вызвали полицию. А он вышел на улицу – и напрямик под колеса. В машине – женщина с ребенком. Затормозила. Они в порядке, только напуганы. От удара он отлетел под другой автомобиль, и у того уже не было времени остановиться.

– Насмерть?

– А жаль! – со злобой произнес Бакстер. – Лучше бы отскрести его от мостовой, посадить в камеру и до конца его долбаной жизни крутить ему видео с телами детей. Его детей, Даллас! По всей стене, по полу – мозги дочери. Чего ради?!

– Кто тебе ответит, Бакстер? Хуже бывает, всегда. И если нас это не задевает и мы не сопереживаем, пора сдавать жетон. Где Трухарт?

– Отпустил его, велел взять несколько дней за свой счет. Наверно, еще поболтается в больнице. У пацана там дед с бабушкой. И другие родственники есть, уже что-то. У Трухарта завтра экзамен, сказал ему выкинуть остальное из головы. Может, следующего остановим прежде, чем убьет детей. Получай значок, и в другой раз успеем до того, как мозги размажутся по стене.

– Ехал бы ты домой.

– Не могу. – Он поднял глаза. – Займите меня чем-нибудь, лейтенант. Чем угодно!

– Проверяю по базе пропавших за последние две недели. – Ева объяснила параметры поиска. – Выбери те, где есть либо жилье, либо бизнес в центре.

– Понял. Спасибо!

Он встал и посмотрел на доску.

– Некоторые так навсегда и остаются в памяти. И мы не увольняемся, хотя знаем, что с этой работой дурных воспоминаний в голове только прибавляется. Приходится верить, что все не напрасно...

– Ты веришь, потому что это правда. У Джейлы и Маллигана время поджигает, давай найдем ублюдков.

– Приступаю!

Когда он вышел, Ева подняла информацию по вызову, семье, вывела фото жены и детей, которых больше не забудет Бакстер. Теперь они у нее в голове тоже, но надо верить, что не напрасно.

Несмотря на то что ее всю дорогу дергали, Ева отправила Уитни подробнейший отчет и после недолгих колебаний решила доделать остальное дома, где причины отвлекаться сведены к минимуму. Тем более что и рабочий день закончился.

Посмотрела результаты по пропавшим, сгрэбла в кучу необходимое и схватила плащ.

В последнюю минуту вспомнила про Баннера.

В отделе толпились копы.

– Закругляйтесь! – приказала она и подошла к Трухарту. – Как мальчишка?

– Сделали операцию. Врачи говорят, будет еще минимум две. Он в искусственной коме. Вроде выкарабкается. С ним родные...

Он запнулся и глубоко вздохнул.

– Дедушка с бабушкой и другие родственники. Врач сказал, молодой и здоровый, шансы есть.

– Ладно. А теперь переключись. Иди домой, готовься к экзамену. И даже не думай! – произнесла она прежде, чем он возразил. – Никогда не откладывай ни экзамены, ни жизнь ради того, что не можешь изменить! Он в надежных руках, а ты свое дело сделал.

– Бакстер то же самое говорит...

– Вот и слушайся. – Ева оглянулась на Бакстера: – Пошли мне, что у тебя есть, и ступай пропусти пивка с Трухартом, а потом забрось его домой. Чтобы он завтра нас не опозорил.

– Слушаюсь. Даллас, я бы хотел продолжить с этим делом. Пока парень сдает экзамен, я могу работать.

– Я тебя подключу. Пибоди, давай, в темпе вальса, бери, что нужно. Где Баннер?

Тот выглянул из-за перегородки.

– Я тут писал кое-что, проверял контакты. Детектив Пибоди разрешила здесь посидеть.

– Собирайтесь, мы уходим.

На ходу набросила плащ и вышла, оставив Баннера позади.

– Большое спасибо, что нашли для меня койку, лейтенант. Неловко вас стеснять...

– Коек у нас завались, и вы за нее заплатите. Начнем с небольшой

остановки в пути. Проверяю наугад одно исчезновение. Где-то же они засели. Может, повезет...

– Не проверишь – не узнаешь. Миз Деннинг провела мне подробнейшую экскурсию, – добавил он, протискиваясь в лифт. – Кабинетам конца и края нет! Прошлись по вашему ОЭС, и, должен сказать, впервые такое вижу!

– Я это повторяю всякий раз, как туда попадаю.

Он широко улыбнулся.

– Да уж, бойко! Как зовут их капитана?

– Фини.

– Похож на моего дядю Билла. Одет, как на праздник. И приятен, как хорошая охотничья собака. Очень высоко вас ценит!

– Он меня обучал. Лучший коп, какого я знаю. А я их видела немало.

– Сказал, что если нападете на след этой парочки, то не остановитесь, пока не поймаете.

– Это вопрос или утверждение?

– И то и другое.

Облегченно переводя дух, Ева протиснулась вон из лифта на своем уровне гаража.

– Дориан Купер, – начала она, – не был первым, но он первым попал ко мне. Играл на виолончели, любил мать, которая никогда не оправится от такого удара. Да еще оказался приятелем моего друга.

– Я видел его на доске.

– Да, и я тоже буду смотреть на него каждый день, пока не закрою дело... Вот моя тачка.

Успела заметить его изумление, набрала код, чтобы открыть дверцы. Снова прочитала на лице Баннера удивление, когда он сложил свое длинное тело, сел и почувствовал, как кресло автоматически под него подстраивается.

– Удобно, ничего не скажешь!

– Возит меня куда надо. – Она тронулась, повернула к выезду с парковки. Притормозила, изучая движение и дорогу. Пробурчала: – Чертова зима! – И газанула так, что Баннер потихоньку проверил на себе ремень безопасности.

– И быстро возит, красавица!

– Почему мужчины всегда говорят о машинах в женском роде?

– Полагаю, это любовь. Извините, не могу не таращиться, – прибавил он, вытягивая шею, чтобы лучше рассмотреть рекламный аэростат, вяло ползущий по сизому небу с анонсом очередной, «снежной» распродажи. –

Раньше не до того было. – Он тихо кашлянул, когда Ева нагло влезла между «супертакси» и ползущей по-черепашьи «мини». – Не знал, чего ожидать в управлении...

Она лихо обогнула угол и только-только успела проскочить на светофоре, где готовились хлынуть на мостовую пешеходы.

– Точно не думал, что буду кататься по городу с лейтенантом полиции, чтобы проверить версию!

– Не уверена, что тянет на версию. Пропавший – Уэйн Поттер, шестьдесят три года, дважды разведен, трое законных отпрысков и трое внебрачных. Работал перевозчиком мебели. В последний раз видели восемнадцатого августа.

Она снова повернула, воткнула вертикальную передачу и перепрыгнула до одури медлительный грузовик.

– Взял напрокат дом на колесах, – продолжала она, – уехал вроде бы на две недели. И его, и дом в последний раз видели вблизи Луисвилла, в Кентукки. Домой не вернулся, исчез вместе с трейлером.

– Похоже, наш случай...

– Возможно. Или же Поттер, который на дух не переносит обеих своих бывших (они, надо сказать, платят ему взаимностью) и почти не общается с другими родственниками, включая брата, которому задолжал семь тысяч, решил просто ехать куда глаза глядят и чихать хотел на Нью-Йорк и его обитателей.

Ева поразмыслила, решила: да пошли вы все! – и припарковалась вторым рядом.

– Здесь, в цоколе. – Она включила мигалку и, игнорируя возмущенные сигналы водителей, вылезла из машины и обошла капот. – Оружие при вас?

– Табельное. В управлении приказали сдать, но детектив Пибоди договорилась, чтобы вернули.

– Приготовьтесь, – посоветовала она, подходя к зданию. – Но без нервов.

– За все время доставал его только четыре раза. И ни разу не стрелял.

Представить такое было трудно, однако Ева кивнула:

– Хорошо. Желаю продолжать в том же духе.

Откинула полу плаща, положила руку на оружие, другой достала жетон.

На двери минимальная система безопасности. На окнах решетки.

– Звоните!

Ответили почти сразу, и так же быстро Ева опустила руку и поправила плащ.

Снизу вверх на нее глядело конопатое лицо мальчишки лет десяти.

– Ты не Сарри! – обиженно произнес он.

– Нет. Родители дома?

– Мам!

На крик появился второй ребенок. Девочка, решила Ева, судя по ярко-розовому платью и еще более ярким голубым колготкам. Девочка посмотрела на нее так же подозрительно, как и брат.

– Вам сюда нельзя, вы чужая! – И, прибавив децибелов, тоже позвала мать.

– Иду, иду! Господи, дайте же мне... Нейтан Майкл Фицсиммонс, что я говорила вам насчет двери?!

– Это должна быть Сарри!

– Не важно! – Женщина в пушистых тапках, измученная заботами, с кое-как заколотыми кверху темными волосами, загородила собой детей.

– Департамент полиции и безопасности Нью-Йорка. – Ева опять подняла жетон. – Простите за беспокойство.

– Что-то с Сарри?...

– Нет-нет. Проверяем заявление о пропаже человека. Вы знакомы с Уэйном Поттером?

– К сожалению, нет. А-а, постойте. Лучше вам войти, а то все тепло выдает...

Она прикрыла дверь.

– Это, наверно, бывший жилец. Соседка сверху называла имя. Мы вселились в прошлом октябре. Миссис Харбор сказала, что однажды он уехал, бросил вещи, родных. Я сначала боялась, вдруг объявится. Но он не вернулся.

Снова затрезвонил звонок, и дети дружно завопили:

– Сарри!!!

– Спасибо, что уделили минутку.

Ева отодвинулась, и женщина открыла дверь.

Сарри, облаченная в пальто, шапку, шарф, сапоги и перчатки всех цветов радуги, была немедленно облеплена детьми.

– Моя сестра, – рассмеялась женщина. – Лучшая тетя в мире! Простите, что ничем не помогла.

Ева пробилась к машине под аккомпанемент сердитых гудков и проклятий.

– Минус один, – промолвила она. – Все ближе к цели.

По следующему адресу, у узкого дома в ряду ленточной застройки, с парковкой повезло больше – нашлось место на верхнем уровне, – чего

нельзя сказать о разговоре с его обительницей: плаксой, которая заявила об исчезновении соседа-любownika. Якобы вышел однажды вечером за жвачкой и не вернулся. Под окном обнаружился целый алтарь с фотографиями, цветами, свечами, пустой бутылкой вина (видимо, последней из распитых вместе), одиноким красным носком и черными перчатками.

Версия у Евы сложилась на удивление быстро – отнюдь не похищение инопланетянами, как настаивала женщина, – и почти так же быстро она сумела сбежать оттуда вместе с Баннером.

– На сегодня хватит. Господи Иисусе! – Она покачала головой, вклиниваясь в поток машин. – Инопланетяне!.. Нет, Кёртиса Хемминга не похищали для опытов никакие злоеющие гуманоиды. Он сбежал от психованной, которая решила, что они предназначены друг другу судьбой. Секс – одно, помешательство – совсем другое! В любом случае ни там, ни там наших преступников нет, и вряд ли они когда-нибудь пересекались с Поттером или Хеммингом. Еще раз пройдемся по списку и, возможно, сразу исключим таких вот вышедших за жвачкой.

Она пробилась сквозь пробку, обогнала максибус и пересекла извивающуюся, как змея, вереницу такси.

– Лихой вы водитель, лейтенант! Ох и лихой!

– Нечасто слышу такие комплименты.

Ева бросила взгляд на Баннера и продолжила дорожную схватку.

Глава 12

Когда въехали в ворота, Баннер подался вперед и тихо присвистнул.

– Мать честная!

Ева уже привыкла к размаху и великолепию, однако прекрасно понимала, как ошеломляет дом с освещенными на фоне темного неба окнами, величественным и фантастическим силуэтом в синем искусственном освещении снежного пейзажа.

– Я смотрел передачу, только вживую просто дух захватывает! Вроде как замок посреди города!

– Муж – ирландец, – произнесла Ева, как будто других пояснений не требовалось.

– Таких огромных и не видел!

– Я тоже.

Немного смутившись, она заглушила мотор.

– Соммерсет, правая рука Рорка, подготовит вам комнату. Размещайтесь, а потом продолжим у меня в кабинете.

– Договорились. И еще раз спасибо!

– Чего-чего, а комнат у нас хватает.

– Да уж! – Он вылез из машины и достал сумку. – Никогда не встречал такие хоромы и никогда так не мерз! – добавил он, перекрикивая ветер. – Это, я вам скажу, не фу-ты ну-ты!

Она вошла первой и, естественно, увидела в прихожей Соммерсета, рядом с которым сидел кот. Оба во все глаза уставились на Баннера.

– Знакомьтесь, помощник шерифа Баннер.

– Да, детектив Пибоди предупредила. Добро пожаловать в Нью-Йорк, помощник шерифа!

– Благодарю. И спасибо за комнату. Уилл Баннер. – Он шагнул вперед и протянул руку.

Соммерсет пожал ее, наклонив голову. Кот подозрительно обнюхал ботинки чужака.

– А ты, наверно, Ланселот? Или как там тебя?

– Галахад, – поправила Ева.

Баннер присел и ласково погладил кота по спине.

– Да, Галахад. Помню, что один из рыцарей. Передачу я смотрел. Кот, который приносит удачу, – разноцветные глаза.

Галахад, видимо, был согласен, потому что выгнул дугой спину и

потеря о ногу Баннера.

– Помощник шерифа остановится в Парковой комнате, – объявил Соммерсет и ухмыльнулся, заметив недоуменный взгляд Евы. – Я вас провожу. – Указал в сторону лифта. – Позвольте помочь с сумкой.

– Спасибо, мне не тяжело. Лифт в доме! Еще одно диво...

– Когда устроитесь, жду вас в кабинете, – бросила Ева, слегка задетая тем, что котья послушно затрусил за Баннером.

Беззастенчиво таращась вокруг, Баннер улыбнулся Еве и исчез в лифте вместе с котом и Соммерсетом.

Как все неправильно сегодня, подумала Ева. Ни одного ворчливого замечания от Соммерсета – ухмылка не считается, – и кот уходит, даже на нее не взглянув.

Неожиданно она сообразила, что не только привыкла к ежевечернему ритуалу, но и полюбила его. Дуясь, она сознательно бросила плащ на нижнюю балясину перил, взбежала по лестнице и первым делом направилась в спальню.

Баннеру потребуется время, чтобы распаковаться и прийти в себя.

Скинула жакет и хотела сделать то же с кобурой, однако решила оставить.

Как раз думала, сменить ли ботинки на хайтековские кроссовки, когда пикнул телефон. Вызывал Сантьяго.

– Даллас слушает! Что у тебя?

– Кармайкл оправляется от культурного шока. Говорили с местными копами и женщиной с ребенком, которые нашли тело. Скоро встречаемся с патологоанатомом. Пока ничего нового, но скажу вам, лейтенант, участок, где нашли труп, – дыра дырой! Проторчали полчаса – и хоть бы кто мимо проехал! Самое место для мокрухи!

– Или им повезло, или знали округу и то, какие глухие дороги в этой глухомани.

– Да, или-или. И еще: мы с Кармайкл согласны, что была вторая машина. Глушь несусветная! В отчете говорится про большую монтировку. А кто будет добираться перекладными и волочить с собой такую тяжесть?

– Может, у Дженсена сломался автомобиль или он менял колесо. Хотя тогда им пришлось бы брать монтировку у него... Логичнее предположить вторую машину.

– Сейчас поднимаем информацию по его перемещениям, перепроверяем то, что местные выяснили прошлым летом в компании по аренде автомобилей. Тогда никто не снял слепки со следов от шин, не проверил кровь на дороге...

– Фигово.
– Мы им уже выговорили. Посмотрим завтра, хотя столько месяцев прошло...

Пока Ева говорила с Сантьяго, вернулся домой Рорк. Он был немного на взводе, ибо последняя встреча затянулась, а проект в Галифаксе буксовал из-за плохой погоды.

Снял пальто, размышляя, куда запропастился Соммерсет, бросил поверх Евиного плаща. Поднялся в свой кабинет и оставил там портфель. Работа подождет. Первым делом – увидеть жену и спокойно выпить бокал вина. Он читал сообщения в СМИ, не нашел в них ничего нового по расследованию и сделал вывод, что вечером они по уши в нем погрязнут.

Подумал: «Переоденусь и выпью с Евой вина, чтобы выветрить бизнес из головы».

В кабинете Евы послышался шум. Рорк вошел.

Высокий сухопарый мужчина с взъерошенной копной светлых, как кукурузные рыльца, волос покачивался на поцарапанных каблуках старых ботинок, удобно заложив большие пальцы в карманы выцветших джинсов. На поясе незнакомца висел парализатор.

Рорк сунул руку в карман и нащупал собственный «мини».

– Чем могу помочь? – осведомился он ледяным тоном.

Мужчина повернулся, машинально кладя руку на оружие. Спокойные голубые глаза встретились с разъяренно-синими – и Рорк узнал копа. Но руку с парализатора не убрал.

– Помощник шерифа Баннер. Уилл Баннер. Я жду лейтенанта...

«Как и я», – подумал Рорк.

– Позвольте спросить, почему?

– А вот! – Баннер махнул левой рукой в сторону доски. – Вы Рорк?

– Я Рорк.

– Извините, что я так... Меня сюда проводил Соммерсет. Я утром приехал из Арканзаса. Очень признателен за ваше гостеприимство!

Баннер оставил в покое парализатор и, подходя, протянул руку.

Рорк ее пожал, однако бдительности не ослабил.

– Участвуете в расследовании?

– Вроде как. Слышал, вы тоже иногда помогаете, только не знаю, насколько вовлечены на сей раз. Если не возражаете, я бы предпочел, чтобы в курс дела вас ввела лейтенант Даллас.

– Я бы тоже... предпочел.

Кот соскользнул с кресла, прошелся у Баннера между ног, проделал то

же самое с Рорком и вернулся к Баннеру.

– Славный котейка! У меня дома пес, родные сейчас за ним смотрят. Теперь думаю, а не завести ли еще и кота. Приятная компания! Комната моя, кажется, называется Парковая?... Замечательная комната, вид до самого Центрального парка.

– Первый раз в Нью-Йорке?

– Верно. Голова кругом. Да, еще скоро подойдут Пибоди с Макнабом.

– В самом деле? – отозвался Рорк нещадно вежливо. – Если соблаговолите подождать, я приведу лейтенанта.

– Конечно! – Баннер снова повернулся к доске. – Прямо здесь и подожду...

Рорк направился в спальню, мечтая снять чертов костюм и получить объяснение присутствию в своем доме какого-то копа из Арканзаса, который еще и ночует в комнате для гостей.

Когда он вошел, Ева говорила по телефону и подняла палец, прося его подождать.

С тем же успехом она могла бы плеснуть бензином в костер.

– Будут новости – сразу сообщу. И ты тоже. Малейшие детали, Сантьяго, сразу же! Время поджигает!

– Есть!

Она дала отбой и повела шеей.

– Сегодня столько говорю по этому долбаному телефону...

Тут до нее долетел студёный порыв ветра из его глаз.

– Что еще?!

– Сейчас наткнулся на помощника шерифа Баннера, который, видимо, участвует в твоём расследовании и живет у нас в доме.

– Ну да, Баннер, я тебя предупредила. Он уже в кабинете?

– Да, и ты, черт возьми, ни черта меня не предупредила!

– Нет, я отправила сообщение...

Кофе, вспомнила Ева. И сказать Рорку. А потом ее прервали...

– Я хотела, – поправилась она, хмуро воззрилась на телефон в руке и сунула его в карман. – Меня отвлекли. Меня сегодня отвлекали миллион раз! Я собиралась отправить тебе сообщение, уже почти начала...

– По дому разгуливает мужчина, которого я вижу впервые в жизни. И, между прочим, вооруженный!

– Он коп.

– И что это меняет, позволь спросить?

– На столовое серебро не позарится. Я пробила по базе. А Уитни говорил с его шефом. Все в порядке.

– Еще раз спрашиваю: что это меняет?

Ева недоуменно развела руками.

– Все!

Рорк сдернул галстук.

– Тысяча чертей, Ева! Со мной нужно считаться, по меньшей мере ставить в известность, прежде чем приводить в дом совершенно незнакомого человека!

– Но я же собиралась! Ты ведь приводишь своих знакомых!

В глазах Рорка бушевало пламя. Он сбросил пиджак.

– И кого же это я привел без твоего ведома? Чужака с парализатором?

– Ладно, хочешь лезть в бутылку – пожалуйста! Меня отвлекли, и я забыла. Голова занята убийством.

– Нечего списывать все косяки на расследование. То, что голова занята, – нормальное явление. И я с этим смирился.

Она хотела огрызнуться, но против воли отчетливо представила себя на его месте. Чувствуя вину и переходя к обороне, отступила на несколько шагов.

– Отец схватил кувалду и истер в порошок бывшую жену и двоих детей...

– Господи, в каком мире ты живешь! – Рорк провел руками по лицу.

– Бакстер и Трухарт вернулись с вызова, Бакстер в шоке пришел ко мне, как раз когда я собиралась предупредить тебя насчет Баннера. А Бакстер не впадает в шок по пустякам. Я его начальник, Рорк, я должна была отложить дела и выслушать!

– Разумеется, ты выслушала.

– А потом закрутилась и забыла. Прости! И лезь в бутылку!

– Уже залез. – Остывая, он сменил рубашку на свитер. – Добавь к своим любимым Правилам брака еще одно, очень жесткое: когда у тебя возникает желание поселить в доме совершенно незнакомого мне человека, ты не забываешь меня предупредить. Потому что в следующий раз я могу сначала выстрелить, а потом уже задавать вопросы.

– Ты же знаешь, я вечно забываю! Ну не получается у меня как положено... Не понимаю, почему надо так взвизгивать!

– Все у тебя прекрасно получается. И поэтому, когда ты что-то такое отмачиваешь, это бесит.

Он переодевался. Ева молчала.

– Обоих детей?

– Мальчик, наверно, выживет. Старшая сестра закрыла его собой.

– А Бакстер?

– Очухается. Работа такая.

– Да, верно. Работа такая...

И – хорошо ли, плохо ли – теперь часть его жизни.

– А этот Баннер?

– Порядочный коп, я уже говорила. Приехал на свои деньги. Узнал о моем расследовании – и прямиком на максибус. Из-за погоды высадили в Кливленде, так он взял напрокат машину. С прошлого лета по собственной инициативе копает это дело, потому что федералы и местные копы не включают его жертву в серию. А я включаю. Любая зацепка может спасти Джейлу Кемпбелл.

– Тогда не будем мешкать.

– Прости меня! – выдавила Ева, хотя терпеть не могла извинения. – Мне ужасно жаль, и даже еще жальче, потому что я забыла сказать тебе, что и Пибоди с Макнабом тоже тут ночуют...

– Баннер мне сказал.

– Вот дерьмо!

Рорк подошел и положил руки ей на плечи. Она с облегчением – и уколом совести – отметила, что ярость в его глазах потухла.

– Это наш дом, и я рад тем, кого ты хочешь здесь видеть. Но...

– Но только не чужаков с парализаторами.

– О таких предупреждай заранее.

– Поняла.

– Ну хорошо. Твой гость-коп в кабинете уже заждался.

– Не думала, что он так скоро распакуется. Вторые сутки на ногах.

– Тогда, надо полагать, благосклонно отнесется к ужину и пиву...

– Спасибо! – Ева погладила его лицо ладонями и поцеловала. Потом – еще раз, представив себя на его месте: – Seriously!

– Пожалуйста. – Он поцеловал ее в ответ. – Seriously.

Они вместе вышли из спальни.

– Что у вас нового? Я, наверно, сильно поотстал.

– Да, порядком.

По пути в кабинет Ева описала события дня.

При их появлении Баннер, дремавший в мягком кресле с котом на коленях, встряхнулся.

– Прошу прощения! Отключаюсь...

– Лейтенант сказала, вы не спите со вчерашнего дня. Полагаю, пиво не помешает.

Усталость на лице Баннера сменилась широкой улыбкой.

– Не откажусь!

– Ева, ты будешь?

– А что, пиво так пиво. Сейчас принесу. И поесть чего-нибудь. Как относитесь к пицце?

Баннер опять сверкнул улыбкой.

– Положительно!

– Копы везде копы. Из Арканзаса, говорите? – переспросил Рорк, когда Ева исчезла в кухне.

– Сибилс-Понд. Далековато отсюда.

– В Озарке? Чудные места!

– Бывали?

– Где только я не бывал. А как попали в полицию?

– Окольным путем, можно сказать. Трудился на семейной ферме, а полиции помогал в свободное время летом, когда у копов больше дел – туристы и все такое. Ферма в нашей семье уже пять поколений, не бросишь. Только папаша несколько лет назад позвал меня и сказал, что видит: не лежит у меня сердце к фермерству, – а сердце надо слушать.

– Мудрый человек ваш отец. Спасибо, солнышко! – обратился Рорк к Еве, которая принесла пиво.

– Да, и фермер толковый. Как и сестра с мужем. Так что хозяйство в надежных руках. Я помогаю, когда есть время, но я всегда хотел быть копом... Отменное пиво! Мы дома сами варим, по семейному рецепту. Вернусь – пошлю вам на пробу.

– Топотунша и Попрыгун! – объявила Ева, вызвав недоуменный взгляд Баннера. – Пибоди и Макнаб.

– Займусь пиццей, – сказал Рорк.

– Я не ослышался? Пицца? – Макнаб скакнул в комнату и под взглядом Евы отпустил руку подруги.

– И пиво. Тебе вина, Пибоди?

– Если можно.

– Можно, но только один бокал, – изрекла Ева. – А потом кофе и за работу! Сантьяго звонил.

Пока Рорк колдовал над ужином, Ева сообщала последние новости.

– Не поискали следов крови?! Что за клоуны в этом захолустье? – Макнаб бросил взгляд на Баннера. – Простите...

– Что обижаться? Клоуны были не мои, а в общем-то верно. Как и прочие, он взял кусок пиццы, откусил – и застыл.

– Ай да пицца! Опять связи?

– Просто Нью-Йорк, – отозвалась Ева. – Моррис с Девинтер уже, наверно, работают с первыми останками. Она ускорила процесс, чтобы

начать сегодня.

– Быстро, однако.

– Время не терпит. Докажем, что эти двое – тоже наши, и подключим больше ресурсов. Срочно нужны результаты от Сантьяго и Кармайкл. Выйдем на первую жертву – установим личность преступников. Первое убийство где-то ближе к дому, где они все знали и их знали. Первая жертва – ключ к разгадке.

Ева посмотрела на доску.

– С Кемпбелл можем не успеть. – Она встала, и Баннер тоже стал подниматься. – Сидите ешьте. Добавлю данные на доску, помогает думать. А вы пока расскажите остальным о наших двух остановках по пути.

Она занялась доской.

– Лейтенант проверяет исчезновения лиц из тех, у кого есть жилье или бизнес в Нью-Йорке. Возможно, преступники используют для убийств жилье похищенного.

– Частный дом или квартира, – рассудил Рорк. – Со звукоизоляцией. Даже с кляпом во рту все равно будет шум. И слабая система безопасности, иначе камеры заснимут, как втаскивают жертву.

– Проверили два адреса, вычеркнули из списка. Обычные люди.

– Список длинный, – вставила Ева. – Завтра рассредоточимся, подключим патрульных. Где-то же они засели! И им там удобно: привезли Купера, сейчас мучают Кемпбелл...

– В центре, – добавил Рорк.

– Очень вероятно. Пибоди, сектор на экран!

Пока они ели и работали, Джейла Кемпбелл отчаянно пыталась подняться над болью. Утонуть в ней и забыться было в некотором смысле легче, но ее всегда приводили в чувство. И истязали снова.

Она уже не пыталась понять почему. Боль стала данностью.

Счет времени она потеряла. Часы, дни, недели... Определенными были только боль и страх. И уверенность, что им нет конца.

Похитители занимались сексом на полу, у стены, иногда, слава богу, вне поля зрения. Джейла слышала пыхтение, стоны и смех.

Им нравилось, когда она пыталась кричать, плакала и умоляла. Поэтому она сдерживалась, хотя не всегда получалось. Не всегда...

На вид абсолютно заурядные! Монстры, а так похожи на людей! Женщина – эффектная и вульгарно красивая. Мужчина – привлекательный, немного неуклюжий и... глупый, как теперь считала Джейла.

Соглашался со всем, что предлагала партнерша.

«Режь здесь!» – говорила та, и он резал.

Сейчас они ужинали, и Джейлу мутило от запаха китайской стряпни. Она ничего не ела с той самой вечеринки. Иногда ей тонкой струйкой лили в рот воду, но не кормили. Порой вода оказывалась соленой, и они смеялись до упаду, если она давилась.

Чудовища не должны так походить на людей!

Ее раздели, это она пережила. Никакое сексуальное насилие не применялось – хотя теперь ей было бы все равно. Секс они приберегали друг для друга.

Сидели нагишом, обмазывали друг друга соусом и слизывали.

От этого тоже делалось дурно. По крайней мере, можно закрыть глаза или отвернуть голову. Когда занимались друг другом, Джейла для них почти не существовала.

Если бы только перестала существовать совсем!

Говорили оживленно и страстно.

Повторяли что-то про роковых любовников. Женщине, Элле-Лу, нравилось, когда ее приятель цитировал Шекспира или называл их Бонни и Клайдом.

Джейла не знала, кто такие Бонни и Клайд, а женщина смеялась и принимала позы, от которых ее партнер, Дэррил, стонал и пускал слюни.

Джейла прислушивалась к каждому слову. Если выживет – она в это не верила, и все-таки... – расскажет в полиции. Каждой клеточкой пронзенного болью тела она надеялась, что копы прикончат их самым кровавым, жестоким и ужасным способом.

Убить бы их собственными руками!

Хотелось к матери. К Кери. Порой, когда забывалась, перед глазами вставала смущенная улыбка Люка.

Лишь бы только не лежать привязанной к столу под яркими лампами, с чем-то жестким и круглым во рту, не чувствовать, как течет из ран кровь, не корчиться от боли, когда ломаются и безжалостно трутся друг о друга кости, если она хоть чуть пошевелится, чтобы было удобнее...

Об удобстве пришлось забыть.

– Что-то новое, смелое! – говорила женщина. – Мы же не хотим тут скучать, дорогой?

– Тебе скучно, Элла-Лу?

– С тобой, малыш, – никогда! Ты мой герой! Но подумай, как весело будет взять двоих сразу и тянуть подольше. От одной мысли я уже там вся мокрая!

– Обожаю, когда ты мокренькая!

Он сунул ей руку между ног. Джейла закрыла глаза.

– А с двумя буду еще горячее! На этот раз выбери ты. Так, малыш, так! Южнее!..

Она визжала, смеялась, стонала.

– Сильнее, малыш, глубже!.. А потом приведи второго. Давай мужика. Заставим их трахаться. Пусть изнасилуется, а мы посмотрим! О Дэррил!

– Все, что хочешь! Все, что хочешь! Я люблю тебя, Элла-Лу!

– О! Не могу! О!!! А потом давай второго...

Она улыбнулась по-звериному жестоко и поглядела на Джейлу. С Дэррила градом катился пот.

Кончила Элла-Лу все с той же чудовищной улыбкой на губах.

Рорк слушал, как копы отрабатывают теории и проверяют информацию. Ева говорила по телефону с Моррисом, советовалась с Мира.

Его мысли вернулись к первому – тому, кого они считали первым. К бизнесмену, убитому на обочине, где не найдено машины. Отдубасили монтировкой. Сопротивлялся и заработал проломленный череп.

Не похоже на остальных, быстро и без пыток. Однако Рорк верил в чутье жены.

Первое убийство – результат несчастного случая или спонтанного порыва. Искра, от которой затлело остальное.

– Кто-то отбуксировал.

Ева, немного сердясь, что ее отвлекают, оглянулась.

– Что?

– У вас по первому, Дженсону, два варианта: что была вторая машина и они уехали на обеих или что вторую бросили.

– На месте преступления машина не найдена. Никто ничего не видел.

– А ты не слышала про угоны? Конечно, могли уехать и на обеих, но от одной пришлось бы избавляться, а значит – разлучиться после убийства, когда как раз кровь и кипит.

– Стоп! – Она подняла руку, пресекая комментарии, и прищурилась. – Когда кипит кровь... Если он первый, то все началось с куража после убийства. Ехать порознь – запал пройдет... Но машину не нашли и не видели...

– Ева, солнышко мое, – начал Рорк, чем вызвал удивленный взгляд Баннера, – края сельские, глухие, так?

– Ну?

– Ставлю не одну пинту, что есть там эвакуаторщики. Район сельскохозяйственный. Буксирные туги всегда найдутся. «Эй, брат, смотри-

ка! Тачка – грузовик – микроавтобус на обочине. Слезь погляди!»

– Поэтому и понадобился другой автомобиль, согласна.

– Или барахлил. А может, тоже угнан и пора пересаживаться. Как бы то ни было, смекалистый человечек отбуксирует его и разденет или перекрасит и продаст. Даже в глуши найдется подпольная мастерская или фермер, согласный заплатить за новую лошадку в хозяйстве.

Ева нахмурилась, и он улыбнулся:

– Говоря гипотетически, кто-нибудь, кто раньше промышлял угонами, мог прочесывать тихие проселочные дороги в надежде на удачу.

– Подцепить и оттащить.

– Прилично заработав при нулевых усилиях, – закончил Рорк. – Вели ребятам проверить эвакуаторщиков, фермы, механиков и тому подобное.

Повернулся к Баннеру:

– Случается такое в Арканзасе, Уилл?

– А что ж... В соседнем округе раньше парень держал такую мастерскую. Подбирали машины с шоссе, иногда и глухие дороги проверяли. Я об этом не подумал. Все друг друга знают, кто-нибудь да слышал...

Ева уже достала телефон.

– Кармайкл!

– Только собиралась звонить, лейтенант! Как раз пробую фирменное жаркое и должна согласиться с Сантьяго: йи-хо! Патологоанатом...

– Постой! Надо срочно проверить одну версию: эвакуаторы, ремонтные мастерские, на маленьких фермах или где угодно. Любой, кто может отбуксировать машину. Давай поразмыслим...

Закончив, она взглянула на мужа.

– Хорошая версия. Местная полиция прошляпила. От тебя есть толк!

– Стараюсь.

– Мне нравится логика. Первая машина тоже могла быть в угоне, или они ее просто бросили. В любом случае это приведет на шаг назад, к их предыдущему месту пребывания и именам.

Она посмотрела на доску, на фото Джейлы и объявила:

– Кофе!

– Обеими руками за! – поддержал Баннер. – Даллас, я через знакомых, наверно, выйду на того, кто нам нужен. Только бесит, что раньше не додумался...

– А что, Баннер, промышляли угонами?

– Нет, но кое с кем знаком, не отрицаю. Помогу вашим ребятам.

– Тогда займитесь. А ты, Пибоди...

- Да, сэр!
- Кофе! Много! Прямо сейчас!

Пока они отрабатывали новую версию, Элла-Лу в мини-юбке, снятой с убитой проститутки, имя которой она забыла, возилась с громоздким креслом.

В этой юбчонке, сетчатых колготках и короткой кожаной куртке, которую позаимствовали еще у одной жертвы, было холодно до жути, но внутри она пылала, словно печь.

Показался торопливо идущий парень с телефоном в руке и поднятым капюшоном.

– Да-да, сейчас буду. Черт, как на Южном полюсе! Уже почти на месте. Начинайте!

– Эй, красавчик!

Она откинула волосы. Он повернул голову.

– Я перезвоню. – Убрал телефон в карман. – Что стряслось, детка?

– Подсоби, а? Никак не подниму эту бандуру, а надо скорее, пока не вернулся мой абсолютно уже бывший бойфренд.

– Легко! Плохо разошлись?

– Еще как плохо! Руку на меня поднял!

– Да не переживай! – Присел, берясь за кресло. – Оно к лучшему. Возьми-ка с того края...

Дэррил выскочил из-за машины, замахнулся дубинкой – идея Эллы-Лу – и обрушил ее парню на затылок.

Тот зашипел, словно проколотый воздушный шар, и осел.

– Скорее, малыш, пока никто не видит!

Несколько сильных рывков – и несчастный вместе с верным другом-креслом оказались в кузове микроавтобуса. Элла-Лу вскарабкалась следом и с удовольствием еще раз ударила стонущего дубинкой, а потом замотала ему запястья скотчем.

– Трогай, малыш! Чисто сработали. Скорее! Я уже вся горю!

– Потерпи! – крикнул Дэррил, трогаясь.

До дома было всего два квартала...

Глава 13

Джейла знала, что сопротивление приносит новую боль, но, когда они ушли, в исступлении попыталась высвободиться. Кричала, несмотря на кляп, пока слюна не стала кровавой и горло не начало саднить, извивалась всем телом, силясь разорвать путы.

Сил оказалось недостаточно.

На запястьях открылись новые раны, лодыжки распухли, скотч врезался в них и стал влажным. От отчаянных рывков растрескался «заживитель», который нашлепали кое-где, и опять пошла кровь. Джейла в истерике глотала слезы и наконец затихла.

Помнить, приказала она себе. Помнить все, на случай если вопреки вероятию выживет!

Ее привязали к какой-то доске веревками и скотчем. Веревка вокруг живота. Иногда душили до обморока.

Целлофан, думала она, под импровизированным столом – целлофан. Когда над ней издевались, он сминался и шуршал.

Окно. Краем глаза она видела зарешеченное окно и большой коричневый диван, на котором они занимались сексом. Экран – смотрели порно и телевикторины.

Квартира. Видимо, на первом этаже – когда открывается дверь, слышен шум улицы.

Белый потолок – грязно-белый, Джейла, будь точнее – грязно-белый потолок с теми самыми лампами.

Их никогда не выключали.

Еду они приносили с собой, на дом не заказывали, по крайней мере, когда она была в сознании. Много пива и дешевого вина. Минимум один раз пахло «зонером».

Джейла могла прекрасно их описать.

Только бы выбраться, и она расскажет все в подробностях, вплоть до одинаковых татуировок.

Маленьких красно-синих сердечек с буквами «Д» и «Э» на груди выше области сердца.

Ее, Джейлу, любят и будут искать. Это утешало.

Только как найдут?

Ну почему она не взяла такси! Почему, уходя с дурацкой вечеринки, не подумала головой! Зачем вообще туда пошла! Почему не осталась дома

смотреть с Кери телевизор!

Она заплакала и возобновила попытки. Потом забылась тревожным сном.

Проснулась от шума. На секунду почудилось, что она снова в студенческом общежитии с Кери, а за стеной идет веселье. Хотела повернуться на другой бок. Острая боль вернула к реальности.

Включили музыку – простоватое кантри. Певичка, надрываясь, грозила выследить гуляку-мужа. Элла-Лу и Дэррил подпевали во все горло и ставили рядом складной стол.

Элла-Лу, пританцовывая, потерлась задом о пах мужчины и с хихиканьем отскочила.

Джейле стал виден целлофан на полу.

И тело, распростертое лицом вниз.

Сначала ее охватило безумное ликование: «Я больше не одна! Схватили второго и, может быть, забудут про меня хоть на время!»

После безобразной радости накрыла волна раскаяния, напоминая, что, несмотря на все издевательства, она по-прежнему человек и может ощущать стыд и жалость.

Они вместе перевернули тело и принялись раздевать мужчину – нет, теперь Джейла разглядела, и жалость кольнула острее – юношу. Моложе ее, лет двадцати. Бледного как полотно.

Он пошевелился и застонал. Дэррил поднял обтянутую кожей дубинку – этой утяжеленной дубинкой ей сломали ребро – и ударил пленника по виску. Так прихлопывают муху – рассеянно и чуть раздраженно.

– Рано просыпаться! – пояснил Дэррил. – Надо его устроить как следует.

– Таких беленьких я и не видала! Как снег за окном! – Элла-Лу прыснула, стягивая с юноши брюки.

Вывернула карманы, пока Дэррил раздевал пленника. Открыла бумажник.

– Меньше двадцати баксов. Вот дерьмо! Ни часов, ни чего другого... Рид Аарон Маллиган.

Джейла снова и снова повторяла про себя имя: Рид Аарон Маллиган. Она запомнит. Худощавый, с молочно-белой кожей и веснушками, рыжеватой шевелюрой и жиденькой козлиной бородкой на нежном мальчишеском лице.

– Ключ, несколько жетонов для торгового автомата, ножик с разными штучками. Как их называют?

Дэррил повернулся.

– Складной перочинный. Дай посмотреть! – Покрутил в руках и постановил: – Хороший!

Сунул себе в карман.

– Ботинки почти новые, куртка тоже.

Подарки от родителей на Рождество, подумала Джейла. Скоро его хватятся.

– Тебе мало`. – Элла-Лу встала и примерила куртку. – Теплая...

– Для тебя, моя красавица, простовато!

– Дадут хорошую цену. – Она швырнула ботинки и брюки к дивану, уперла руки в бока и воззрилась на Рида Аарона Маллигана.

– Женилка не ахти, но если накачать «эротикой» и раскочегарить, справится.

Посмотрела на Джейлу и улыбнулась звериной улыбкой.

– Оттрахает тебя до смерти!

Джейле хотелось закрыть глаза, закрыть и забыться, но она заставила себя выдержать жестокий взгляд Эллы-Лу. Та ударила ее дубинкой в пах. Раз, другой...

Боль взорвалась в центре и кругами разошлась по телу.

– Для затравки! – Наклонив голову, словно раздумывая, Элла-Лу ударила поочередно по обеим грудям.

Тело Джейлы выгнулось дугой и осело, проступили синяки.

– Никогда не пробовала с ними секса – без этого завожусь еще быстрее.

– И я.

Она кинула взгляд на Дэррила, глаза которого блестели, а рука водила между ног.

– Терпение, малыш, терпение! Давай сперва устроим его как следует, ты сам говорил. Надо его подготовить.

Джейла хотела укрыться внутри себя, в тесном темном пространстве, по краям которого плескалась боль. Спустя какое-то время – она затруднилась сказать, какое – послышался душераздирающий, почти нечеловеческий высокий звук, какой раньше вырывался и из ее губ.

Началась «подготовка» Рида Аарона Маллигана.

Ева перечитала предварительный отчет Девинтер.

Слишком рано, чтобы говорить определенно, – эти слова ее бесили, – но Девинтер считала, и Моррис соглашался, что часть ран Малыша Мелвина получена до падения. Некоторые – за двадцать четыре и даже тридцать шесть часов.

Ева продиралась сквозь медицинские термины, изводящие ее «может

быть» и «вероятно» и выуживала суть.

Повреждения кости острым предметом. Первая рана, на затылке, – удар тупым предметом. Перелом бедра в результате сильного удара сверху.

Возможно, монтировкой, размышляла Ева, расхаживая и читая.

Множественные переломы на правой руке.

Исследование продолжится в семь ноль-ноль.

Приписка Морриса давала некоторое утешение.

Гарнет не готова говорить определенно, и она права. Однако он точно ваш. Местный патологоанатом сильно напортачил. Налицо многочисленные гематомы, колотые и резаные раны, которые получены минимум за сутки до смерти. Конечно, мог подрасться или на него напал кто-то «левый», но в такое совпадение верится с трудом.

– Совпадение! Хрен вам! – пробормотала Ева.

– Как ты и говорила. – Рорк подошел и осторожно потянулся к очередному – пустому, полагал он, – кофейнику. – Ты, нет, вы сделали на сегодня все, что можно.

– Сантьяго и Кармайкл...

– Непременно выйдут на связь, если что-то наклюнется. У них за полночь, продолжат, вероятнее всего, только завтра.

– А у нас сколько?

– Если там за полночь, у нас второй час.

– Меня это бесит до чертиков!

– Что верно, то верно... – Баннер запустил руки в шевелюру и так и остался, как будто это единственный способ удержать голову в вертикальном положении. Глаза глядели затуманенно и бессмысленно, как у лунатика. – Перешел границу штата – приобрел или потерял час. Только путаешься.

Ева в знак солидарности ткнула в него пальцем и повернулась к Рорку:

– Видишь?

– Вижу, что нашему помощнику шерифа, который живет по центральному времени, пора спать. Да и остальным тоже.

Ева прикинула, не напоить ли честную компанию полицейским энергетиком, но отбросила идею за бесперспективностью. К тому же она терпеть не могла состояние, в которое ее приводили энергетические напитки. Всем будет лучше работаться после нескольких часов отдыха.

– Ладно, закругляемся. Начнем в шесть ноль–ноль.

– Ясно, – отозвался Баннер и добавил: – Простите, голова совсем не варит. В какую это мне сторону?

– Где вас поселили? – Пибоди встала, потирая глаза.

– Э-э-э...

– В Парковой, – подсказал Рорк.

– Мы, кажется, знаем...

Макнаб кивнул, встал на ноги и обнял прислонившуюся к нему подругу.

– Да, рядом с нами. Пойдемте.

– Вот спасибо! – Баннер бросил взгляд на доску, задержался на фотографии Малыша Мелвина. – Теперь не один я за него. Вовек не забуду!

Когда он вышел вслед за Макнабом и Пибоди, Ева воззрилась на кофейник.

– Ни в коем случае! – предостерег Рорк.

– Не хочешь же ты сказать...

– Хочу, и ты для меня сделала бы то же самое. В твоей крови сейчас три четверти кофеина! Тебя всю трясет!

– Ну да, немного на взводе.

– И если бы хоть что-то еще можно было сегодня сделать, я бы сам заварил тебе кофе и остался помогать.

Не исключено, подумала она. А может, подсыпал бы снотворного, и все дела. Однако он прав. Может статься, завтра, на свежую голову, придут новые идеи.

– Эвакуаторщики принимают вызовы круглосуточно и без выходных, – говорила она, пока он тянул ее из кабинета. – Серьезно. Так что Кармайл и Сантьяго могут что-то раскопать прямо сегодня.

– Если так, позвонят.

– Как только Девинтер даст заключение по Малышу и тому второму, ФБР сунет свой нос.

– Тебе это неприятно?

– Раздражает чисто инстинктивно. Хотя чем больше ресурсов, тем лучше. Они проверяют исчезновение Джейлы, но смотрят в основном на север. Считают Нью-Йорк очередной остановкой, а не целью.

Галахад опередил их в спальне и раскинулся в центре кровати.

– Чем больше ресурсов, тем лучше, – повторила Ева, сунула руки в карманы и принялась расхаживать взад-вперед, чтобы сбросить лишнюю энергию. – Без Баннера мы бы не продвинулись по Малышу, а без Девинтер и Морриса не подтвердили бы, что он один из наших. А он, черт возьми, наш! И про эвакуаторщиков – тоже удачно. Спасибо твоим преступным

наклонностям!

– Рад стараться. – Рорк развернул жену и расстегнул портупею.

Ева высвободилась из сбруи.

– Местным копам не с руки то, что мы накопили. Они бы предпочли, чтобы Дженсену проломил башку какой-нибудь чокнутый автостопщик. По их отчетам сразу видно!

– Хм... – Рорк развернул ее еще раз и принялся за ремень.

– Да, и чтобы Малыш просто навернулся с тропы по пьяни!

Он стянул ей через голову свитер.

– То же с Фастбайндером в Западной Виргинии. Оступился парень и полетел в расщелину. Трагично, но местные законы пишутся не с тем, чтобы выслеживать пары любовников-убийц...

Рорк подтолкнул ее спиной к постели, посадил.

– Ты что делаешь?

– Помогаю. Или ты забыла? – Он поднял ей ногу, снял ботинок.

– Скажи лучше: раздеваешь!

– Плата за услугу.

– Хочешь получить причитающееся?

– Собирался записать на счет, но с учетом обстоятельств... – Стянул другой ботинок.

– Да, я немного на взводе. – Ева приподнялась, чтобы ему было легче снять с нее штаны. – Пустим кофеин на что-нибудь полезное...

– И если я помогу тебе его израсходовать, ты, может быть, замолчишь, и мы оба хоть чуть поспим.

Он накрыл ее лицо ладонью и ласково толкнул.

В груди Галахада зарокотало. Он перебрался в угол кровати и устроился к ним спиной.

– Откуда он знает, что мы не собираемся спать?

– Животный инстинкт, – предположил Рорк, стаскивая с себя свитер и нависая над ней.

– У меня он тоже есть. – Ева дернула мужа к себе и поцеловала. – Быстро! – Куснула в шею. – Быстро и жестко!

Ее тело вибрировало. Эта внезапная горячая жадность зажгла и Рорка. Пока она торопливо его раздевала, он опустил руку ей между ног. Еве показалось, что она падает.

Теперь ничего, кроме желания, которое взвивалось, как лихорадочное пламя. Обезумев, она выгнулась дугой и прижалась к Рорку. По коже побежала дрожь.

Оплела ногами его бедра и вцепилась руками в простыню, как будто

без якоря улетит.

– Быстро! – повторила, едва дыша. – Жестко!

Вскрикнула, когда он вошел в нее по самую рукоять. И снова.

Острое наслаждение пронзало, как клинок. Опять и опять, в безумии, которое застилало взгляд, так что Рорк видел Еву сквозь туман.

Быстро и жестко. Он целовал и мял пальцами ее гладкую кожу.

Она жаждала его темной страсти, пробудившегося зверя, и Рорк дал ему волю, пока в ушах не зазвучал ее сдавленный крик и не содрогнулось тело. Пока она не растаяла.

Несся вперед вопреки рассудку. Брал снова. Брал все.

Наступила блаженная истома.

У Евы в ушах стучала кровь. Рядом колотилось сердце Рорка. Он пошевелился, и она с трудом обхватила его обмякшими руками.

– Нет, останься. Хоть немного...

И уснула.

Проснулась в темноте. Из глубокого и, к счастью, лишнего сновидений забытья ее вырвало непрерывное пиканье рации.

Не понимая, где верх, где низ, все еще сплетенная с Рорком, она приподнялась.

– Стой. Включить освещение на десять процентов! – скомандовал Рорк и перекатился на другой бок.

Темнота рассеялась.

– Рация...

– В штанах. – Он нашел их, пока Ева терла глаза, разгоняя дремоту.

– Ох...

– Отключи видео.

– Господи, да. Отключить видео!.. Даллас слушает!

– Вызов для лейтенанта Евы Даллас.

В четыре восемнадцать она узнала об исчезновении Рида Аарона Маллигана.

Снова в центре. На целый день опережая график. Если только они не...

– Хочешь, разбужу Пибоди?

– Да... Нет, не надо. Какой смысл? Он наш, но это мое чутье, а не факты. Сначала поговорю с матерью Маллигана.

– Тогда я с тобой. С тобой! – повторил он, прежде чем она успела возразить.

За десять минут Ева была умыта, одета и накачана кофе. Рорк задержался буквально на минуту дольше, выводя с помощью пульта

машину из гаража.

Они вышли на улицу в холодную ясную ночь, где уже прогрелся с работающей печкой один из его огромных внедорожников.

– Живет с матерью на Леонард-стрит, рядом с Бродвеем.

– Да, я запомнил. – Он быстро и плавно выехал за ворота в предрассветную тишину зимних улиц. – Изменили схему?

– Если это действительно они, то да. У Джейлы Кемпбелл оставался еще день. Может, что-то не заладилось, и они выбросили ее труп, а мы пока не нашли. Или избавились от него другим способом. Или...

– Она все еще жива.

– Хочется верить, хотя вряд ли. А может, ложная тревога. Парню едва стукнул двадцать один. – Она посмотрела на экран карманного компьютера, где отображались результаты запроса. – Пару раз попадал в полицию. Запрещенные препараты, ничего серьезного. Сейчас устроился помощником управляющего в музыкальном магазине – инструменты, уроки. Подрабатывает в группе «Трэшсерс». Гитара, вокал. Выступают по клубам, берут недорого. Надо проверить...

– Может, просто повезло парню: накачался чем-нибудь и заночевал у друга.

– Не исключено. И все же это их территория... Отца нет, братьев и сестер – тоже. – Ева отложила комп. – Послушаем мать.

Маллиганы жили в трехэтажном доме без лифта с приличной системой безопасности и более-менее чистым подъездом.

На лестнице не видно граффити – кое-что говорит о жильцах. На втором этаже сквозь дверь слышались новости.

Дерьмовая звукоизоляция, и кому-то спозаранок на работу.

Ева уже подняла руку, чтобы постучаться, но дверь открылась сама.

– Услышала ваши шаги. Вы из полиции?

– Лейтенант Даллас. – Ева подняла значок. – И мой штатский консультант. Вы миз Маллиган?

– Да, проходите. Спасибо, что поторопились! По телефону меня насилу выслушали.

На ней была короткая черная юбка, демонстрирующая хорошие ноги, и белая блузка с низким вырезом на пышной груди. Рабочая одежда. Переодела туфли на домашнюю обувь и набросила просторный кардиган.

– Рид не мог взять и не прийти домой! В смысле, он бы предупредил. Такой у нас взаимный договор.

Ее буквально трясло.

– Давайте сядем, и вы мне все расскажете.

– Ох, извините... – Она оглянулась, как чужая в собственной квартире. – От волнения ничего не соображаю. Присаживайтесь. Кофе?

– С удовольствием, – ответила Ева, чтобы чем-то ее занять и успокоить. – Два черных.

– Секунду.

Отошла в глубину комнаты, где в выступе помещалась небольшая открытая кухня.

Огненные волосы были собраны в задорный хвост, который подчеркивал форму вытянутого, угловатого лица. Компьютер сообщал, что ей сорок, но она вполне сошла бы за тридцатипятилетнюю, даже при теперешней бледности и кругах под затуманенными зелеными глазами.

– Пять дней в неделю работаю в ретро-баре. В паре кварталов отсюда. Приличное место, не притон. Классика, хорошие посетители. Принадлежит Рорку. Слыхали про такого?

Ева искоса глянула на мужа.

– Да.

– Так вот, работа хорошая, придурков, которые хватают за задницу, немного. И рядом с домом – дом, кстати, тоже его, Рорка, и тоже хороший. Безопасность, чистота... Рид – славный мальчик! Говорю так не потому, что мать. Нашел приличную работу, мечтает стать звездой. Играет в группе, пробиваются потихоньку...

Она поставила поднос с грацией и легкостью профессиональной официантки.

– Четыре дня работаю с девятнадцати до полуночи и один раз, как сегодня, с семнадцати до двух. Рид говорил, что, наверно, пойдет вечером репетировать. Экспериментируют со звуком, добавляют компьютер. У Рида талант к электронике. Поэтому я не удивилась, когда пришла домой, а его нет. Потом проверила автоответчик – он мигал.

Она взяла свою чашку и снова поставила.

– Первое сообщение – от Бенджа, его лучшего друга. Тоже играет в группе. Сердитое такое: где ты, почему не берешь телефон. Хотите послушать?

– Да, пожалуйста.

Джеки быстро поднялась и нажала кнопку.

*Эй, брат, какого черта?! Мы ждем! Возьми трубку, чувак!
Обещал через пару минут, а уже целый долбаный час!
Перезвони!*

Поступило в час ноль шесть.

Следующее – через двадцать минут, тоже от Бенджа. И третье – от вокалистки Рокси Паркингстон, еще двадцать две минуты спустя.

Рид, ты меня пугаешь! Клянусь, если через полчаса не выйдешь на связь, я звоню твоей маме. Не доводи меня!

– И она позвонила. Я как раз слушала ее сообщение. Сказала, что Рид по дороге звонил Бенджу. Шел пешком в подвал на Мортон-стрит, где живет Бендж с приятелями. Рядом с Седьмой авеню. Они сделали хорошую изоляцию, чтобы репетировать. Отсюда минут десять ходу, не больше. Что-то случилось, он бы предупредил! У нас с ним договор: обязательно сказать, если не ночуешь дома, – без вопросов или объяснений. Мы всегда друг друга предупреждаем! К тому же он шел на репетицию, к своей мечте!

– Во что одет?

Джеки глубоко вздохнула.

– Я уже проверила. Купила ему новое пальто и ботинки на день рожденья. В Рождество исполнилось двадцать один... Коричневые «следопыты», настоящие кожаные. Ему очень хотелось. И фирменную теплую куртку, темно-зеленую. Еще, скорее всего, черные штаны и свитер. Они в группе все так ходят.

– Девушка есть?

– Вроде как. Я позвонила Мэдди, подняла с постели. Она его два дня не видела. Он запал на Рокси. Я чувствую. И Рокси чувствует, только пока ничего не делает. Я бы знала. В общем, он пока еще с Мэдди, но это несерьезно, и они не виделись с тех пор, как несколько дней назад вместе перехватили вечером пиццу.

Ева задала еще вопросы, составила представление о Риде: беззаботный парень, который работает, помогает матери платить за квартиру, легко идет по жизни и грезит о славе и миллионах.

Мечта вполне реальная – Ева это знала, потому что у ее собственной подруги получилось.

Она взяла данные на других участников группы, девушку и кое-кого с места работы.

– Вы же будете его искать?

– Да, будем.

– Я знаю, он совершеннолетний, но, по сути, совсем еще мальчик. И хорошенький... – Джеки поджала губы. – Есть люди, которые охотятся за мальчиками.

Верно, подумала Ева и повторила:

– Будем искать.

Выйдя из квартиры, повернулась к Рорку:

– Твой дом?

– Видимо, так.

– Тогда раздобудь записи с камер. Нужна та, что на двери, – где видно, как он выходил.

– Уже связался с охранным предприятием. Оборудование в подвале. Мне дали код.

– Сделаешь копию? Хочу разослать его приметы, пустить в утренние новости. Вдруг кто видел...

– Пять минут, – отозвался Рорк и свернул в подвал.

Вернулся через четыре минуты и протянул диск.

– Записал на всякий случай с семи до полуночи.

– Пойдет.

Ева просмотрела запись на карманном компьютере, проматывая вперед, пока не показался Рид.

– Аккурат в полночь, и одежда, как сказала мать. Поднят капюшон. Холодно.

Не сходя с места, промотала вперед, пока не вернулась домой Джеки.

– Выходили трое. Пар нет. И нет причин думать, что его схватили, а потом заявили сюда.

– Теперь ты уверена.

– Да. Хочешь прогуляться?

– Холодной темной ночью? Что может быть приятнее!

– Сначала на запад, – сказала она, выходя на улицу. – К Седьмой авеню. Потом на юг. Десять минут ходу. Немного меньше – в такой холод бежишь впереди себя. Где-то по пути на них и нарвался. Между полуночью и десятью минутами первого, если никуда не свернул. Хорошо, что промежуток времени маленький.

Она внимательно изучала улицу, выискивая камеры наблюдения, освещенные окна, темные закоулки, где могут болтаться проститутки, наркодилеры и грабители.

Только чутье подсказывало, что у Рида на пути встал не случайный грабитель или нарик. Ева искала место, где можно припарковаться вплотную к тротуару...

– Твою мать! – Остановилась у погрузочной зоны, посмотрела на часы. – Ровно шесть минут. И фонарь разбит, вон осколки!

– Разбили, чтобы обеспечить полумрак, и встали прямо в погрузочной

зоне.

– Заманила женщина. «Эй, красавчик, не поможешь?» – Ева оглядела здания и витрины. – Баров нет – чертовски жаль! Магазин, кафе, жилой дом, бухгалтерская фирма... Ничего, что открыто жуткой ночью, когда запросто можно отморозить яйца. Но машины-то ездят... Значит, надо действовать быстро. – Она задрала голову. – Да, быстро. И это ошибка. На погрузочных зонах ставят камеры. Дерьмовые, а то и вовсе муляжи, но попытка не пытка. – Вытащила рацию. – Попытка не пытка...

Глава 14

Договорилась, чтобы записи с камер переслали ей на домашний, рабочий и даже карманный компьютер, чтобы уж было везде.

Пока дорожная полиция суежилась, дошли до Бенджа Фриббета с приятелями. Разбудили.

Первоначальное раздражение сменилось растерянными улыбками, а потом и искренней озабоченностью.

– Да ладно, что могло стрястись... – Бендж, красивый накачанный мулат, почесал грудь, на которой красовалась футболка с призывно улыбающейся Мэвис Фристоун.

Было несколько неприятно увидеть лицо подруги на груди какого-то чувака.

– Да все с ним в порядке! Он точно не дома?

– Я бы сюда не пришла. Когда вы в последний раз виделись или говорили?

– Видел вчера, зашел к нему на работу потрепаться. Решили вечером, вчера то есть, собраться здесь и порепетировать. А по телефону говорил – не знаю – около двенадцати, что ли. Наверно, чуть позже. Он как раз шел сюда. Сказал, что уже почти на месте, и...

– Покажите телефон!

– Ах да. Я тогда завелся на него... – Он кинул взгляд на товарищей: толстенького коротышку с копной фиолетовых волос и второго, жилистого, с руками в татуировках и полувывернутой головой.

В гостиной помещался продавленный диван, стол с контейнерами из-под еды и пивными бутылками, а также всевозможное музыкальное оборудование.

Бендж откопал телефон в корзине с мусором, понажимал кнопки, проиграл запись.

– Ты идешь или как? Рокси здесь, все здесь...

– Да-да, сейчас буду. Черт, как на Южном полюсе! Уже почти на месте. Начинайте!

И дальше чуть слышно чей-то голос.

– Стоп, еще раз сначала, погромче!

– Сейчас, только сильно громче не получится. Дерьмовая трубка.

Ева выхватила телефон и прижала к уху.
– Эй, красавчик... – пробормотала она.
На всю мощь прогремел голос Рида:

Я перезвоню.

– Вот и все, – сказал Бендж. – Видите, я пробовал еще пару раз, оставил голосовое сообщение на мобильном и домашнем. И Рокси тоже...

Не слушая Бенджа, Ева снова проиграла запись и отметила время: пять минут сорок восемь секунд с момента выхода из дома до прерывания связи.

– Мне нужен этот телефон!

– У меня другого нет... – начал было Бендж, но тут же тряхнул головой. – Берите. Господи, берите, конечно! Вы правда думаете... Может, он к Мэдди зарулил? У них не тип-топ, но вдруг...

– Мать ей звонила. К кому-нибудь еще?

– Да нет, мы его компания. – Снова оглянулся на друзей. – Его команда, понимаете? Мы все завелись, что он так нас кинул. Чем можно помочь? Хотите, прочешем район?

Особого смысла Ева не видела, но и останавливать их не хотела.

– Это ее голос. – Сунула телефон Бенджа в карман. «Эй, красавчик»... Сука! Прямо в погрузочной зоне, на полдороге.

– Оказался не в том месте не в то время, – заметил Рорк и похлопал ее по спине.

– Кончилось их везение! Есть чертова камера и голос на этом дерьмовом телефоне. Мы с точностью до минуты знаем, когда его схватили. И, елки-палки, они где-то совсем рядом! Рядом...

Будет много беготни, подумала она и по пути обратно отдала распоряжение отправить на участок по квартирам патрульных и роботов.

Начнет с погрузочной зоны, велит Макнабу увеличить все, что снимут с камеры, и усилить голос на телефоне.

Вряд ли установят личность по спектрограмме речи, но попытаться надо.

Оказавшись в машине, вытащила свой телефон.

– Кому это ты звонишь в такой час?

– Кармайкл. Они с Сантьяго уже могут начинать.

– Ева, там еще и пяти утра нет!

– Почему это?

– Потому что волшебный слон, который несет на массивной спине широкое блюдо нашей планеты, неторопливо ступает по тропе вокруг

солнца.

– Да пошел ты!

Образ, однако, показался ей не менее логичным, чем научное объяснение. Она решила дать подчиненным поваляться еще полчаса.

– Без предварительного плана, как и в прошлые два раза. Его быть просто не могло, жертву не выбирали специально. Почему снова вышли на охоту? Первый вариант – убили Джейлу Кемпбелл с опережением графика. Или ее организм неожиданно не выдержал, а они еще мало покуражились.

– В таком случае быстро избавятся от тела, и, как только рассветет, ты найдешь труп.

– Да, держать его у себя нет смысла. Может, поехали выбрасывать и парень попался по дороге. Хотя зачем избавляться от трупа в полночь? Не рановато? Подождали бы час-другой – меньше риска.

– А если риск нужен для куража?

– Да, чтобы поднять планку... Второй сценарий – она жива, но решили взять второго. Им комфортно, места достаточно, так почему не заготовить заранее?

– Или...

– Дуэт. – Ева кивнула. – Двое сразу. Схема определена как нападение на одну жертву, но кто знает... Взяли и устроили себе «два по цене одного».

– Можно заставить одного терроризировать другого. Или работать параллельно, у каждого – своя жертва в полном распоряжении.

– Куча омерзительных вариантов. Пока не найден труп, придерживаемся сценария, что специально захватили второго. Или поддались порыву. Погрузочная зона – явный косяк. Хотя если не жили в больших городах, про камеры, может, и не знают.

– Даже горожане, у которых нет машины, часто не знают про камеры. И даже те, кто водит, не всегда о них задумываются. Чтобы активировать камеру, надо заехать в определенный квадрат, плюс они исключительно дрянного качества. – Рорк улыбнулся. – Мне вот, помню, бывало нужно удобное местечко, чтобы... припарковаться. Добавлю, лейтенант: вывести из строя такую камеру под силу даже ребенку.

– Надеюсь, эти двое в детстве не играли в те же игры, что и ты.

По мере удаления от центра машин на улицах прибавлялось. Максибусы с работниками ночной и утренней смены тарахтели и плевались выхлопными газами. Вверху сновали трамваи.

Изредка проносились мимо такси – мало кто из тружеников этого часа мог позволить себе подобную роскошь. И все-таки кому-то надо на

утренний шаттл. Или дорогая проститутка с шиком возвращается домой после богатого клиента.

– Они должны иногда выбираться в люди, – пробормотала Ева. – Приехать в Нью-Йорк и не посмотреть достопримечательности?! Магазины, каток в Рокфеллеровском центре, парк. Захочется увидеть Эмпайр-стейт-билдинг, потусить на Таймс-сквер...

Повернулась к мужу:

– Нельзя же не повеселиться? Нельзя вечно сидеть в своей норе, даже если тебе в ней очень клево. Сидеть дома можно и в деревне!

– Логично. И что это нам дает?

– погоди. Мы имеем дело с парой. Мира считает, они влюблены, хоть это и извращенная, больная любовь. Следовательно, будет романтический ужин в каком-нибудь модном местечке. А значит, нужны деньги, если только они не расплачиваются картой жертвы, но в таком случае мы бы их уже сцапали, как крысы – сыр. И сувениры. Куда без них!

По дороге Ева так и эдак крутила в голове эту мысль.

Дома они напрямиком направились в кабинет и уже на подходе уловили запах бекона.

Если бы не аромат кофе, Ева бы, наверно, покусала своих копов.

Вошли, как раз когда Пибоди протягивала от сервированного фуршетного стола тарелку Баннеру.

– А вот и вы! Мы решили не ждать и накрыть завтрак... Куда-то ходили?

Ева отбросила плащ.

– У нас еще одна жертва!

– Еще? Кемпбелл...

– Не установлено. Рид Аарон Маллиган, двадцать один год, захвачен в полночь с небольшим, двигался на юг по Седьмой авеню, между Уэверли и Чарльз-стрит.

– Есть свидетели? – спросил Макнаб.

– Запись телефонного разговора и, возможно, запись с камеры. Рорк, выведи на экран, а я проверю, что там у дорожной полиции.

– Маллиган, – повторил Рорк. – Рид Аарон. Об исчезновении сообщила мать.

Пока Рорк излагал обстоятельства, Ева в конце концов связалась с кем-то из дорожной полиции, кто был не окончательным дебилом.

– Отправили запись с камеры. Сейчас покажу... А чтоб тебя!.. – произнесла она несколько секунд спустя, когда замигало смазанное изображение, и повернулась к Макнабу: – Можно подчистить?

– Посмотрим. Ну-ка...

Ева встала, уступая ему место за столом.

– Еще и ракурс неудачный!.. Высоко, номер не видно. Хотя бы разобрать марку и модель. Где... А вот, кто-то вылезает со стороны тротуара! Или показалось? Макнаб!

– Работаю. В лаборатории или в управлении вышло бы ловчее.

– Сделай сначала тут.

Рорк подошел и наклонился к Макнабу. Заговорили на своем тарабарском компьютерном языке.

– Дверцы со стороны дороги не видно. Камера – полное дерьмо, и все-таки это баба. Вот, мини-юбка, короткий жакет, – указала Ева.

– Что тут поймешь-то! – Баннер напряженно всматривался. – Только рост. С учетом высоты машины, а это все-таки микроавтобус... Метр семьдесят или около того. Волос не видно, лицо отвернула, на руках перчатки. Негусто...

– А это не угол номерных знаков? – ткнула пальцем Пибоди. – И на заднем стекле вроде стикер. Треугольничек.

– Уже лучше, – заметила Ева, когда изображение чуть прояснилось. – Да, женщина. Видно по движениям. Охотится, напялила эти шлюшьи чулки.

– Сеточки, – подсказала Пибоди.

– Оглядывается, открывает заднюю дверцу. Можно увеличить?

Изображение дрогнуло, сумасшедше помигало несколько мгновений и выровнялось.

Женщина наполовину вытащила большое мягкое кресло. Справилась без особого труда. Не слабого десятка, подумала Ева, да и опыт сказывается.

В кузове, кажется, открытая сумка вроде спортивной. На заднем плане что-то шевельнулось.

– Отмотай! Вот, в тени, мужик – вылезает со стороны улицы... Твою мать! Рассадил чем-то фонарь!

– Может, рогаткой.

Ева хмуро воззрилась на Баннера:

– Рогаткой?

– Почему нет? У нас ребятишки развлекаются. Исчез...

– Прячется за машиной или в подворотне. На жертв нападают сзади. Пибоди, нужны записи со всех камер на этой стороне улицы.

– Есть!

– Баба оглядывается. Профиль. Кого-то увидела? Смотрите, сигналист

партнеру. Сейчас начнется. Да, стягивает шапку, откидывает волосы, чтобы Маллиган ее хорошенько разглядел. Длинные светлые волосы. Вероятно, белая.

– Господи, Даллас, как по таким крохам установить личность?! – воскликнул Баннер.

Ева, не отрывая взгляда от экрана, ответила:

– Установим. А вот и Маллиган! Темно-зеленая куртка, поднят капюшон, загородил ее от камеры. Ничего, установим... «Помоги, пожалуйста!» – прошептала Ева. – «Никак не подниму... Спасибо тебе огромное!» И вот он, естественно, приседает, берется за кресло...

Все произошло стремительно, но, несмотря на темноту, мигание и размытость, Ева увидела достаточно. Дубинка – да, какая-то дубинка, – быстрый сильный удар. Грузят в машину, женщина забирается следом. Дверца хлопает, и секунду спустя их и след простыл.

– На все про все меньше десяти минут! Ничего, теперь вы от нас не уйдете... Отправь запись в лабораторию и сам подчисти, – велела Ева Макнабу. – Мне нужна каждая мелочь: преступники, стикер на стекле, марка и модель...

– И край номерного знака, – добавила Пибоди.

– Если реально что-то с этим сделать, вперед!

– С этим я помогу, Макнаб, – вызвался Рорк. – А ты, Ева, наложи-ка тарелку. Мужчина не должен голодать.

– Отлично. От Фини будет польза?

– Еще какая! Разделимся: кто-то займется идентификацией, кто-то подчистит, а кто-то увеличит.

– Сейчас с ним свяжусь. Пибоди, поднимай Кармайкл с Сантьяго. Пусть работают. Подгони их!

– А мне чем заняться? Болтаюсь тут мертвым грузом, – подал голос Баннер.

Ева включила карту.

– Вот тут похитили жертв, а тут выбросили тело. Я думаю, Маллигана взяли, повинуюсь импульсу, а значит, логово где-то рядом. Нужен список сувенирных магазинов района.

– Сувенирных?

– А вы домой собираетесь с пустыми руками?

Он конфузливо улыбнулся.

– Пибоди обещала раздобыть свитер с логотипом департамента полиции Нью-Йорка и толстовку с капюшоном. А матушка собирает стеклянные шары со «снегом». Не спрашивайте почему – нравятся они ей,

и все тут! Хотел купить до отъезда. – Он кивнул. – Если преступники – приезжие, захотят сувениров.

– И когда установим их личность, покажем фото в лавках из вашего списка. Добавьте кафе, где продают на вынос. Заказывать на дом рискованно, а самому закупить и притащить – пожалуйста. Держу пари, ни один из них не любит готовить. И, как правильно заметил Рорк, мужчина не может голодать. Да и женщины тоже.

– Тогда начинаю.

– Могу еще подкинуть работы.

– Да-да!

– Ломбарды, секонд-хенды. На жратву и сувениры нужны деньги. Легче всего, конечно, пошла бы электроника... У нас есть данные, во что были одеты Купер и Кемпбелл. А теперь и Маллиган. Если тряпки понравились, оставят себе, нет – продадут. Возьмите тарелку. Можно работать и жевать.

Она вернулась к столу и вызвала Фини.

Его виноватое лицо показалось ей более опухшим, чем обычно, а рыжие с проседью волосы – чересчур всколоченными. Однако видео он не отключил, и она сделала вывод, что все-таки его не разбудила.

– Погоди... – Отхлебнул из ярко-красной кружки. Ева знала, что это кофе. – Ну что у тебя?

– Наконец повезло с нашими душегубами. Есть запись с камеры погрузочного дока.

– Камеры там обычно дерьмо.

– Ага, потому и прошу, чтобы ты ею занялся. Рорк с Макнабом уже колдуют в нашей лаборатории. Более или менее видна машина и частично – подозреваемые. Возможно, край номерного знака и стикер на заднем стекле. Заснято, как хватают последнюю жертву.

– Ту девушку?

– Она не последняя. Сегодня ночью. Парень, едва исполнилось двадцать один. Выбросили тело Кемпбелл или нет, пока не знаем. Еще рано.

– Да уж, рановато. – Потер сонный глаз. – Подъеду через полчаса. Ставь кофе!

– По рукам! Спасибо! – Ева дала отбой. – Пибоди, докладывай.

– Кармайкл и Сантьяго проверят пару ниточек. Они кое-что прослышали, но вчера решили, что пора на боковую. Сегодня займутся. – Пибоди положила себе яичницы. – «Автомастерская Буббы, эвакуатор и пироги».

Ева уже открыла рот, но помотала головой.

– Не ври!

– Вот как на духу! – Пибоди торжественно подняла руку, другую прижала к груди. – Кармайкл говорит, жена Буббы печет пироги, а на Буббе с сыном – остальное. Они с Сантьяго считают, что у сына рыльце в пушку.

– Надо потолковать с ним один на один.

– Так и хотят.

Хмыкнув, Ева повернулась к компьютеру, чтобы набрать и разослать кому следует отчет по Маллигану. Потом проверит на вероятность, жива ли Кемпбелл. Надо посоветоваться с Мира...

Вот-вот что-то прояснится, уже скоро. Ева это чувствовала, почти слышала, как начинает трещать стена.

Хватит ли времени?

Насилюя ее, он плакал.

Нет, подумала Джейла, неверное слово. Нельзя назвать это изнасилованием, если его предварительно избили и изрезали.

Как и ее.

Если накачали возбуждающим препаратом и приставили к горлу нож... Она пыталась сказать ему глазами: просто делай, что говорят, мне все равно.

На нее капали его слезы. Удивительно, как она только не захлебнулась.

Ей к горлу тоже приставили нож, потому что изнасилования показалось недостаточно. А Элла-Лу вытащила кляп.

– Умоляй его, умоляй! Кричи!

И Джейла кричала, хотя голос был сиплым и слабым. Кричала и умоляла. А глазами говорила плачущему мальчику: ничего страшного, ты не виноват.

Когда-то она была абсолютно уверена, что изнасилование – худшее, что может случиться с женщиной. Высшее надругательство. Теперь понимала, что ошибалась. То, что они заставили сделать Рида (его зовут Рид, повторяла она про себя, она будет звать его Рид), – ничто в сравнении с предыдущими мучениями. И с будущими. С тем, что они непременно сделают...

Принято считать, что насильнику важен не секс, а проявление власти над жертвой, ее подчиненное положение. Может, и так, но Дэррилу и Элле-Лу сексуальный компонент был тоже нужен.

Они лапали друг друга свободными руками, пока этот мальчик ее насиловал, и в подробностях описывали, как будут трахаться.

Так спешили, что оттянули Рида, наскоро связали и смылись – Элла-Лу заявила, что хочет на постели.

Забыли вставить кляп. Джейла сообразила это лишь спустя минуту. Поняла, что невнятные звуки, которые у нее вырываются, – на самом деле слова.

– Слышишь меня? Рид! Слышишь?

Он лежал ничком и плакал. Руки за спиной, ноги связаны скотчем от икры до щиколотки.

– Я Джейла. Джейла Кемпбелл.

– Простите! Простите!

– Ты не виноват. Мне все равно.

Возможно, потом будет не все равно и она больше никого никогда к себе не подпустит. Или ее убьют, и тогда действительно...

– Послушай! Я Джейла. Можешь говорить?

– Простите... – Он наконец повернул голову и посмотрел на нее распухшими подбитыми глазами. – Они заставили...

– Знаю. Не важно. Если бы не подчинился, меня, может, уже убили бы. Или нас обоих. Если заставят снова, помни, что мне плевать. Какой сегодня день? Я сбилась.

– Кажется, четверг... или среда. Не соображу. Почему они это делают?

– Не знаю. Они чокнутые. Можешь двигаться? Надо нож или что-то острое...

– Не знаю. Все болит. Кажется, рука сломана... – Он приподнялся. – Кто они?

– Дэррил и Элла-Лу.

Слова царапали горло, как гвозди сухое дерево.

– Запомни имена! Надо бежать. Будут издеваться еще сильнее – их это заводит.

– Где мы?

– Не знаю. Наверно, в квартире. Нижний этаж – когда открывают дверь, шумят машины. Постарайся открыть дверь или окно. Или найди что-то острое. Я привязана.

Он старался. Пыхтел, охал от боли и сдавленно всхлипывал, дюйм за дюймом двигаясь в ее сторону.

Ему удалось встать на колени, и Джейла снова увидела серое от натуги лицо и глаза, затуманенные болью и наркотиком.

Кожа Рида блестела от пота и крови на местах порезов. Он трясся, как человек во льду.

– На том столе нож, попробую скинуть...

– Давай, Рид, давай!

Он полз на коленях. Джейла видела его руку, белую, словно кость, и сильно распухшую, видела кровь от порезов и содранной кожи на спине.

Глубоко в душе у нее шевельнулось сочувствие, но его заглушала отчаянная, горячая надежда. Если получится...

Он качнулся, чуть не упал.

– Мутит. Надо...

– Отдышись.

Поздно... Он накренился, не удержал равновесие и рухнул навзничь на сломанную руку.

Тоненько вскрикнул и потерял сознание.

Глава 15

Когда прибыл Фини, Ева махнула рукой в сторону стола.

– Кое-что осталось.

– Не откажусь. – Посмотрел на доску. – Когда его схватили?

– Около восьми часов назад.

Кивнул, навалил на тарелку бекон, поднял крышку на подогреваемом блюде с яичницей.

– Решили сразу двоих?

– Надеюсь. Иначе Кемпбелл уже мертва. Я только что отправила отчет и хочу переговорить с Мира. Возможно, наращивание интенсивности – каждому по жертве. У Кармайкл с Сантьяго наклеивается что-то в Арканзасе. Самый крупный улов на сегодня – запись с камеры на погрузочном доке.

– Даллас! – Пибоди подняла руку, держа в другой рацию. – Кажется, еще кое-что. Открылось кафе, и патрульный робот пересылает запись с камеры. Изображение нечеткое, но, возможно, на нем наш преступник.

Ева обернулась к Фини.

– Трескается стена, трескается. Шандарахнуть пару раз как следует – и пробьем!

– Скиньте запись в лабораторию. Пойду к ребятам. Помощник шерифа, – добавил Фини, кивнув Баннеру, – вы с самого начала взяли верный след!

– Теперь уже точно. – Баннер подождал, пока Фини выйдет. – Лейтенант, список сувенирных лавок готов. Ни одна пока не открылась. И кафе, где продают на вынос. Приступаю к ломбардам, но они все тоже закрыты.

– Посылайте, что есть, начнем проверку. – Ева посмотрела на часы. – Мира скоро встанет.

Она направилась к столу, и тут зазвонил телефон.

– Сантьяго... – Нажала «ответить». – Надеюсь, у тебя хорошие новости!

– Отрезали сынка от стада, поднажали. Он сто процентов замешан, лейтенант, или что-то знает! Но папаша подоспел раньше, чем успели расколоть. Они сейчас все здесь на стреме.

– Скооперируйтесь с полицией, допросите в участке, или что там у них...

– В том-то и загвоздка! – Сантьяго скосил темные глаза в сторону и недовольно сощурился. – Шурин Буббы ставит палки в колеса. Он адвокат и приятель тутошних копов – рыбачат вместе. Толку от них не добьешься. Просто засада! Мы эту партию разыграем, но не быстро...

– Время – критический фактор. Насчет Буббы уверены? Черт, даже стыдно вслух это имя произносить!

– Из его сыночка вина так и брызжет! Зовут, кстати, Джимбо, извините уж. И Бубба потеет, как мышшь под метлой. Мать, Мэйзи, печет обалденные яблочные пироги и, кажется, ни при чем. Но Бубба и Джимбо лгут. Что-то знают и лгут. Если бы затащить Джимбо в допросную минут на двадцать, сложился бы, как аккордеон!

– Метафора такая?

Сантьяго сверкнул улыбкой.

– Тренируюсь!

– А сказать, какой метафорой я оцениваю вашу работу?

Улыбка исчезла.

– Черт, Даллас, у Буббы ручищи, как половина мясной туши! Серьезно!

– Будьте жестче. Спровоцируй его врезать тебе при свидетелях. А Кармайкл пусть в это время займется Джамбо.

– Джимбо.

– Один хрен! Пока адвокат и полиция квохчут вокруг папаши, я затащу сына в допросную. Выражаясь голографически.

– Ага, мне начистят рыло, а вы там будете развлекаться!

– Смотри, чтобы натурально получилось, – посоветовала Ева.

Вместо Мира она разбудила помощника окружного прокурора Шер Рео.

– Мамочки... Даллас, я могла повалиться еще десять минут!

– Надо нажать на кое-кого в Монро, Арканзас. Нужен ордер на обыск автомастерской Буббы, «Эвакуатор и пироги».

– Я сплю?

– Быстрее, Рео! Обыск помещения, проверка отчетности. По нашим массовым убийствам. Ночью захватили еще одного.

Шорох в телефоне свидетельствовал, что Рео вылезает из постели.

– Продиктуй еще раз и дай какую-нибудь правдоподобную причину.

– Бубба нападет на моего детектива.

– Нападет?

– С минуты на минуту. Если надо подождать, можешь тем временем договариваться с кем положено. Последнему захваченному на Рождество

стукнуло двадцать один.

– Хотя это на меня не вешай... Черт! Обожди несколько минут. Я спала когда-то с парнем, который кое-кого знает...

Ева улыбнулась.

– Не такая уж и разница с моими краями, – заметил Баннер. – Масштаб, конечно, другой, а по сути – то же.

– Коп – он и в Африке коп! Пибоди, остаешься за главную. Баннер, вы со мной! Пригодитесь во время допроса.

– Будете хорошим копом, – пояснила Пибоди.

– Сыграть в доброго дядечку?

– Вроде того, – кивнула Ева.

Спускаясь в лифте, она мысленно разрабатывала стратегию.

– Сколько здесь комнат? – поинтересовался Баннер.

– Понятия не имею. Все время нахожу новые. Честное слово!

– А сколько здесь живете?

– Три года. Три года... – повторила она с некоторым удивлением. – Господи, и как только все это срослось?!

– Простите, можно задать вопрос?

– Уже задали.

– Еще один. Рорк на самом деле был... ну, что называется, вором?

– Ни разу его не застукала.

Голос Евы прозвучал ровно, лицо осталось непроницаемым.

В глазах Баннера плясал смех.

– Насколько я понял, остальные тоже!

Вслед за Евой он вступил в голографическую комнату с темным экраном во всю стену.

– Я его себе не так представлял...

– А как? – Ева пыталась запустить нужную программу.

– Не таким добродушным.

– Добродушным? Ха!

– Думал, что он сухарь напыщенный. А с ним запросто можно по пиву пропустить... Любопытно, что это вы такое делаете?

– Должна быть где-то здесь, – пробормотала Ева. – Он точно ее запрограммировал... Нужна моя допросная, поработаем с Джэмбо.

– Джимбо.

– Верно. Бубба, Джимбо... И как они только терпят?!

– Провинция.

– Поговорим с ним, когда папашу начнут арестовывать за нападение на сотрудника полиции и адвокат будет занят, доказывая, что Сантьяго

спровоцировал его клиента и прочую хрень. Затащим сюда, и если Сантьяго прав, а он прав, расколем Бенджо, как орех... Ну слава те господи! Я знала, что он запрограммировал!

Процесс все-таки занял у нее вдвое больше времени, чем у Рорка.

Замерцали и проявились привычные тусклые стены допросной, обшарпанный стол, скрипучие стулья и длинное зеркало-шпион.

– Ого! – Баннер выпучил глаза и повернулся кругом. – Никогда не пользовался голограммами! Только в парке аттракционов и еще... ну да ладно...

В секс-клубе, сделала вывод Ева.

– В Сибилс-Понд есть эти «ну да ладно»?

– В Литл-Рок.

– Сейчас подключусь. Когда начнем, пойдет быстро. Сыграйте сочувствующего в разумных пределах. Хороший, добрый дяденька...

Положила папку на стол.

– Вы его смягчите, я до смерти напугаю, а папка докончит дело.

Вытащила телефон.

– Кармайкл!

– Работаем, – пробормотала та, глядя куда-то в сторону. – Сантьяго как раз... Ой!

Раздались крики.

– Подпортили физиономию... Дайте мне пять минут – помогу и вернусь.

– Быстрая работа! – заметил Баннер.

Ева кивнула.

– Чем скорее, тем лучше. Несмотря на весь этот спектакль, дело более чем серьезное. Все записывается. В лаборатории три компьютерных гения потеют, чтобы нам было, что предъявить. А эти двое дебилов скрывают что-то, что помогло бы выследить преступников и спасти чью-то жизнь. Поняли с того дня, как нашелся труп Дженсена, и молчат в страхе за свою задницу. Противно!

– Мне тоже. Неправильно это, бессовестно.

– Тогда дайте мне начать и вмешайтесь, когда сочтете нужным.

Поглядев на часы, она позвонила Мира.

– Прости, что рано! У меня всего пара минут. Отправила тебе отчет.

– Еще не читала. Я только что...

– Прочитай, как сможешь, – перебила Ева. – Около полуночи захватили еще одного. Мужчина, двадцать один год. Если пробить по теории вероятностей, скорее всего, покажет, что Кемпбелл мертва. Хочу

твое мнение!

– Секунду. Могли перегнуть палку или ускориться. Или ее организм не выдержал. Раньше такого определенно не случалось, и потому да, велика вероятность, что ее убили.

– А каковы шансы, что захотели сразу двоих? Могли, конечно, избавиться от тела и в ту же ночь взять другого. Но ведь могли и схватить второго, поддавшись внезапному порыву.

– Логичное повышение интенсивности. Возможно. Однако...

– Прочитаешь отчет? У меня тут кое-какие сценарии наметились. И две хорошие ниточки. Сейчас надо одной из них заняться, но как только прочитаешь отчет, я бы хотела узнать твоё мнение.

– Прочитаю и отпишусь до того, как пойти к Девинтер.

– Спасибо. А вот и моя ниточка! – произнесла Ева, когда на телефоне высветился входящий. – До скорого!.. Даллас слушает!

– Не без сожаления, но шериф таки задержал Буббу за нападение на сотрудника полиции. Адвокат в ярости не заметил, как я улинула. У Сантьяго кровь, устроил настоящий спектакль! Будь это на самом деле, я бы посоветовала ему поменьше кривляться. Умыкнуть Джимбо не составит труда!

– Давай! Подключу вас обоих через твой телефон, а потом отправлю тебя обратно. Отвлеки их там, сколько можно. Если сыночек не станет требовать адвоката, мы его расколем.

– Действую. Как только приведу Джимбо, сразу звякну.

Не прошло и пары минут, как телефон запикал. Надеюсь, что Кармайкл не напортачила, Ева запустила сеанс связи. Замигал и появился образ Кармайкл и ражего детины рядом с ней – не Джимбо, а целый Джамбо!

На теле, созданном для игры в американский футбол, надет комбинезон. На широкой квадратной голове торчат вертикально вверх волосы цвета выбеленной кукурузы.

Запросто потянет килограммов на сто двадцать, прикинула Ева. И каждая граммулечка напугана до усеру...

– Спасибо, детектив! Включить запись. Лейтенант Ева Даллас и помощник шерифа Уильям Баннер допрашивают... ваше полное имя, сэр?

– Э-э...

– Дорран, – подсказала Кармайкл. – Джеймс Борегаар Дорран.

– Присаживайтесь, мистер Дорран.

– Надо посмотреть, как мама. У папы там заковырка...

– Идите, детектив... Присмотрите за мамой мистера Доррана.

– Да, сэр. Джимбо, отвечай на все вопросы лейтенанта. Твоей маме не

нужно, чтобы заковырки возникли еще и у тебя.

Она кивнула Еве, и та ее отключила.

– Мистер Дорран...

– Джимбо. Никто не называет меня мистером.

– Хорошо, Джимбо. Садись.

– Я ничего ни про что не знаю! Ни про кого! Па сказал...

– Я не с твоим па разговариваю! – резко оборвала Ева, окидывая его ледяным взглядом. – Сейчас ты говоришь со мной. Я возглавляю убойный отдел департамента полиции и безопасности Нью-Йорка. Убойный. Понимаешь?

– Ну да, вроде...

– Я расследую убийства!

Его глаза забегали. Верно, подумала Ева, вина так и брызжет. Даже голографически.

– Я никого не убивал! И папа тоже. Дядя Бак велел ничего не говорить...

– Твоему дяде Баку не предъявляют обвинение в пособничестве убийству, препятствовании правосудию и еще хрен знает сколько других обвинений, которые я вам обеспечу, если не скажешь правду!

– Я никого не убивал! А леди такие плохие слова не говорят!

– Я похожа на леди?

– Вы женщина.

– Я коп убойного отдела и таких уродов, как ты, ем на завтрак! Окружной прокурор рвет удила, чтобы экстрадировать тебя в Нью-Йорк и бросить за решетку!

– Я же ничего не сделал!

– Джимбо, – голос Баннера на фоне городского жаргона Евы журчал, как прохладный деревенский родник. – Я знаю, ты не хотел ничего дурного. Просто не понимал, что делаешь.

– Я никому ничего не делаю. Хоть кого спросите! Вы из Арканзаса, сэр?

– А как же! Сибилс-Понд.

– Слыхал, там красиво.

– Лучше не бывает!

– Можно договориться, чтобы ты посидел там в кутузке! – Ева шлепнула рукой по папке, и все сто двадцать килограммов Джимбо подпрыгнули на стуле. – Этот человек был убит именно в Сибилс-Понд.

Она перевернула лицевой стороной фото Роберта Дженсена.

Джимбо побелел.

– Конец света! Конец света! Он умер?

– А ты как думаешь?

– Что это была за машина? – небрежно осведомился Баннер. – Та, что вы с папой в прошлом августе притащили с двенадцатого шоссе.

– Это... Не знаю, о чем вы! – Джимбо сжал огромные руки и уставился на фотографию. – Его убили?

– Побои, – начала Ева ледяным тоном, – ожоги. Пытали, а потом устроили ему тот самый конец света и сбросили в овраг. Полюбуйся! – Она сунула через стол фото. – Проломили голову, отволокли в кусты и оставили гнить, пока кто-нибудь не найдет.

– Знаю, его нашел Пити Уэст с мамой. Но мы тут ни при чем!

Ева вывалила на стол другие снимки.

– Их всех пытали и убили. Чей-то сын, дочь, сестра, отец... Вы взяли машину, которую они бросили у дороги. Сколько вы за нее получили?

– Мы... Я не говорю, что мы это сделали. А если бы и сделали, кому от этого плохо?

– Мы бы вычислили их по этой чертовой машине! Мы до сих пор не знаем, кто они!

– Не знаете, кто они... – медленно повторил он.

– Не криви душой, Джимбо, – мягко произнес Баннер. – Иначе пострадают люди, которые у них сейчас.

– Сейчас?

Ева подвинула фото Кемпбелл и Маллигана.

– Их пытаются. Женщину, может быть, уже убили. Чем дольше ты прикрываешь свою задницу, тем меньше у них шансов!

– Надо посмотреть, как мама...

– У них тоже есть мамы, Джимбо! – напомнил Баннер. – Каково было бы твоей, если бы тебя похитили, а кто-то не захотел помочь?

– Па сказал, что, если откроем рот, нас упекут!

– Если не скажешь, то, богом клянусь, упакую вас по максимуму! – пообещала Ева. – А если дашь ценную информацию и поможешь изловить преступников, я тебя отмажу. И обвинения против твоего отца за нападение на моего детектива тоже снимем.

– Вы это можете?

– Я это сделаю. Но ты должен рассказать все начистоту, сейчас же! И без фокусов, иначе уговор отменяется! У тебя десять секунд.

– Надо подумать...

– Девять, восемь, семь...

– Ладно, ладно! – Джимбо замахал ручищами. – Она просто стояла на

обочине. Ни документов, ничего. Заправлена, и аккумулятор в порядке. А движок сдох. Кто-то пытался починить, но без толку. Ну мы ее и оттащили. Если бы кто стал искать, вернули бы. Только никто не спрашивал. А про покойника мы уже после узнали, и тогда па велел помалкивать, а то еще на нас подумают. А мы ни при чем!

– Что за машина?

– Пикап четвертьтонник, «Бобкэт» пятьдесят второго года. Стальной, а внутри черный. Видно, что был в аварии и кузов неплохо подлатали.

– Номерные знаки?

– Кажись, из Оклахомы, мэм. А внутри – пусто. Ничего, ни в бардачке в кабине, ни в кузове. Кое-какой мусор, и все.

– Где она?

– Кто она?

– Машина где?

– Когда мы про мертвяка слышали, то раздели ее, что можно продали, а остальное по частям отволокли на утилизацию. Па сказал, что ничего не хочет оставлять и чтобы я пикнуть не смел. Мы ничего не знали про других покойников, пока не приехали детективы из Нью-Йорка. Па сказал, что им верить нельзя, потому что в Нью-Йорке все лезут на рожон и врут. – Он посмотрел на Баннера. – Правда ведь?

– Я здесь уже пару дней и ничего такого не заметил. А те, кого мы ловим, Джимбо, – не из Нью-Йорка. Из наших краев.

– Да как это? Что за душегубы такие?! Честно, мэм, мы никому худа не делаем! И ничего что про это не знали. Я всю ночь не спал! А па просто о нас с мамой печется. О своих ведь думаешь в первую очередь...

«Эти убитые теперь – мои, – мысленно сказала Ева, – и я их не оставляю».

– Еще с тобой побеседуем.

– Можно мне сначала к ма? Она сразу говорила не врать. Теперь взъесться на па. Уже и так рассердилась, что он детективу вмазал. Хотя, если по правде, этот детектив сам наварлся.

– Не сомневаюсь. – Ева встала. – Приглашу Кармайкл. Она тебя проводит. А я переговорю с шерифом.

– И па не упекут за то, что ударил копа?

– Ни за это, ни за другое. – Ева снова подключила Кармайкл. – У нас есть показания мистера Доррана. Отправлю копию записи шерифу, вам и детективу Сантьяго. Попрошу Сантьяго забрать заявление и официально попрошу не предъявлять никаких обвинений отцу и сыну ввиду помощи, оказанной следствию мистером Джеймсом Дорраном. Надеемся, что

предоставленная информация поможет установить личность и задержать преступников.

– Да, сэр.

– Заканчивайте. Ордер на обыск мастерской уже готов или на подходе. Работайте!

– А как же! Идем, Джимбо.

Кармайкл взяла Джимбо за руку, сверкнула улыбкой и исчезла.

– Скопировать запись на мои компьютеры, – приказала Ева. – И завершить программу. Баннер, за мной.

– Пикап можно вычислить.

– Обязательно. Придурки его раздели и отволокли на утилизацию! Там могли быть отпечатки, ДНК! – Ева ступила в лифт и вздохнула. – Ничего, вычислим, узнаем имя. Даже если в угоне, все равно будем на шаг ближе к разгадке.

По пути в кабинет Ева завернула в лабораторию, скинула Фини информацию для нового запроса, а Баннер тем временем поглазел по сторонам.

– Сузим поиск до автомобилей, которые поставлены на учет в Оклахоме, – произнес Фини и, как и Рорк, принялся вручную набирать что-то на клавиатуре. – «Америкэн бобкэт», год выпуска две тысячи пятьдесят второй, пикап-четвертьтонник.

– Серый. Серый пикап.

– Легко перекрасить, начнем без цвета. – Он недовольно хмыкнул, когда компьютер выплюнул результаты. – Больше шестисот!

– Если угнали, то...

– Не учи ученого, дитя мое! В наш временной промежуток угнано три. Два нашли, один разбит. Так, новый поиск с учетом цвета...

– Готово! – Рорк развернулся на стуле. – Стикер на заднем стекле микроавтобуса в погрузочном доке. ОВХ.

– Что за холера?

– Внешние отмели в Северной Каролине. Стикер земельного собственника. По номерным знакам поиск сужен. Скорее всего, зарегистрирован в Нью-Джерси. «Роудстар» пятьдесят восьмого или пятьдесят девятого года. Черный или темно-синий. Дай еще минутку...

За другим компом Макнаб пошевелился и стукнул кулаком.

– Опознать тетку не удастся! Попробую еще увеличить.

– Предварительные результаты перекрестного анализа, – снова заговорил Рорк. – Восемьдесят шесть земельных собственников с микроавтобусами.

– Надо бы отсеять.
– Так и сделаем.
– По серому пикапу пять совпадений, – вставил Фини.
– Уже что-то. Имена, фото, адреса!
– Сейчас. На втором экране – карта. Сравним с маршрутом, выберем наиболее вероятные.

Ева глядела, как загораются точки вокруг места смерти Дженсена.

– Проверим эти пять. Шелли Линн Уэйнс. Прямо по пути, если в обратном направлении.

– Данные на экран, – отозвался Фини.

– Тридцать один год. Шесть лет замужем, двое детей. Школьная учительница. Такая обязательно заявит об угоне. Может, конечно, дала на время другу или родственнику...

– Маловероятно, – закончил Фини. – Свяжусь с ней, расспрошу, но, моему, чиста. Следующий наиболее вероятный – Боуи Нетлтон. Семьдесят четыре года, отставной мастер-сержант, сейчас – мэр Три-Спрингс, Оклахома. Двое детей, оба в армии. Внук и внучка – тоже по военной линии. И еще одна внучка в колледже, изучает политологию.

– Вряд ли наш.

– Барлоу Ли Хэнкс, – прочитала Ева, щурясь на следующую фотографию. – В свои пятьдесят восемь староват для наших преступников... Дети?

– Не значатся.

– Собственный бизнес. Механик, кузовные работы. Вроде идиотов Дорранов из оклахомской Глуши. Бамбо сказал, что пикап хорошо подлатали. Механик...

– Бамбо? – переспросил Рорк.

– Джимбо. – Баннер пожал плечами. – Разница небольшая.

Не успел он договорить, как Ева, повинаясь интуиции, набрала номер Сантьяго.

– Как лицо? – спросила, вглядываясь в распухший правый глаз.

– Видало и похуже.

– Покажись врачу, а потом дуйте с Кармайкл в Оклахому. Глушь, Оклахома. Барлоу Ли Хэнкс. Узнайте, кому он дал свой «Америкэн бобкэт» пятьдесят второго года. По дороге скину вам информацию.

– Побежим как телята!

– Почему телята?

– Ну знаете, маленькие телята, из ковбойской песни... Неважно. Мы здесь закругляемся. У этих балбесов хорошая отчетность. Запчасти ушли в

основном недалеко.

– Спихните это пока местной полиции, Оклахома важнее. Перезвоню! Она сунула телефон в карман и, обращаясь ко всем сразу, произнесла:

– Спасибо за работу!

– Информация уже на твоих компах, – отозвался Рорк. – Микроавтобус скоро вычислим.

– Хорошо. Идем.

Баннер вышел вслед за Евой.

– Прямо в доме! Все эти занятные электронные игрушки прямо у вас дома!

– Мы тут еще и работаем между прочим...

– Кто ж спорит? Никогда не видел, чтобы так быстро шел электронный сыск. Глядишь, что и прояснится.

– Фини поговорит с другими четверьмя, а мы пробьем Барлоу Ли Хэнкса.

Она широким шагом вошла в кабинет и махнула рукой Пибоди.

– Автосервис Барлоу, Глушь, Оклахома. Общая информация и финансы. Поживее! Баннер, звоните им, побеседуйте с хозяином. Если он там, то точно не здесь. Это во-первых. А во-вторых, прощупайте его. Не представляйтесь копом, спросите что-нибудь про пикап.

– Пикап?

– Ставлю пять сотен, он у вас есть!

– Спасибо, от пари, пожалуй, воздержусь... – Баннер вытащил телефон. – Поговорю в коридоре.

Кивнув, Ева села и начала искать данные на Барлоу Хэнкса.

Один брак, читала она, детей нет. Развелся двенадцать лет назад. Есть старший брат. Племянник, по возрасту подходит. Что ж, пробьем и его...

– С финансами чисто, Даллас, – сообщила Пибоди. – По крайней мере, на первый взгляд. В деньгах не купается, но зарабатывает прилично. Лет восемь назад купил землю, на которой стоит мастерская, и регулярно выплачивает кредит. Четыре постоянных помощника и один – на неполный день.

Ева кивнула, продолжая читать.

– Пара правонарушений, по мелочи. Вождение в состоянии алкогольного опьянения, драка в баре, потасовка на каком-то родео.

– Не наш.

– Нет, но может быть связан. Больше двадцати процентов вероятности, что именно его пикап взяли с обочины недоумки Дорраны.

Запросила данные на племянника. Мелкий скотовод, периодически

объезжает мустангов. Проверила, что за «мустанги»... Оказалось, такие лошади. Принялась читать дальше. Подходит по возрасту. Живет с женщиной, которая никогда не привлекалась и имеет приличную работу, что несколько снижает шансы...

– Хотя мог ее бросить, – добавила Ева. – И сбежать в дядином пикапе с какой-нибудь кровожадной подружкой.

Встала походить и подумать. Дядя не сообщает об угоне – кровные связи. Или продал машину племяннику неофициально.

Картинка не складывалась – ничто не указывало, что племянник неожиданно развил преступные наклонности.

И все-таки...

Вошел Баннер.

– Хэнкс точно в Оклахоме. Потолковал с ним по поводу пикапа. Сказал, что у меня «Бобкэт» пятьдесят второго года.

– Умно!

– И вот, пикап мой пока бежит, но как-то все не слава богу, и я дважды гонял его к своему механику, но помогает только миль на сто. Прослышал, будто Хэнкс в своем деле смыслит. Он согласился и добавил, что у него самого когда-то был пикап пятьдесят второго года и он его чинил.

– Ах вот так?

– Вот так. По его словам, машина хоть и не кусок дерьма, но после девяноста тысяч начинает выкидывать коленца. Готов посмотреть, если подгоню.

– Хорошо. – Она повернулась к доске. – Подождем, что выудят из него Сантьяго с Кармайкл. Кажется, мы на верном пути. А пока...

На столе пикнул стационарный телефон. Она подошла.

– Что?

– Скажи спасибо! – попросил Рорк.

– За что?

– За Элси и Мэддокса Хорнсби из «Блумингдейла», которым принадлежит микроавтобус «Кантри Скаут» пятьдесят восьмого года. Цвет индиго, со стикером ОВХ на левом заднем стекле.

– Почему они, а не восемьдесят два других?

– Сначала сократил до тридцати девяти, потом наткнулся на Хорнсби и в результате несколько нелегального проникновения в подробности их жизни узнал, что последние три зимы они по восемь недель – январь и февраль – проводят в доме на Багамах.

– Не сообщают об угоне, поскольку о нем не знают?

– Полагаю, что так. Краткий м-м... анализ финансов показывает, что

приезжают на своей машине в аэропорт Ньюарк и оставляют ее на длительной парковке. Я слышал, что, если срочно нужен автомобиль, угон с длительной стоянки – отличный вариант!

– Да уж, ты-то слышал...

Рорк сверкнул хорошо знакомой улыбкой.

– Контактная информация у тебя в компьютере.

– Спасибо ты заработал! Надо проверить.

– Пожалуйста.

– Пибоди! – начала Ева, отключая Рорка.

– Звоню в службу транспортной безопасности аэропорта.

Данные, как и обещано, были у нее в компьютере, и Ева воспользовалась стационарным телефоном на столе. Она не выясняла, сколько сейчас времени на Багамах, ей было плевать.

– Мэддокс Хорнсби слушает!

На экране появилось загорелое беззаботное лицо. Высветленные солнцем волосы коротко подстрижены.

– Мистер Хорнсби, я лейтенант Даллас, департамент полиции и безопасности Нью-Йорка.

– Вижу. Чем обязан?

– Вы являетесь владельцем микроавтобуса «Кантри Скаут» пятьдесят восьмого года?

– Все так.

Неторопливая улыбка исчезла, брови нахмурились. Послышался женский голос:

– Мэд! Никаких дел, ты же обещал!

– Это не дела... Что случилось, лейтенант?

– Не скажете, где сейчас ваш автомобиль?

– На длительной стоянке, ярус «А», место сорок пять, аэропорт Ньюарк. А в чем дело?

Ева повернулась к Пибоди. Та кивнула.

– Сами вы сейчас где?

– На своей веранде на Багамах, с женой, которая только что протянула мне «мимозу» и думает, что я говорю с брокером. Что случилось?

– Произошел инцидент, и ваша машина попадает под описание. У вас есть стикер ОВХ на...

– Левом заднем стекле, да, нижний угол. Что за инцидент?

– Мы это сейчас проверяем, мистер Хорнсби, и связываемся с транспортным центром аэропорта. В случае необходимости кто-нибудь вам позвонит. Или мы, или они. – Ева не выдержала: – А сколько у вас там

времени?

– Времени? Восемь сорок пять...

– Утра?

– Разумеется.

Ева заинтригованно хмыкнула. Слегка задело, что разницы не оказалось.

– Кто-то угнал нашу старую лошадку?

– Проверяем, мистер Хорнсби.

– Мэд, я же тебе говорила! Надо было просто вызвать лимузин!

– Хорошо, Элси, успокойся.

– Простите, сэр, а когда вы поставили машину на стоянку?

– Четвертого января, в восемь утра.

– Спасибо, вы нам очень помогли! Когда будет более подробная информация, с вами свяжутся.

– Нам нужно вернуться?

– Нет, прерывать отдых нет необходимости. Спасибо.

Женский голос снова начал пилить Хорнсби, и Ева отключилась.

– Есть! Пибоди, сейчас же дай ориентировку на машину. Если будет замечена, не приближаться. Звонить мне и следовать на расстоянии.

Ева встала.

– Почему на Багамах то же время, что и у нас? Неправильно как-то...

Прогнав из головы эту загадку, сделала очередной глоток кофе.

Стена трещала.

Глава 16

Ева начала поднимать дополнительные данные на племянника, а Пибоди занялась ориентировкой.

– Баннер, у Хэнкса есть племянник, Кёртис Монро Хэнкс, двадцать восемь лет, фермер. Отправляю вам инфу на карманный комп. Поиграйте еще раз в хорошего дядечку. Уточните, где он, прощупайте. По-моему, не наш, но надо убедиться.

– Ясно. Что у него за тачка?

– Тачка?

– Скажем, у нас в Сибилс-Понд виновник ДТП скрылся, и его авто попадает под описание.

– Ага... Пикап «Торо» пятьдесят шестого года, травянисто-зеленый, номерные знаки выданы в Оклахоме, пятьсот семьдесят два эхо-пап-альфа. И мотоцикл, «Хокер Миднайт Райдер», шестидесятого года, цвет темно-серый, именные номера: БУМ, бета...

– Записал. Возьму мотоцикл.

Когда он вышел, Ева встала, чтобы добавить данные на доску.

– Пибоди, составь подробный отчет, отправь Уитни, Мира, Кармайл и Сантьяго. И Бакстера с Трухартом привлеки. Если у них нет вызовов, пусть займутся магазинами и ресторанами из списка Баннера.

– У Трухарта через час экзамен.

– Ну да...

А чтоб тебе! Черт! Вот дерьмо!

– Хорошо, тогда одного Бакстера. Могут вместе с Баннером пройти по сектору. Передай Бакстеру, что через час мы с Баннером будем в управлении.

Она добавляла материалы на доску, перетасовывала их, изучала.

Хэнкс равняется пикап, который преступники бросили на месте убийства Дженсена.

Это переносит их в Оклахому. И, черт возьми, как-то связывает с Хэнксом. Почему он не заявил об угоне? Скорее всего, продал из-под полы или дал на время.

Наверно, продал. Кто же одолжит машину на столько месяцев?

Но чертов пикап все еще зарегистрирован на него. Неужели не переписал бы?

Снова взгляделась в фото племянника. Не похоже, и все! Но раз есть

племянник, должны быть двоюродные братья или сестры, тети, дяди и так далее. Хорошие приятели или просто некто, перед кем у Хэнкса солидный должок.

Помоложе, думала она, обводя взглядом доску. Не ровесник. Кто-то, кто годится ему в сыновья или дочери.

Подружка? Может, седина в бороду... С помощью секса уломала отдать пикап? Или у подруги есть сын или дочь...

– Племянник на ферме, – объявил Баннер. – Хороший парень. И честный, если на то пошло. Огорчился, что виновник ДТП сбежал, спрашивал, есть ли пострадавшие. Оказал полное содействие. Я наврал, что это случилось в ночь, когда похитили Кемпбелл. Он играл в покер до часу. С десяток человек могут подтвердить. Пригласил приехать и осмотреть мотоцикл.

– Значит, вычеркиваем. Пока не поговорят с Хэнксом, с места не сдвинемся.

А вот в других направлениях давно пора действовать, подумала Ева.

– Пибоди, закругляйся, едем в центр. Баннер, приставлю вас к детективу Бакстеру. Начнете опрос по магазинам и ресторанам из вашего списка. Возьмете изображение преступников. Добавляйте, что это пара, указывайте возраст, акцент. Может, повезет. Когда установим имена и узнаем, как выглядят – а мы это узнаем, черт дери! – отправим вам информацию.

– Если вы готовы, я готов, лейтенант!

– Встретимся внизу. Я на минуту в лабораторию.

Трое обожаемых ею компьютерных фриков трудились в поте лица. На одном экране работала программа идентификации, на другом увеличивали изображение с камеры на погрузочном доке.

Первым повернулся Рорк.

– Запись – хлам! Можно колупаться полдня, а толку чуть. Нельзя увеличить то, чего нет.

– Ладно. Макнаб, перешли изображение Баннеру и Бакстеру. Можно заодно и остальным. Наша ниточка – Хэнкс, и мы из него, так или иначе, информацию вытянем. Все, я ушла.

– Хочешь мое мнение? – спросил вдогонку Фини.

– Давай.

– Этому вашему парню, – он махнул рукой на зернистое темное изображение, – едва ли стукнуло тридцать. Рост метр восемьдесят – метр восемьдесят три. Куртка делает более мешковатым, но не сильно. Ему надо двигаться быстро. И, скорее всего, белый.

– Дополнительные данные для Бакстера с Баннером. А женщина?
– Ее видно лучше, выступала приманкой для мальчишки, – отозвался Рорк, поднимаясь. – Рост метр шестьдесят три, вес пятьдесят пять – шестьдесят. Хорошие ноги. Волосы длинные и светлые, хотя, возможно, парик. Опять же ставим на белую расу. Возраст, судя по телу и голосу, – между двадцатью пятью и тридцатью. Проверил по программе определения диалекта. Северо-запад Оклахомы.

– Хорошо. Уже что-то. А будет и еще больше. – Секунду она смотрела на изображение, словно надеясь силой воли сделать его четким. – Брешь увеличивается... Подбросить в управление, Фини?

– Я на своей. Макнаб тебе нужен?

– Возьму, если обойдешься.

– Бери. Звони, если что. – Фини салютнул Рорку. – С вами приятно работать!

– Взаимно! Поковыряюсь еще полчаса и оставлю доступ открытым, если вдруг захотите прислать дополнительную информацию.

– Спасибо.

Сколько еще таких компьютерных чудес он сегодня покажет, подумала Ева и прогнала прочь эти мысли, ибо все равно не могла преставить такое количество.

– За дело, Макнаб! Пибоди с Баннером уже работают.

– Иду. Прикольные игрушки... – бросил он Рорку, выходя вслед за Фини.

Ева сунула руки в карманы.

– Закроем дело – и в доме останется только один коп.

Рорк подошел и положил руки ей на плечи.

– Мне твои копы нравятся. – Легко ее чмокнул. – Кажется, Баннер – тоже, теперь, когда я к нему присмотрелся. И, кстати, плащ Фини готов, внизу у Соммерсета. Зная вас обоих, я предположил, что ты предпочтешь отдать его без свидетелей.

– Да...

Подарки всегда были для Евы делом малоприятным.

– И вообще, лучше ты.

Прекрасно понимая жену, Рорк сжал ей плечи.

– Идея была твоя, и идея хорошая. Он твой коллега. Как-нибудь переживете. Иди. И будь осторожна. Я совершенно точно хочу увидеть копа вечером в своей постели!

– Ха-ха, до чего ты дожил! – На этот раз уже она его поцеловала. – Спасибо за помощь! Если хочешь, буду держать тебя в курсе.

– Хочу.

– По рукам!

Она широким шагом вышла из лаборатории.

Он посмотрел ей вслед и, потрогав серую пуговицу, которую всегда носил в кармане, вернулся к экранам, чтобы продолжить работу, пока есть время.

Ева сбежала вниз по лестнице, где шумно переговаривались у двери ее копы. Схватив плащ со стойки перил, заметила словно из воздуха возникшего Соммерсета с коробкой, завернутой в простую коричневую бумагу. Не успела ничего предпринять, и он сунул ее ей в руки.

– Как вы просили!

Не теперь, хотела сказать Ева, но коробка уже привлекла внимание Пибоди.

– Что это у тебя?

– Так... – пробормотала Ева, не зная, как уклониться от вручения подарка.

Решила покончить с этим поскорее и сердито зыркнула на Соммерсета.

– Машины поданы?

– Разумеется.

Она еще больше сощурилась, и Соммерсет растаял, как дым.

– Залезайте в машину. Фини, задержись на минутку!

Баннер встал с корточек, распрямляя длинное тело, и напоследок погладил Галахада. Пибоди, выходя, чуть не свернула шею.

– Кое-что, тут... – Ева протянула Фини коробку. – Тебе.

Его руки живо спрятались в карманы, лицо опасно нахмурилось.

– С чего вдруг?

Когда ей дарили подарки, она часто думала то же самое, и потому только пожала плечами.

– Просто...

Фини озадаченно и застенчиво сорвал бумагу. Чтобы не затягивать процедуру, она выхватила у него обертку, скомкала и швырнула на ближайший столик. Принялась надевать собственный плащ.

– Ни хрена себе!

Смущение, ошеломленность и радость. Ева вытянула из кармана шарф. Фини бросил коробку и разворачивал плащ.

– Вот сукин сын!

Поднял на вытянутых руках и ухмыльнулся. Цвета грязи – она выбрала его любимый, – с защитной подкладкой, до середины бедра.

Рорк, отвечавший за дизайн, остановился на свободном простом

покрое, а декоративным элементом сделал пуговицы в виде капитанских нашивок.

– Сварганила мне чертов волшебный плащ!

– Э-э, Рорк...

– Сукин сын! – Продолжая ухмыляться, он ткнул ее кулаком в плечо, немедленно скинул старое пальто, тоже цвета грязи, и швырнул на пол. – И по размеру подходит, проклятое... – Перевернул обновку и, качая головой, обозрел подкладку. – Гениальный плащ, мать вашу за ногу!

Чувствуя себя увереннее в обсуждении натальной брони, Ева расслабилась.

– Не топорщится, легкая и надежная. Отражает прямой удар парализатора – подтверждаю. Нож – тоже, хотя я лично не проверяла.

– Сукин сын!.. – повторил Фини в третий раз и посмотрел ей в глаза. Его уши едва заметно порозовели. – Спасибо.

– Пожалуйста.

Он наклонился за старым пальто и коробкой и снова посмотрел на Еву.

– Большое спасибо.

– Большое пожалуйста.

– Представляю, что будет, когда жена увидит! – Провел рукой по коже плаща. – В погоню за негодяями, детка!

– Этим и занимаемся...

Когда расходились по машинам, Ева в четвертый раз услышала, как он бормочет «сукин сын».

Пибоди устроилась с Макнабом на заднем сиденье.

– Волшебный плащ? – затараторила она. – Ты подарила Фини волшебный плащ? О-о-о!

– Что за плащ? – осведомился Баннер. – Почему волшебный?

– Это полный улет! Смотрите! – Пибоди распахнула розовое пальто и показала подкладку.

С некоторым облегчением Ева завела мотор и предоставила им трепаться о броне.

Макнаб приподнялся и прошептал ей на ухо:

– Для него это очень ценный подарок! Из ваших рук...

Тронул ее за плечо, снова сел и произнес громко:

– Кому горячего шоколада?

Или понимает, что она будет рада, если их внимание переключится, или хочет такой же, подумала Ева.

Она высадила Баннера с Макнабом в управлении и подождала, пока Пибоди перелезет на переднее сиденье, чтобы ехать в лабораторию.

По дороге позвонил Сантьяго.

– Мы в мастерской. Хэнкс уехал по вызову, скоро вернется. Прощупали пока его механика, только из него слова не вытянешь. Можно обработать парочку других – у тетки, которая сидит в конторе, при виде нас глаза на лоб полезли. Нажмешь – все выложит!

– Если Хэнкс не вернется, нажмите. Хотя лучше, чтобы все тихо да гладко.

– Микроавтобус не засветился?

– Пока нет. Я сообщу. Узнай имя, Сантьяго. Имя!

– Работаем. О, Хэнкс подъехал! Перезвоню!

– Рушится стена, – заметила Пибоди. – Кусок за куском.

– Для тех двоих все равно медленно.

Что угодно, лишь бы это ускорить, подумала Ева, торопливо шагая на нужный ей этаж по «муравейнику», в котором работала Девинтер.

Трое врачей в халатах сгрудились вокруг стола. У Девинтер – халат цвета бронзы, почти того же оттенка, что и прямые волосы, которые зализаны назад, открывая эффектное лицо.

Как и Мира, она в туфлях на тонких, словно скальпель, каблуках. Только темно-зеленых, в тон облегающему платью, которое выглядывает из-под халата.

У Девинтер их, наверно, сотня, подумала Ева, – платьев и лабораторных халатов.

Моррис сегодня предпочел мышино-серый халат поверх пиджака и брюк того же цвета, а косичку перевязал маково-красным шнурком. Мира облачилась в синий, как ее глаза, костюм и традиционный белый халат.

Интересная троица вокруг костей покойного.

– Чистенькие! – заметила Ева.

– Поступил сильно разложившимся, – пояснила Девинтер. – Моррис поработал с тем, что осталось от мягких тканей.

– Разумеется, провели реконструкцию, – вступил Моррис, прежде чем коллега углубилась в детали. – И кое-какие анализы, про которые я лучше рассказывать не стану. Заключение тамошнего судмедэксперта не подтверждаем. Умер не в результате падения – явные следы пыток.

– Налицо вопиющая профессиональная халатность! – В голосе Девинтер звучал металл, глаза светились презрением. – Есть раны, которые, безусловно, нанесены с помощью инструментов, несколько пальцев на руках раздроблены тупым предметом, вероятно, молотком. Найдешь орудие – могу провести сравнение.

– Кроме того, он был обезвожен, – добавила Мира. – Не пил минимум тридцать шесть часов до смерти. Если бы получил все эти повреждения в результате падения, умер бы мгновенно.

– Хорошо, это я и хотела услышать. – Ева опустила взгляд на останки Малыша Мела и подумала, что правосудие все-таки свершится. – Что по второму?

– В соседнем кабинете. Провели с доктором Мира визуальный осмотр и приступили к анализам. – Моррис посмотрел на Мира. – Для окончательных результатов и выводов рано, но мы оба считаем, что история похожая.

Обдумывая услышанное, Ева обошла вокруг стола. Малыш Мелвин, ветеран войны, заплутавшая безобидная душа...

– Вот что я сделаю: дождусь от вас окончательных выводов и подробного отчета и только потом поставлю в известность ФБР. Иначе они сунут свой нос и замучают нас проволочками. В бумагах можно потонуть, поэтому мы лучше сами их напишем.

Подняла глаза. Моррис едва заметно улыбался, Девинтер хмурилась.

– Если б под их руководством дело двигалось быстрее и помогло тем двоим, кто еще, возможно, жив, я бы слова не сказала. Но будет по-другому. Возражения?

Мира скрестила руки.

– Природа зверя – бюрократия, вмешательство еще одной структуры замедлит ход. Но как только окончательные выводы будут сделаны, выводы для суда, ты обязана поставить их в известность.

– Обязательно, ничего не скрывая. Дело здесь не в лаврах, а в том, как скоро у нас будет все необходимое, чтобы упечь этих говнюков до конца их поганой жизни. Согласны?

– Хотелось бы закончить начатое без перерывов на бесконечные отчеты, – отозвался Моррис. – Так что согласен.

Когда Девинтер, все еще колеблясь, хмуро посмотрела на стол, Ева слегка наклонила голову.

– Ты, между прочим, украла собаку...

– Перестанешь ты меня когда-нибудь этим попрекать?! Согласна. Но следуем правилам во всем, до мелочей!

– Я не против. Держите меня в курсе. У ФБР нет специалистов вашего уровня – помогут вам только останки тех, кого мы не спасли. А я сделаю все, чтобы спасти тех, кого еще можно. И вместе засадим ублюдков за решетку.

– Кстати, – добавила Мира, – отчет я прочитала. Да, могли перейти на

двоих, и тогда Кемпбелл с Маллиганом оба живы. Эскалация жестокости. Чем дольше не находим труп Кемпбелл, тем выше шансы. Сомневаюсь, что они изменяют тактику и станут прятать тело, веских причин нет.

– В таком случае, если не всплывет ничего нового, буду считать, что оба живы.

Ева направилась к выходу, и Пибоди прибавила шаг, чтобы не отстать.

– Что скажешь Уитни?

– Все. Если он прикажет вмешать федералов, так тому и быть. Хотя думаю, согласится со мной. Они не сделают с останками больше, чем Мира, Моррис и Девинтер, особенно учитывая, что уже однажды от них отказались. Что до оперативных мероприятий, передам агенту все, что имеем: про пикап, микроавтобус, тех, кого вычеркнули из списка. Чтобы спасти Кемпбелл и Маллигана, важна любая помощь.

– Я полностью за.

Ева решила сэкономить время и позвонила Уитни по дороге, из машины. Он выслушал, почти не прерывая.

– Сегодня утром детектив Пибоди не отправила ФБР копию отчета.

– Нет, сэр, я сама дала ей список. Хотела, чтобы сначала с ходом дела ознакомились вы.

– Что у Кармайкл и Сантьяго с этим Хэнксом?

– Сейчас с ним разговаривают, сэр. Пока не перезванивали.

– Сразу мне сообщите. Независимо от результата я информирую ФБР о текущем состоянии дел. Что до лаборатории, ФБР отказались включать те жертвы в данное расследование и потому подождут.

Ева удовлетворенно припарковалась на стоянке в управлении.

– Спасибо, сэр! Иду в отдел. Если через десять минут из Оклахомы не будет новостей, сама позвоню Кармайкл.

Она вылезла из машины и стремительно направилась к лифту.

– Не будем сбавлять темп. Дай Баннеру в помощь патрульных, пусть поделится списком. Охватим, что можно. Иногда везет.

Шагнули в лифт, и сразу зазвонил телефон.

– Есть новости, Сантьяго?

– А может, сразу имя, босс? Дэррил Рой Джеймс!

– Пибоди!

– Пробиваю.

– Кто такой?

– Сын женщины Хэнкса. Как официальная сожительница не зарегистрирована, но вместе почти десять лет. Парень работал у Хэнкса в мастерской. Хороший механик и ленивый говнюк – так Хэнкс его

охарактеризовал. Уехал, когда стукнуло шестнадцать, отсидел в тexasской колонии для несовершеннолетних за угоны, вернулся домой, снова устроился к Хэнксу. В июле пятьдесят седьмого опять исчез, на этот раз на «Бобкэте», который спер из гаража, заодно прихватив шесть тысяч наличными, инструменты, старинный охотничий нож и прочее. Мать умоляла не заявлять в полицию, и Хэнкс не стал ссориться. Потом Джеймс отмотал срок в Оклахоме. Четыре года за попытку вооруженного ограбления – хотел стащить в магазине обручальное кольцо с брильянтом. При нем был тот самый охотничий нож.

– Кольцо для женщины. Истинная любовь у извращенцев...

– Возможно. Сел в декабре пятьдесят седьмого, вышел в начале августа прошлого года. Скостили за хорошее поведение.

– По времени совпадает. Знают, где он?

Двери лифта открылись, хотели войти трое патрульных.

Ева набычилась и положила руку на парализатор.

Троица попятилась.

– Хэнкс говорит, нет, и я верю. Он по нему не скучает, лейтенант. Смирился с потерей пикапа и ножа из-за любовницы, но, когда мы упомянули про сукина сына, взорвался, как вулкан! Кармайкл сейчас разговаривает с матерью. Она, кажется, тоже ничего не знает. Божится, что не говорила с сыном с середины лета, еще до того, как он уехал, и, видимо, не врет. Упоминала про какую-то женщину, что все из-за нее.

Сантьяго умудрился одновременно закатить глаза и ухмыльнуться.

– Кармайкл сейчас разбирается.

– Узнайте все, что можно, и возвращайтесь.

– Жду не дождусь. Йо-хо-хо, черт возьми!

– Пибоди! – Ева дала отбой и на этот раз вышла, когда открылись двери и в лифт повалили копы.

– Джеймс, Дэррил Рой, двадцать пять лет, не женат, ребенок.

Ева резко обернулась.

– Ребенок?!

– Значится отцом Дарры Луиз Джеймс, рожденной в апреле прошлого года. Мать – Элла-Лу Парсенс, двадцать шесть лет.

– Это она! Точно! – Ева взбежала по эскалатору. – Как, скажи на милость, они проделывают все это с ребенком на руках?

– Господи, бедная девочка! И года нет...

Ева вытащила телефон.

– Кармайкл, спроси мать, знает ли она про ребенка! Знает, что она бабушка?

– Мать честная! Наверняка нет! Минутку...

Ева пробивалась в отдел. На экране снова возникла Кармайкл, стали слышны причитания.

– Про ребенка слышит впервые и имени той женщины тоже не знает. Дэррил только сказал, что влюбился, встретил родственную душу. Называл своей Джульеттой – поклонник Шекспира. Ромео, злосчастные любовники и все такое. Это когда она навещала его в тюрьме.

– Успокой ее и еще порасспроси. Оставайтесь с Сантьяго там, пока не перезвоню. Возможно, задержитесь.

– Тогда куплю себе чертовы ковбойские сапоги!

– Только не розовые, Кармайкл, не то сверну тебе шею! Поработай с матерью. Она может знать больше, чем сама думает... Пибоди!

Та зачитала с карманного компьютера:

– Парсенс, Элла-Лу, уроженка Элк-Сити, Оклахома. Задерживалась пару раз за хранение наркотиков. По-моему, дешевка. Не замужем, официальных сожителей нет. Часто меняла место работы, последнее, самое продолжительное, – с января пятьдесят восьмого по август прошлого года. Бар «У Ринго», Мак-Алестер, Оклахома. Послушай, Даллас, это же там тюрьма!

– Хотела быть рядом со своим мужчиной, ждала его. Почти четыре года – преданность. Что еще по работе?

– С марта по июль пятьдесят седьмого – «Ковбой и лассо», Драй-Крик, Оклахома.

– А Дэррил угнал пикап, прихватил наличные, инструменты и нож в июле, выехал оттуда и, чует моя задница, направился в «Ковбой и лассо»!

Ева вошла в отдел, подняла руку, жестом прося ничего у нее не спрашивать, и снова позвонила Сантьяго:

– Закругляйтесь и срочно дуйте в Драй-Крик!

– Вот те на...

– Бар «Ковбой и лассо». Покажите фотографии, узнайте, что можно, о Джеймсе и Элле-Лу Парсенс, она там работала. Оттуда – в Элк-Сити к матери Парсенс.

Ева повернулась к Пибоди.

– Джейнлин, – подсказала та.

– Джейнлин. Пибоди скинет вам инфу. И последняя, пока, остановка – Мак-Алестер. Поговорите с начальником тюрьмы и наведаетесь в бар «У Ринго», где Парсенс работала, пока Джеймс мотал срок. Разузнайте, кто что слышал. Я этих двоих, Сантьяго, посажу в мешок, а то, что вы с Кармайкл нароете в Оклахоме, поможет завязать его покрепче.

- Поставьте за меня свечку, лейтенант!
- Что?
- Я проиграл Кармайкл пари, и теперь она поведет. Вы бы видели, как она лихачит! Душа в пятки уходит!
- Зато доберетесь быстро. Как только что-то узнаете, сразу докладывай. Рушится стена, трещит по швам...
- Шандарахнем молотком! За дело берется западное отделение полиции Нью-Йорка!
- Пибоди, скинь им все необходимое... Если что-то срочное, говорите сейчас, – обратилась она ко всем сразу. – Если не горит, дайте мне десять минут.

Подождала пять секунд, развернулась и ушла в кабинет, закрыв за собой дверь. Сбросила плащ и все записала.

Добавила материал на доску.

Села, закинула ноги на стол и погрузилась в мысли.

Парень входит в бар... Как в начале анекдота, только не смешно...

Между ними двумя, без цели в жизни – дешевками, как выразилась Пибоди, – пробегает искра. Без этой встречи и этой искры, возможно, они так и остались бы бесцельными дешевками. Но от искры затлело что-то порочное.

Их тянет к пороку, отчасти из-за этого они и вместе.

Ева внимательно посмотрела на доску, где на переднем плане красовались Дэррил и Элла-Лу.

Из них двоих она – с мозгами. Насколько тут вообще можно говорить о мозгах... А он романтик. Замели, когда попятил банальное обручальное кольцо.

«Спорим, Элла-Лу, тебя эта глупая выходка тронула! Он не предупредил, хотел сделать сюрприз. И ты нашла себе очередную дерьмовую работенку и принялась ждать. Три с половиной года – своего рода любовь, преданность! Залетела, наверно, на тюремном свидании. Еще один связующий компонент. Нарочно подгадала, да?»

Ева встала и прошла по кабинету.

Черт, как они катаются, похищают, пытаются и убивают с ребенком на руках? Или кинули где-то? Но не просто же у кого-то на пороге – какой смысл рожать, если собираешься бросить на произвол судьбы?

Покрутила мысль в голове. Может, Элла-Лу – последовательница Стеллиной школы материнства? Рожает, потому что выгодно или удерживает мужчину...

Прогнала эти мысли, поскольку не видела, как они в данном случае

помогут следствию.

Итак, Элла-Лу ждала Дэррила. Когда он откинулся, рванули на восток. В том самом угнанном у Хэнкса пикапе. Староватеньком уже – не отремонтированном три с половиной года.

Дэррил чинит, но машина все равно подыхает на глухой дороге на границе с Арканзасом.

Тут-то и началось. Искра взлетела, словно ракета.

– Теперь я вас знаю, – бормотала Ева. – Нароем и еще, но я вас уже знаю. И я вас найду!

Скорее, думала она, как можно скорее, иначе Джейлу Кемпбелл не спасти.

Глава 17

Она снова потеряла счет времени. Проснулась от невообразимой боли. Та же лютая боль, расходящаяся по всему телу, показала ей, что она еще жива.

«Джейла Кемпбелл, – думала она, продираясь сквозь туман страдания. – Я Джейла Кемпбелл, и я жива».

Повернула голову, очень медленно, потому что от малейшего движения тело охватывала агония. Его больше не пытали. Маллигана, Рида Маллигана. Когда нашли его без сознания на полу, взвалили обратно на раскладной стол, приложили лед к сломанному запястью и даже дали какие-то лекарства.

Переговаривались, что он должен быть в форме, чтобы снова ее насиловать.

Обсуждали подробности, хихикали. Будут меньше издеваться и увеличат дозу «эротики», чтобы хватило на дольше.

Дали ей что-то, что вызвало тошноту и слабость. Говорили о ней как о животном.

Элла-Лу заявила, что Джейла воняет и ее надо помыть, если они собираются продержат ее еще день-другой.

Когда Дэррил ее поднял, Джейла пыталась сопротивляться. Боль всколыхнулась горячей волной, накрыла с головой... Они смеялись. Она старалась не плакать.

Нелюди! Сквозь наркотики, обезвоживание и шок они виделись ей чудовищами, демонами с красными глазами и трепещущими языками. Бросили в ванну с такой горячей водой, что Джейла чуть не ошпарилась. Кляп заглушил крики.

Окунули с головой, вытащили за волосы. Снова и снова она глотала воду, давилась и наконец просто молила о конце.

Очнулась на столе, нагая, трясась от холода и утопая в океане боли.

Слушала тишину.

– Кажется, заснули...

Повернула голову. Глаза Маллигана были обращены на нее.

– Хотели тебя разбудить, но ты все не приходишь в сознание, и они куда-то вышли. Не знаю, когда. Мне что-то дали, я все время отключался. Потом услышал смех и секс. Потом стихло. По-моему, спят.

Она попробовала облизать губы, сухие, как наждачная бумага.

– Сколько спят?
– Не знаю. Мне что-то дали. Прости... Прости, что не добрался до ножа. Не вышло.

Она и забыла... Казалось, с того проблеска надежды прошел месяц.

– Твоя рука...
– Лучше. Если развяжусь, попробую опять.
– Они пока не станут тебя сильно мучить. Им надо, чтобы ты был в форме и снова меня изнасиловал.

Он закрыл глаза.

– Господи! О господи! Я не хочу...
– Мне все равно, я уже говорила. И еще. Я слышала, как они разговаривали. Они меня помыли, потому что хотят продержат в живых еще пару дней, чтобы ты меня насиловал. Они от этого торчат. Я хочу жить, и потому ты должен делать, что скажут. А я буду кричать и вырываться. Заставлю их поверить, что мне не все равно. Мы живы, пока их заводим.

Его глаза на бледном лице в кровоподтеках вспыхнули темным свирепым пламенем.

– Убил бы!
– Может, и убьешь.
В безобразном желании проскальзывала надежда.
– Заставь их думать, что ты слаб и напуган.
– Так и есть.
– Не настолько. И в следующий раз ты доберешься до ножа.
– В следующий раз... – повторил он. – У тебя кто-то есть? В смысле, ты встречаешься?

– Уже нет.

Маттио представлялся далеким, как из другой жизни. Джейла подумала о Люке, и эта мысль ее немного утешила.

– Есть один парень, которому мне следовало бы уделять больше внимания. Теперь жалею. Сосед по лестничной клетке. А у тебя?

– Уже нет. – Он слабо улыбнулся. – Есть одна девушка. Я запал, но боялся показать. Хоть бы еще один шанс!

Слезы жгли ей глаза. Надежда резала, точно ножом.

– Устроим свидание на две пары?
– Ага. Нас ищут – друзья, родные, полиция. Должны искать!
– Да. И мы сделаем все, чтобы дождаться помощи. Двойное свидание... – произнесла она и закрыла глаза.

Через десять минут Ева вышла из кабинета.

– Я слушаю.

– Лейтенант, на пару секунд! – Дженкинсон вылез из-за стола. На нем был фиолетовый галстук с длинноухими белыми кроликами и оранжевой морковкой.

– Где ты только их берешь?!

– Плевое дело, босс! А я вот о чем: вызвали сегодня на побои...

Он изложил суть: полиция получила наводку от не очень надежного информатора, что виновник посещает сомнительную бильярдную в Чайнатауне.

– Осведомитель говорит, что, если мы туда явимся с расспросами, они в рот воды наберут или станут его покрывать. А у нас чувство, что осведомитель темнит. Думаем пойти туда в штатском, поиграть в пул, осмотреться.

– Давай, только галстук смени. Знаешь, где найти информатора?

– Легко!

– Натрави на него патрульных, пусть задержат на несколько часов, пока вы в бильярдной.

– Приступаю. Сантьяго и Кармайкл рыбачат в Оклахоме?

– Уже кое-что поймали. Скоро двинутся обратно.

– Нам бы онигодились. Еще два незакрытых дела!

Она кинула взгляд на общую доску, запустила пятерню в волосы. Как много! Всегда много...

– Могу отдать Бакстера.

– Черт, Даллас, он с этим мальчишкой и экзаменом как отец в ожидании прибавления семейства! Лучше его не трогать, мы разберемся. Малый, наверно, того стоит. Как думаете?

– Скоро узнаем. Ступай играть в пул. Пибоди, я поработаю с картами. Дженкинсон и Рейнеке занимаются побоями. Посмотри, что еще есть, а потом передай Бакстеру.

– Хочешь, чтобы я бросила наше расследование?

– Совмести. Как жонглер, сразу несколько шаров. Ориентировка на машину разослана, детективы в Оклахоме проверяют прошлое преступников и уточняют хронологию, Бакстер с нашим гостем стирают подметки. У нас есть имена, лица. Я попробую сузить квадрат поиска. Если только ты не собираешься опрашивать жильцов по квартирам – а до этого вполне может дойти, – то на данную минуту мы для Кемпбелл и Маллигана ничего сделать не можем. Пока брешь не расширится...

Ева указала на плакат над комнатой для отдыха:

Независимо от вашей расы, вероисповедания, сексуальной ориентации и политических взглядов мы всегда на страже, потому что вас могут убить.

– Относится ко всем. Поработай, передай Бакстеру, и может, он еще до вечера упрячет злодея за решетку.

Она вернулась в кабинет, потерла руками лицо. Включила карту.

И начала высчитывать.

Полчаса спустя квадрат поиска очертился более точно.

Добавить ориентировку на микроавтобус? Нет, если ошиблась, пусть всего на квартал, это может стоить тем двоим жизни...

Запустила поиск по крытым парковкам. Вряд ли они бросают машину на улице. Пустим копов по стоянкам и подземным парковкам, кто знает...

Автомобиль приблизил бы их на шаг к Парсенс и Джеймсу.

Раздался звонок. Сантьяго. Ева бросилась к телефону.

– Докладывай хорошие новости!

– Как насчет маленькой девочки, которая только начинает ходить?

– Сбагрила ребенка матери?

– Ага! Ни слуху ни духу почти год, а потом, в июне, заявляется с дитем на руках. Наплела небылицу, как втюрилась, думала, поженятся, а потом залетела, и он ее бросил, навзничь на полу, подбив оба глаза. Целый спектакль!

– Да, она с мозгами... – задумчиво произнесла Ева.

– Божилась, что поняла, как важна семья, и что крошке Дарре нужен хороший дом. Обещала доучиться и найти хорошую работу – лишь бы мать с отчимом не выгнали.

– Знает, на какой струне сыграть.

– Сыграла виртуозно! Меньше чем через две недели свалила, прихватив ценности и деньги. А ребенка бросила. С тех пор ни весточки. И они ее не покрывают, Даллас. Оба боятся, что мы заберем у них девочку. На прошлой неделе консультировались с юристом, как им ее удочерить, чтобы Элла-Лу не отобрала. Они хорошие люди, стараются, как могут. Кстати, Элла-Лу приезжала туда на «Бобкэте».

– У нее есть подруги, кто-то, кому она могла рассказать правду?

– Кармайкл собирает данные. Мать считает, что вряд ли – Элла-Лу достала всех еще в прошлый раз. Но все равно проверим.

– Кто теперь поведет?

Его лицо помрачнело.

– Мой вам совет: не заключайте пари с Кармайкл! Можно сразу пересаживаться на пассажирское сиденье!

– Учту. Чтобы убедиться на сто процентов, поговорите с ее знакомыми, попробуйте получить доступ к их телефонам. Вдруг она выходила на связь...

– Они сами уже предложили. Заскочим еще к местным копам, может, что нароем.

– Так держать! Не сбавляйте темп и позвоните мне из следующего пункта!

Она только-только дала отбой, как раздался входящий от Бакстера.

– Двойное попадание, босс. Пиф-паф! Сначала пусто да пусто, а потом сразу два: ломбард и пиццерия, то и другое на Хадсон-стрит. Ломбард между Хадсон и Кинг-стрит, пиццерия – между Чарлтон и Вандам.

Ева повернулась к доске.

– Зашибись!

– После дружеских уговоров в ломбарде подтвердили, что Джеймс дважды заходил на прошлой неделе. В пиццерии видели обоих. Два раза, заказывали на вынос. Еще проверим китайский ресторанчик и сувенирную лавку в соседнем квартале.

– Отлично, Бакстер, действуйте! Я отправлю патрульных опрашивать население по домам и заведениям. Если преступники гуляли по району, сможем сузить квадрат поиска. А что он закладывал?

– Двое мужских часов. Спортивные и обычные, дорогие. Планшет – начисто вытертый, – музыкальный синтезатор, развлекательный экран, старинную вазу и серебряный медальон святого Христофора. Ничто в розыске не значит.

– Забери планшет. В ОЭС посмотрят, правда ли начисто. Отправь мне фото и описание вещей. Проверю по жертвам. В ломбарде и пиццерии был в один и тот же день?

– Первый раз – да, с интервалом часов в шесть. Второй – в разные.

– Ладно, держи меня в курсе.

– Конечно. А кстати! Трухарт мне еще не звонил. Не знаете, как...

– Еще рано, занимайся делом.

Она дала отбой и вернулась к карте.

Снова все просчитала. Еду покупают где-то рядом с домом. Если бы на машине, разницы бы особой не было, но...

Слишком большой интервал между ломбардом и пиццерией. Шесть часов. Нет, в ломбард он приехал на машине, а потом пришел за едой. И еще дважды в том же квадрате.

Потому что легко и быстро.

Ева отрезала шесть кварталов на севере и три на востоке и занялась данными, которые прислал Бакстер. Сравнила с вещами, похищенными у жертв.

Планшет, часы. Ничто не совпало с заложенным в ломбарде.

Обобрали кого-то в Нью-Йорке?

Рывком встала, прошлась по кабинету. Ничто не заявлено, отсюда вывод: владельца вещей нет в живых.

Однако труп не нашли. Это точно – когда находят тело, проверяют место жительства.

А Джеймс и Парсенс как раз там и засели. Получается, что так...

Повернулась к карте.

– Я уже близко, уроды! Дышу вам в затылок!

Подошла к двери.

– Пибоди!

Вернулась к карте, словно надеялась силой воли определить, где их логово.

– Да, сэр!

– Сужаем район поиска. Бакстер и Баннер кое-что нарыли. Отправлю в наш квадрат патрульные машины, пусть ищут микроавтобус. Ребенок у матери Парсенс.

– Слава богу! А то мне все представлялось, как она выкидывает младенца на ходу из машины!

– Ребенок был ей нужен. Потом прикинулась, что исправляется ради своей крохи, подождала несколько дней, прибрала к рукам что можно и слиняла, бросив вышеназванную кроху. Здесь больше уже ничего не выжмешь, но Кармайкл с Сантьяго еще пораспрашивают...

– У меня несколько версий по другим делам для Бакстера.

– Поработай, выбери основную, ты главный следователь.

– Но...

Ева взглядом пресекла возражения.

– Дел по горло, Пибоди! Займись одной из версий. Отправляй мне отчеты, я помогу. Если еще что-то появится, я тебя привлеку, но сейчас просто маленькие шажки, подсчеты и ожидание новых данных. Скоро поставлю в известность агента ФБР.

– Оно тебе надо?

– Оно мне надо. Когда Баннер вернется, вези его ко мне домой. Поработаем вечером, если до этого не закроем их.

– Хорошо, – вздохнула Пибоди. – Возьму что-нибудь, а остальное

передам Бакстеру. А как выбрать?

– Наугад. Тебе не в первый раз.

– Да, но раньше ты всегда была рядом...

– Я и теперь рядом, держи меня в курсе и работай. Иначе зачем получала жетон?

Пикнул телефон.

– Это Мира, надо ответить. Ступай жонглируй!

– Я же могу тебе позвонить, если что?

– В крайнем случае. А теперь катись отсюда! – Ева схватила телефон. – Даллас!

– Сейчас буду в управлении. Хотела сказать: обеих жертв пытали и убили ваши преступники.

– Элла-Лу Парсенс и Дэррил Рой Джеймс.

– Поймали?

– Нет, установили личность. Есть еще кое-что. Могу подойти к тебе.

– Лучше я. Через пять минут.

Она не заставила себя ждать. За дверью послышался стук каблучков. Когда Мира вошла, Ева протянула ей кружку цветочного чая.

– О, благодарю! Мой любимый!

– Не садись на этот стул, ты же знаешь.

– Да, сегодня весь день на ногах, пожалуй, сяду на твой, спасибо. – Мира неторопливо отхлебнула чай. – Нельзя сказать, что местные судмедэксперты делали свою работу совсем тят-ляп, но заключения по обеим жертвам ошибочны. Характер ран оценен неверно. Что ж, у них меньше опыта и техническое оснащение похуже, можно понять.

– В обоих случаях нашлись люди – Баннер и жена второй жертвы, – которые добивались продолжения следствия. А местная полиция и ФБР отправили их восвояси.

– Согласна, однако версия случайной смерти объяснима. Тем не менее их убили. Девинтер сейчас пишет отчеты по обоим, во всех подробностях.

– Не сомневаюсь.

– Она послала запрос на эксгумацию останков Ноя Пастона.

– Придется все-таки угостить ее выпивкой!

Мира улыбнулась.

– А ты занята тем, что происходит сейчас, и остальное не важно...

Ева отрицательно покачала головой.

– Важно. Жертвы всегда важны. Я благодарна, что ты нашла время и добавила веса этому делу. Поставлю агента Звека в известность относительно ваших выводов и сообщу, что скоро будет готов отчет

Девинтер.

Ева повернулась к доске, указала на Парсенс и Джеймса.

– Они заплатят за тех двоих, кому вы сегодня отдали свое время и опыт. И за Ноя Пастона. За всех! Кстати, у них есть ребенок...

– Прости, что? – Мира потрясенно поставила чашку. – У преступников ребенок?

– Маленький. Родила, пока Джеймс сидел за попытку украсть для нее кольцо. Истинная любовь.

– Ребенок все меняет! – Мира повернулась к доске. – Если они возят за собой по стране...

– Нет, Элла-Лу сбагрила дочь матери. Судя по датам, забеременела на свидании в тюрьме и родила до того, как Джеймс вышел. Заявилась домой, наврала, что начинает жизнь с чистого листа, стянула все, что плохо лежит, и уехала, бросив младенца. С тех пор ни разу не дала о себе знать.

– Джеймсу известно о ребенке?

– В свидетельстве о рождении записан как отец. Так и выяснили. Назвала девочку Дарра. Думаю, это от имени Дэррил.

– Понятно. – Мира медленно кивнула, переваривая информацию. – Родила ребенка, физическое доказательство любви, но не испытывала материнских чувств и не хотела возить с собой. У них сейчас что-то вроде медового месяца.

– Ага, мне это тоже в голову пришло. Теперь я ее знаю. Рождение ребенка преследовало цель еще крепче привязать Джеймса. Ребенок был и остается средством, не больше. Если мамаша сочтет, что он полезен, – вернется за ним, а так плевать она хотела.

Мира кивнула и отхлебнула чай.

Ева прекрасно поняла ее молчание и спокойно, потому что это больше не трогало, произнесла:

– Стелла родила меня, тоже преследуя цель. Терпела, потому что я была мала и временно непригодна для роли, которую мне уготовили. У Стеллы с Троем и потом с Маккуином было что-то похожее на страсть Эллы-Лу к Джеймсу. Только Трой и Маккуин доминировали. А в данном случае всем заправляет Парсенс. Может, она это не выпячивает, позволяет Джеймсу думать, что он большой сильный мужчина, но на самом деле верховодит она.

– Роли могут меняться.

Ева покачала головой:

– Нет, я теперь ее знаю. Родила ребенка, бросила. Держу пари, в тюрьму на свидания ходила, как часы. Ждала его. Три с половиной года –

не шутки!

– Они думают, что это любовь, которая бывает раз в жизни. Для них это любовь.

– Да, и Парсенс пойдет на все, чтобы его удержать. Он романтик, поэтому, когда кольцо сомкнется, может пожертвовать собой ради нее. Называет ее своей Джульеттой. Любит Шекспира.

– И не понимает, что «Ромео и Джульетта» – трагедия, а не любовная история. Да, есть вероятность, что он умрет, защищая ее, но вряд ли они решат покончить жизнь самоубийством. По крайней мере, она. Ими движет не желание славы и даже не кураж смерти. Это любовь, сексуальная связь, усиленная садизмом. А чтобы любить, надо жить.

– Учитывая все это, как думаешь, Кемпбелл еще жива?

Взгляд Мира скользнул по фото на доске.

– Вероятность выше, чем я предполагала утром. Сколько это продлится... Во всех убийствах, которые они совершали в городах, трупы небрежно выбрасывались без малейших попыток спрятать. Не вижу причин, почему в Нью-Йорке они изменили бы тактику. Следовательно, пока нет тела, она жива.

– Еще сутки или полтора максимум. Надоеет, и захочется новенького.

– Согласна.

Ева прошла до узкого окна и обратно.

– Если дать СМИ их имена и фото, есть шанс, что их опознают. С другой стороны, они увидят себя по телевизору, убьют захваченных и сбегут. Ими движет не желание славы, – повторила Ева.

– И снова соглашусь. Нелегкий выбор.

Ева никак не могла решиться...

– Не буду ничего сообщать СМИ, если только не поступит приказ. Я и федералов не спешила уведомлять, потому что они могут пойти этим путем. Поддержишь меня, если что? Для тебя решение тоже непростое.

– Да нет, все в порядке. Я думаю, что преступники в случае огласки постараются свести к минимуму ущерб и сбегут из Нью-Йорка.

– Мы сужаем квадрат поиска – хоть и слабое, а утешение. Баннер и Бакстер нашли две точки, где их видели, в квартале друг от друга. Петля затягивается.

– Напишу отчет. – Мира допила чай и встала. – Я знаю в ФБР пару-тройку шишек. Поговорю.

– Если это не поможет, ничто не поможет. В любом случае сутки выиграем. А больше у Кемпбелл, пожалуй, и нет. Маллигана, скорее всего, прикончат вместе с ней или сразу после. Если у меня будет день-полтора,

должно хватить.

– Буду добиваться тридцати шести часов.

– Спасибо!.. У тебя усталый вид.

– О да! Закончу тут кое-что и – домой. Попрошу Денниса сделать мне массаж стоп.

– Шутишь?

– Он делает абсолютно фантастический рефлекторный массаж!

Кстати, ты тоже уставшая...

– Вряд ли Рорк разбирается в рефлексотерапии.

– Полагаю, у него в арсенале есть другие методы. В любом случае советую отдохнуть часок, проветрить голову. Насколько я тебя знаю, ты полночи будешь работать, так что сначала развейся. Пойдет только на пользу!

– Может, и отдохну...

Мира повернулась к двери, помедлила.

– Эта девочка, Дарра, в хороших руках?

– Сантьяго говорит, мать и отчим Эллы-Лу – неплохие люди и хотят ее удочерить. Все лучше, чем с мамашей.

– Вот и не забывай об этом, ты ведь будешь о ней думать. Каким бы эгоистичным и бездушным ни казался поступок Парсенс, она оказала дочери большую услугу. Ее окружают любовью и заботой.

И жизнь ее сложится намного лучше, чем у многих, подумала Ева, оставшись одна. Если повезет, выйдет толк...

Вернулась к мыслям о работе, села и связалась с шефом, чтобы впрямь в дело федералов.

Глава 18

Переговорила с Уитни, очень обрадовалась, что он сам побеседует с агентом Звеком. Когда уже собиралась домой, в дверях возник Бакстер.

– Еще одно попадание! В китайской забегаловке!

Она бросила плащ.

– Выкладывай!

– Покупали еду вчера вечером. Бывали вместе и врозь, заказывали по телефону.

– Можно отследить.

– Тут проблемка. Их система перегружается каждые четыре-шесть часов. Баннер понес телефон в ОЭС, но он старый, дерьмовый. Даже мне понятно, что вытащить что-то спустя сутки нелегко. То же с камерой. Он понес в ОЭС копии.

– Пусть отправит мне все на домашний комп.

– Уже. С сувенирными лавками пока ничего, зато повезло в хозяйственном.

Его взгляд скользнул на автоповар, и Ева сдалась, кивнув в сторону агрегата:

– Валяй.

– Спасибоочки!

Она смотрела, как он включает программу.

– Хочешь шоколадку?

Поднял невинные глаза. Невинные коповские глаза...

– У вас тут есть шоколадки?

Ева погрозила пальцем.

– Ты что-то знаешь! И теперь, когда ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь, поплясал бы ты у меня, как уж на сковородке, если б только было время!..

– Что случилось, лейтенант? – Бакстер как ни в чем не бывало отпил кофе. – Кажется, вы немного на взводе.

– Пошел ты! Так что хозяйственный?

– Ну да, Западный Бродвей, рядом с Принс-стрит. Проходили мимо, и меня что-то кольнуло. Зашли – повезло! Джеймс был дважды. Продавец запомнил из-за акцента. Заплатил наличными – тоже привлекло внимание. Скотч, веревка, моток целлофана. На вид дружелюбный, в меру разговорчивый. Сказал, что недавно перебрались с женой в Нью-Йорк и ей

очень нравится.

– Приезжал на машине?

– Продавец не заметил, но думает, да, потому что купил большой моток пленки. Сказал, что у него еще дела. Мы прошлись по соседним продуктовым магазинчикам. Сначала ничего, потом повезло в одном круглосуточном. Взяли записи с камер. В хозяйственном он был четыре дня назад. Всех предупредили, как обычно: не показывать виду, не вступать в конфликт, звонить девять один один.

– Изложи в отчете, с адресами.

– А Парсенс видели в магазинах Сохо.

– Да ты что!

– Посмотрели записи с камер. Купила пару сексуальных трусиков и стянула лифчики к ним и платье. Продавец в бешенстве, что не засекли.

– Грязная работа с обеих сторон... Не могут не воровать. Рано или поздно их поймают, когда попытаются слямзить кружевное белье или выпивку. «Поздно» нам не подходит, поэтому будем стягивать петлю. Они ходят, ездят, покупают еду и шмотки... – Ева повернулась к карте. – У нас от силы двадцать четыре часа, прежде чем убьют Кемпбелл. И столько же, прежде чем федералы дадут в СМИ их приметы и имена, и тогда Кемпбелл и Маллигану точно конец, а эти говнюки пустятся в бега.

– Могу снова подключить Баннера. И мальчишку. Он едет с экзамена. Мы все проверили, Даллас. Остается только патрулировать район на машинах и своих двоих.

Она об этом думала...

– Я уже отправила патрульных. Есть еще трупы, с которыми надо разбираться. Пибоди занимается одним делом и передаст тебе второе. Поработайте вместе с Трухартом.

– Хорошо, как раз отвлечется от экзамена. Он думает, что сдал, хотя пару раз пришлось понервничать. Кстати, у них запарка – сюрприз! – и результаты только послезавтра...

Искоса взглянул на Еву:

– Может, вы бы ускорили?

– У нас трупы, Бакстер, и люди, которые пока дышат и, я надеюсь, не перестанут. Давай сосредоточимся!

– Да, верно... Он ничего, готов подождать, это мне не терпится. Ладно, я погнал.

Она и сама мечтала взяться за дело и перестать отвечать на вопросы всех еще дышащих.

Схватила плащ и смылась к черту, пока никто ее снова не перехватил.

Проедет по зоне поиска. Или пройдет.

Эти двое проложили свой кровавый путь на восток безнаказанно не потому, что гении, а потому что постоянно перемещались и местная полиция не успевала вовремя связать одно с другим и подключить ФБР.

А теперь они свили гнездышко, думала Ева, втискиваясь в лифт, где копов было как селедок в бочке. Обустраивают дом, обживаются в городе и районе.

Гуляют.

И совершенно не чувствуют опасности.

Не прячутся, не бегут, не переезжают.

Пока...

Она локтями проложила путь к выходу на нужном этаже и по дороге к машине вытащила запикавший телефон.

– Большой привет из «Ковбоя и лассо»! – прокричала Кармайкл. – Йо-хо!

– Вам надо скорее оттуда выбираться, черт дери.

– Фигово, Даллас, – меня только что обозвали маленькой леди! А я не маленькая! И не леди! Хотела вмазать засранцу, но он такой чертовски милый... Извини, отвлеклась. Элла-Лу Парсенс работала официанткой и предлагала за плату сексуальные услуги на стороне. Без лицензии, здесь формальностями не слишком озабочены. Чертовски милый бармен сказал Сантьяго – не захотел, понимаешь, обсуждать такие подробности при маленькой леди, – что специализировалась на орале.

– Дает контроль над процессом.

– Еще бы! Знаю по собственному опыту... Была стервозной, твердила, что переберется на Восточное побережье. Хвалилась, будто копит деньги и считает дни, когда наконец стряхнет с сапог пыль прерий и заживет городской жизнью.

– Девушка с большой мечтой. А Джеймс?

– Тут бармен не уверен, но я нашла другую официантку – подозреваю, тоже оказывает услуги. Она его помнит.

– Эй, детка! – раздался за экраном пьяный мужской голос.

Кармайкл посмотрела в сторону.

– Покружись со мной в танце!

– Ты давай, начинай кружиться, а я скоро подойду.

– Ладненько!

– При желании можно за один поход в это заведение покувыркаться раз десять! Шучу, – добавила Кармайкл.

– И сколько их у тебя кружится?

– Сбилась со счету... – Кармайкл похлопала ресницами. – Надо думать, Элла-Лу зарабатывала больше сексом, чем пивом. Официантка вспомнила, что она сразу запала на Джеймса, точно он был манной небесной. Даже затащила напарницу в туалет и пригрозила, чтобы та – цитирую – «не смела класть на него свой блядский глаз», а то она ей «сиськи отрежет». А потом эта официантка вышла на заднее крыльцо отдохнуть – и, наверно, курнуть что-нибудь запрещенное – и увидела, как он трахает нашу красавицу у мусорки, словно отбойным молотком работает.

– С ходу секс.

– Не будем забывать про орал... Больше их не видели. Элле-Лу причиталась плата за два дня, но она компенсировала убытки, стянув из подсобки ящик пива. И, по словам Чертовски Милого, в кассе в тот вечер недосчитались нескольких сотен. Расспросим чувака, у которого она снимала жилье. Говорят, бросила почти все и осталась должна за две недели.

Ева вклинивалась в поток машин.

– Секс и воровство. Но ограничиться ими не смогли... Что там за грохот?

– Играет группа, а с двух до четырех – караоке в стиле кантри. Веселятся круглые сутки.

– Уже полпятого, пора бы закругляться.

– Полчетвертого, лейтенант.

– Как... Ладно. Проверьте жилье, а потом дуйте в тюрьму. Скину вам последний отчет. Вы молодцы!

Ева покружила по улицам, отметила пиццерию, китайский ресторан. Поскольку парковка вторым рядом привлекла бы внимание, стала на платное место. Нашла хозяйственный, круглосуточный продуктовый, ломбард, показала фото в других лавках и торговцам передвижных лотков.

Никого не заметила и вернулась к машине.

Пробивалась домой через пробки и ледяную крупу, мучаясь мыслью, что Кемпбелл и Маллиган могут быть в любом из этих зданий.

Хотела домой, в тишину, мечтала о ней, как о воде в пустыне. Хоть бы час, чтобы никто с ней не говорил, не сообщал новые сведения и не ждал от нее ответов!

Устало ступила в теплую переднюю.

– Одни и в такую рань?

Внимательные темные глаза Коммерсета окинули ее неторопливым

взглядом.

Огрызнуться не было сил.

– Остальные подтянутся.

Кот медленно подошел и ткнулся мордой ей в ногу. Ева, не снимая плащ, повернулась к лестнице.

Соммерсет направился напрямиком к интеркому.

– Полагаю, лейтенант выдохлась. Идет наверх.

– Сейчас ею займусь, – отозвался Рорк.

Без сомнения, подумал Соммерсет и заметил, что кот последовал за хозяйкой.

Когда Ева вошла в спальню, Рорк сразу увидел это истощение, если не физическое, то моральное. Бесконечные дела с самого утра, спешка, новая информация, и до финиша еще далеко.

Сознание того, что от тебя зависит чья-то жизнь.

– Ты дома? Не знала. – Бросила папку на диван. – Рано.

– Да, немного. – Рорк пересмотрел свои планы поработать до ужина. – Сколько копов в доме?

– Только я. Подойдут через час-другой. Прости.

– Часа-другого вполне хватит. Я собирался поплавать. Теперь не придется плавать в одиночестве.

– Мне надо...

– Снять стресс, – закончил он. – После отдыха оба будем лучше соображать.

– Кемпбелл с Маллиганом вряд ли отдыхают! – Она услышала в собственном голосе резкость и поспешно подняла руку, чтобы он не ответил тем же. – Прости, не права, сама знаю. Весь день чувствовала, что вот-вот, весь чертов день...

Мира советовала часок отдохнуть. Иногда не грех прислушаться.

– Ладно, давай поплаваем. Час вместе с тобой, без разговоров обо всем этом...

– Я только за!

– Одну секунду.

Она сбросила плащ, сняла кобуру и после секундного размышления скинула ботинки. Взяла его за руку.

– Идем.

В лифте он повернул ее к себе и поцеловал.

– Добро пожаловать домой!

– И тебе того же.

Она со вздохом положила голову ему на плечо, потому что с ним могла

сделать это и не чувствовать себя слабой. Маленькие чудеса.

– Голова устала...

– Знаю, и начинает болеть. Я вижу.

– Это потому у тебя глаза такие синие? Просвечиваешь рентгеном?

– Выясняю, чем ты озабочена.

– Таблетку не надо, просто тишины. Говорила сегодня с полумиллионом человек, и не по одному разу. А ты, наверно, и того больше.

– Час тишины пойдет обоим только на пользу.

Они вышли из лифта в тропический рай растений и карликовых деревьев к глубокой голубой воде.

– Господи, до чего хорошо!

– Что ты делаешь? – спросил он, когда она открыла шкафчик.

– Беру купальник.

– Зачем?

– Слушай, я сказала «час-другой», но вдруг копы заявятся раньше и кто-нибудь решит, как мы: не поплавать ли? А я тут голая.

– Вот ты о чем... – Рорк забрал у нее купальник. – Всего-то и нужно, что заблокировать этаж для лифта. Я уже это сделал.

– Заблокировать лифт... – Она рассеянно потерла межбровье, где начинало болеть. – Не подумала... И они сюда не попадут?

– Разве только Макнаб перепрограммирует, что будет непросто. Но он не станет нарушать наше уединение.

Рорк стянул с нее свитер.

Она подумала про Макнаба и кивнула.

– Не станет. Один вопрос, – добавила она, когда он снял с нее брюки, – до того, как начнется тишина.

– Один вопрос я выдержу.

– Почему в Оклахоме на час меньше, а на Багамах время как у нас? Оклахома же в одной с нами долбаной стране, в Америке! А Багамы – нет! Дураку ясно, что Багамы – другое государство, а Оклахома – то же. Так почему? С какой радости?

Господи, он обожает каждую ее клеточку, когда она стоит вот так в нижнем белье, излучая раздраженное непонимание!

– Наука полна загадок...

– По-моему, фигня все. Кто это решает? – Она сняла майку. – Кто придумал богов времени?

– Уже три вопроса.

– Они связаны. – Ева скинула трусики.

Получая удовольствие от ее небрежного стриптиза, он подождал на краю бассейна, пока она не нырнет, и только потом разделся сам.

Ева сделала четыре мощных гребка и перевернулась на спину.

– Иногда плаваю, когда тебя нет. Лежу на спине и думаю, что я в огромном бассейне огромного дома, и – как будто этого еще мало! – ты работаешь наверху или скоро вернешься или еще лучше... – Она протянула руку и сплела с ним пальцы. – Еще лучше – ты здесь, со мной. Очень приятно!

– Мне тоже! Я думаю: вот смотрю на нее, только на нее, и она – моя! Мечтал о тебе всю жизнь, даже когда еще не знал.

Она повернулась вертикально, подплыла ближе и обняла мужа.

– Я тебя люблю.

Он прошептал в ответ на ирландском. Она улыбнулась.

– Сюда точно не войдут?

– Мышь не проскочит!

Ева откинула голову.

– Тогда давай отвлекусь от дневных забот. Сотрем все, прежде чем снова приняться за дела.

Коснулась его губ и словно утонула в нем, погружаясь под воду.

Невесомая, скользящая, достала ногами дно и вместе с Рорком оттолкнулась.

Вынырнула на поверхность, где пахло тропическим садом и негромко плескалась вода. Прохладная вода, теплый воздух и объятия любимого.

Снова опустили, не прерывая поцелуй. Его руки скользнули по ее телу, открывая его тайны, и Ева вынырнула, задыхаясь, с колотящимся сердцем.

Медленно переворачивались в воде, вверх-вниз. Ее пульс ускорялся, как будто играя в перегонки с удовольствием. Сначала неторопливо и легко, потом быстро и жестко. От этой стремительной смены она ослабела. По коже пробежала дрожь желания.

Ева сдалась, покорилась, охватила ладонями лицо Рорка и снова погрузилась в бездонную любовь. Ощутила силу собственной покорности.

Повинуясь мужу, оказалась в мелком углу бассейна, где теплая вода бурлила, пощипывая кожу.

Он обожал ее такую, послушную, всецело принадлежащую ему, с гладкими мокрыми волосами. Прижав ее к стене, приник ртом к груди, скользнул руками по телу. Ее сердце бешено колотилось. Рорк опустился ниже, приподнял ее за бедра, нащупал центр, почувствовал, как она кончает под его языком.

Горячая, влажная, высокая, она вскипала теперь, как эта вода. Он снова ее приподнял, и ее бедра призывно содрогнулись.

Повел губами вверх, а руку опустил туда, где только что был рот. Смотрел, как она хватается за край бассейна, точно сейчас взмлет в небо, и вскрикивает, широко раскрывая глаза цвета янтарного стекла.

Содрогнулась, обмякла.

– Господи! Хватит!

– Еще чуть-чуть! Отпусти все, отпусти!

Он жаждал ее тела. Касался руками и языком, расхищая и грабя эту красоту. Хотел опять услышать ее крик.

Когда Ева закричала и ее тело выгнулось, натянутое как струна, он погрузился в нее, двигаясь отчаянными рывками, целуя и покусывая плечи и шею. Безумно ее желая и лишаясь рассудка от ее прелести.

– Моя! Моя!

Она снова вскрикнула, содрогнулась. Оплела его руками и ногами.

– Мой!

И он тоже отпустил. Отпустил все.

Они без сил покачивались на бурлящей воде.

– Голова не болит, определенно. – Ева вздохнула, погладила его по мокрым волосам. – И на время Багамских островов мне тоже сейчас плевать.

– Значит, я свою задачу выполнил.

– Рефлексотерапия?

– Что? Секс? – Он издал короткий смешок и посмотрел ей в глаза. – Откуда такие мысли?

– Мира делает жене массаж стоп, рефлексотерапию. Помогает расслабиться. Вот я и подумала... Нет, забудь. Забудь, потому что я начинаю представлять, как они занимаются сексом, а я не хочу.

– Мне казалось, я тебя основательно расслабил, а ты опять об этом?

– Случайно вышло, извини. – Она чмокнула его в щеку, встала. – Пора обратно.

– Помоги-ка. – Он протянул руку. – Ты меня тоже... расслабила.

Они сжали друг другу запястья, Рорк встал, и она снова его обняла.

– На улице дождь со снегом.

– Ну и ладно.

– У нас только что был потрясающий секс в бассейне. Это плюс. – Она вышла из воды. – Вы с Мира правы – голова прояснилась, работаться будет лучше.

– Мира советовала заняться сексом?

– Она не уточнила. – Ева схватила полотенце, бросила другое ему. – Рекомендовала часок отдохнуть... Парсенс – наша убийца – родила от своего любовника Джеймса. Если коротко, он несколько лет сидел в Оклахоме, и она в это время залетела. Поехала к матери, наврала с три короба и сбежала с ценностями, бросив ребенка. Вышла из дому и не вернулась.

Ничего не говоря, он прижал ее к груди.

– Тут совсем другой случай. С девочкой все будет в порядке, ей так лучше, – произнесла Ева.

– Все-таки навевает воспоминания, бережит старые раны.

– Немного. С другой стороны, помогает понять Парсенс, думать, как она. А это оружие в наших руках. Но в общем да, передышка мне была еще как нужна!

– Могу подробнее разузнать про рефлексотерапию.

Она рассмеялась, начала одеваться.

– Предпочитаю секс!

– Ручаюсь, что Мира – тоже.

– Черт, тебе обязательно было это говорить?

– Да. А теперь мне нужен бокал вина, и мы поужинаем, поскольку, как я полагаю, ты с завтрака практически не ела. Твои копы сами о себе позаботятся.

Ева оделась, и он взял ее за руку.

– Дождь со снегом, говоришь?

– Ага.

– Значит, нужно что-то горячее и питательное.

– Что-то, а к нему еще что-то...

– Ну конечно, я подумал то же самое!

В лифте она ухмыльнулась.

– Курица с чем-то. С клецками!

– Ах да. Посмотрим-посмотрим.

Зашли в спальню, чтобы Ева обулась.

В кабинете она добавила материал на доску, а он выбрал белое вино к тушеной курице с клецками и салат из шпината.

Ева, на его взгляд, была слишком бледненькой, что случилось, когда она работала на износ.

Она начала пересказывать ему события дня, и тут послышались шаги.

Час тишины закончился.

Ввалились толпой копы. Все трое устали не меньше. Неудивительно – на ногах с самого утра.

– Мы тут замутили ужин. Отдохните полчаса, поплавайте.
Пибоди поморгала.
– Серьезно?
– И возвращайтесь со свежей головой.
– Поплавать? В доме бассейн? – ахнул Баннер.
– Не просто бассейн, – пояснила Пибоди, – а потрясающий бассейн с гидромассажем!
– Пни корову в зад! Я бы искупался, только не в чем...
– Там внизу плавок полно, – заметил Макнаб. – На коровью задницу не налезут, а на твою – запросто. Идем макнемся.
– Секунду. Лейтенант, я говорил с шефом, рассказал, что Малыша все-таки убили. Отправил ему отчет. Собирается поговорить с матерью Малыша. Сказал, что... в общем, что он мной гордится. – Баннер устало прокашлялся. – Он хороший босс и человек, но такими словами не бросается. Сказал, что могу остаться у вас, пока от меня есть толк.
– Я дам знать, когда толка больше не будет.
Его губы дрогнули в улыбке.
– Ну и хорошо. Пойду искупнусь.
– Полчаса! – крикнула Ева вслед, когда троица входила в лифт, и пояснила Рорку: – Достаточно – вряд ли они захотят устроить в бассейне групповуху.
Он утвердительно кивнул головой.
– Ты ешь и рассказывай, чтобы нам эти полчаса не терять.
Ева села рядом и попробовала первую ложку. Варено показало амброзией. Она понятия не имела, что такое амброзия, но готова была поставить хорошие деньги, что курица с клецками ничуть не хуже.
– Элла-Лу Парсенс, Дэррил Рой Джеймс.
Рорк кивнул в сторону доски.
– Это я уже усвоил.
Она улыбнулась и начала:
– Однажды в бар вошел парень...

Ева почти закончила есть и рассказывать, когда троица вернулась, треща, словно...

– Как называются те ирландские птицы?
– У нас их много.
– Которые из стишка.
– Кукушки?
– Нет, хотя тоже подойдут. Которые «одна – к печали, вторая...» – еще

к чему-то.

– И как только я тебя понимаю! Сороки.

– Ага, вот!

– Мы заглянули в додзё. Не входили, только посмотрели одним глазком, – поспешно добавила Пибоди. – Супер!

– Дом так дом! – подхватил Баннер. – Чудесам нет конца!

– Налетайте на еду. Я уже рассказала Рорку почти все.

Макнаб повел носом.

– Пахнет обалденно!

– Тушеная курица с клецками, – объяснил Рорк.

– Вкуснятина! Всем хватит? – забеспокоилась Пибоди.

– Хватит.

– Сейчас разогрею. Вроде не забыл, как управляться с этим автоповаром. Хотя такая польза, – добавил Баннер.

– И не больше бокала спиртного! Вино или пиво. А потом – только кофе!

– Тебе вина, Пибоди? – Рорк встал, чтобы принести бокал. – Йен?

– Да, тоже. А может, всем вина? Чтобы быть на одной волне.

– Что там с электроникой, которую отнесли в ОЭС? – спросила Ева.

– Мы с Фини поковырялись и привлекли Каллендар. Запустили на всю ночь автоматическую программу поиска.

Макнаб схватил с плоского блюда на столе хрустящую булочку, подбросил, поймал и впился зубами.

– В ресторане телефон доисторический, – продолжил он с набитым ртом, – когда миллион раз перегружается, записи накладываются. Если бы знать номер или на кого зарегистрирован!

– Посмотрим еще раз, – предложил Рорк, подходя со стаканами и разливая вино. – Хотя согласен: даже владея информацией, найти нелегко, а так – все равно что стрелять по мишени в темноте!

Баннер принес дымящиеся миски.

– Парень в ресторане, кажется, помнит, что примерно заказывали и во сколько. Но Макнаб говорит, там в это время море заказов на курицу «гунбао» и эгг-роллы.

– По камерам тоже начали. – Макнаб принялся за курицу. – С ними полегче. Вытащим, что можно, потом возьмем запись с камер перед магазином. Если там их видно, пойдем, в каком направлении уходят.

– Курица – не хуже, чем у моей матушки! Да что там, лучше! – Баннер оглядел собравшихся и взял добавку. – Только вы ей это не говорите, если вдруг пересечетесь... У меня впечатление, что они залегли ближе к

ресторанам, чем к хозяйственному, – чаще там бывают. Джеймс купил большой моток пленки, верно, а место для парковки найти трудно, поэтому можно предположить, что и оттуда недалеко. – Он осторожно пригубил вино, вскинул брови. – Отличное!.. Я тут подумал, когда мы с Бакстером ходили по лавкам, что, если бы мне нужна была пленка и все такое прочее, я бы тоже сходил пешком, даже несколько раз, если надо. Вы здесь привыкли к движению, а Джеймс чувствует то же, что я: хочется поставить машину на стоянку и поменьше ею пользоваться.

Ева откинулась на спинку.

– Поставить микроавтобус на стоянку и выезжать на нем только на охоту, пользоваться общественным транспортом...

– Движение просто сумасшедшее, и все, кто за рулем, вечно на нервах! Я, например, заплатил, чтобы тачку, на которой приехал, компания забрала сама. А когда будет пора домой, до станции доберусь на максибусе. В крайнем случае на метро.

Ева подошла к доске.

– Очень вероятно, что жилье нашлось случайно. Пустая квартира или здание – не будем сбрасывать со счетов. Или вломились к кому-то. В центре, каком-нибудь модном районе, о котором она читала или смотрела передачу. Чувствую, в Нижнем Вест-Сайде, к югу от Вест-Виллидж. Севернее Трайбеки, на запад от Сохо и Гринвич-Виллидж. Никакой другой район так хорошо не подходит.

– Считаешь, что вломились в дом или квартиру, а теперь захватили третьего или даже четвертого? – спросил Рорк.

– Я об этом думала, проверяла сводки по пропавшим за день. Но у них Маллиган. Это уже двое, если только не убили Кемпбелл и не потратили время и силы, чтобы спрятать труп.

– Зачем ни с того ни с сего прятать тело? Купера не прятали, – вставила Пибоди.

– Захватить третьего или, скажем, пару, мужа с женой... – Глядя в глаза фотографиям преступников, Ева покачала головой. – Сложно, хлопотно. Когда убьешь, тяжелее избавляться от трупов, а у себя покойников долго не продержишь. Вплоть до Маллигана они всегда работали с одной жертвой, вряд ли сейчас перешли на троих. Однако теперь у них есть жилье. – Она взяла лазерную указку и обвела район на карте. – Вот здесь...

– Пойдем по квартирам? – спросила Пибоди.

– Не исключено, только сначала хочу еще сузить квадрат. У федералов уйдет время, чтобы переварить отчет Девинтер и придумать, с какой

стороны почесать задницу. Я передала Звеку информацию. Посмотрим, что он предпримет. Может быть, начнем проверку домов в связи с утечкой газа или что-то вроде того. Но сначала – сузить зону поиска. – Ева обошла вокруг доски. – По машине – ничего. От патрульных в этом секторе – тоже.

– Когда-нибудь да вылезут, – пожал плечами Макнаб. – Какой смысл приехать в Нью-Йорк и все время сидеть дома?

– Им дома весело, – отозвалась Ева и приказала: – Жуйте. А потом – за работу! Захлопнем мышеловку!

Глава 19

В кабинете пахло курицей с клецками, крепким черным кофе и вишней от бесконечной макнабовской газировки.

Рорк принес дополнительное оборудование, а Ева раздала задания. Пибоди – поднять информацию по Парсенс, Баннеру – глубоко копнуть Джеймса. Рорку с Макнабом – продолжать с электроникой, проверять уже имеющиеся записи и камеры около магазинов, на которых может быть видно преступников.

Сама работала с картами, ставя целью фут за футом сократить район поиска.

Первый раз ее оторвал от размышлений звонок агента Звека. К концу разговора она откинулась в кресле и положила ноги на стол.

– Буду держать вас в курсе, агент. И вы тоже дайте знать, что решите.

Отпила остывший кофе.

– Федералы не согласны включить Малыша и Фастбайндера в список жертв массовых убийц, которых они до сих пор называют «неустановленными лицами».

Баннер вскинул голову:

– Что?!

– У кого-то член скрутился узлом от отчета Девинтер. Она, судя по всему, многих назвала по именам, припекла немало задниц и порезала на кусочки для жаркого.

Да, определенно надо купить ей выпивку...

– Останки, «статус которых под вопросом», утром перевезут в ФБР для исследования специалистами.

– Хрень собачья!

– Бюрократия. Девинтер рвет и мечет, отдавливая члены, чтобы получить останки Ноя Пастона. Родственники парня согласны, и я ставлю на Девинтер. Ах да, забыла! – Ева повела пальцем в воздухе. – Все по-прежнему. Пока федералы проверяют личности Джеймса и Парсенс, тщательно изучают наши отчеты и выводы, они отказываются именовать преступников подозреваемыми. Официально это просто «лица, вызывающие оперативный интерес».

– Мы же доказали... – начала Пибоди.

– Мы подтвердили, что они познакомились в Оклахоме в пятьдесят седьмом. Есть достаточно веские данные в пользу того, что Джеймс угнал

пикап пятьдесят второго года, похожий на тот, что незаконно эвакуировали с дороги Дорраны. Федеральное расследование отследит запчасти, чтобы подтвердить или опровергнуть. Мы установили, что Парсенс родила девочку, но без анализа ДНК имя отца ребенка для федералов остается под вопросом.

– Уроды! – пробормотал Баннер.

– Звек, насколько я понимаю, того же мнения, хотя боится высказать его вслух. На данный момент мы не можем неопровержимо доказать, что они кого-то убили или что двигались по предполагаемому маршруту. На их взгляд, мы не предоставили достаточно данных, что Парсенс или Джеймс сейчас в Нью-Йорке. Они проверят запись с камеры на погрузочном доке, а Звек утром наведается в хозяйственный, ломбард и рестораны.

– По второму разу! – воскликнула Пибоди. – Только зря тратят время и ресурсы!

– Члены... – отозвалась Ева, поведя рукой, как будто завязывает узел. – Это означает, что мы не получим в помощь федеральные ресурсы, но и мешать нам не станут. Звек с их официальной точкой зрения не согласен. Видимо, не кретин. А еще это значит, что у нас передышка, прежде чем ФБР пустят в СМИ имена и фотографии Джеймса и Парсенс. Передышка, заметьте, короткая, потому что чей-нибудь член может развязаться, и их объявят подозреваемыми.

– То есть, по сути, ничего не изменилось, – подытожил Баннер.

– По сути – ничего. Звек поднимет шум. Но кто-то на шаг выше по пищевой цепочке не любит, когда его упрекают в ошибках – при том, что эта ошибка, просочившись в СМИ, здорово подмочит им репутацию. Федералы не послушали вас, Баннер, а вы были правы. Значит, они не правы. И кто их обошел? Провинциальный помощник шерифа! Без обид...

– Без обид.

– Мелкая сошка права, а ФБР сели в лужу! От этого не один член узлом завяжется... – Ева кивнула в сторону доски. – А если бы они проследили маршрут в обратную сторону от Малыша, как вы, и отнесли к жертвам Дженсена, то, возможно, уже поймали бы уродов и спасли чью-то жизнь.

– Теперь это на их совести, – произнес Баннер.

Полицейский, которого колбасит от того, что всплыла его ошибка, муками совести не страдает, подумала Ева. Всего и надо, что свалить вину на нижестоящего.

– Такие истории, – продолжила она, – плохо смотрятся в СМИ и во время политических дебатов... Итак, что у нас еще по Джеймсу?

Баннер пошевелился на стуле и запустил пятерню в волосы.

– Учебой не увлекался, переходил из класса в класс кое-как, несколько раз повторял год, занимался дополнительно с преподавателем. Никаких внеурочных мероприятий, включая спорт, что в маленьких городах скорее исключение, чем правило.

– Не командный игрок, – заключила Ева. – И не семи пядей во лбу.

– Мягко сказано... Падок на женщин и секс.

– Подробнее.

– Несколько статей про его роман с учительницей. Ему было пятнадцать, ей – двадцать шесть. Отсидела.

Ева выпрямилась.

– Изнасилование?

– Вряд ли. Я вам перешлю, но Джеймса, по-моему, заставлять не пришлось. Не оправдываю учительницу, несколько, и, как ни крути, по закону это связь с лицом, не достигшим совершеннолетия, но он сам хотел, и еще как. Даже ухаживал!

– Романтик.

– Покупал цветы, писал дрянные стишки, дарил дешевые подарки. Потом выяснилось, что в основном краденые. И в те же полгода крутил еще с двумя – они сами дали показания. Одну привлекли, ей было восемнадцать. Другой – шестнадцать, так что считается, что по взаимному согласию.

– Секс, воровство, романтика. Рано начал...

– Ввязывался в драки. Данные за период несовершеннолетия рассекречены, – добавил Баннер. – Кражи в магазинах, угоны, неосторожное вождение, порча имущества, пару раз – нанесение легких телесных повреждений. Назначены обычные воспитательные беседы и общественно-полезные работы. Непродолжительное время в лечебнице – застукали за употреблением запрещенных препаратов. Отчеты психиатра прочитать не могу – нет в открытом доступе.

Ева подумала про Рорка (быстрое решение проблемы) и про Мира (официальное).

– Получим, если надо.

Не мытьем, так катаньем.

– Демонстрировал способности к механике – повезло, когда на год поместили в профтехучилище. Повышенный интерес и способности к компьютерам. Звезд с неба не хватает, но в этих областях одарен. Однако ленив. В шестнадцать уехал из дома, в Техасе загребли, когда пытался угнать машину, и отправили в местную колонию. Остальное мы, в

принципе, знаем.

– Перешлите это Мира для полноты картины. Пибоди, что по Парсенс?

– Почти то же. Низкая успеваемость, никаких факультативов, несколько раз исключали и делали выговор за плохое поведение и пропуски. Обвинила учителя в домогательстве. Проведено тщательное расследование, полностью оправдан. Приставала к другому – у того в кармане оказался включенный диктофон. Предлагала секс за удовлетворительную оценку. Любой, какой захочет. Назначено обязательное психологическое консультирование и общественные работы. Бросила школу сразу после совершеннолетия. Постоянной работы не нашла, только в барах. В восемнадцать и в двадцать один пыталась получить лицензию на проституцию. Отказано.

Пибоди взяла кружку, хмуро в нее посмотрела.

– Кончился? – спросил Баннер.

– Ага.

– Давайте еще налью.

– Я бы не прочь чего-нибудь сладенького. Можете апельсиновой газировки?

– Легко. Вы продолжайте, – добавил он, вставая, – мне слышно.

– Согласно полицейским бумагам, дважды обвинялась в убийстве собак. Еще до совершеннолетия.

Вот оно, подумала Ева, с чего все пошло. Стремление проливать кровь и причинять боль.

– Сколько ей было?

– В первый раз – тринадцать. Прижать к ногтю не смогли. Сцепилась с девчонкой из-за парня. А потом собаке этой девушки подсыпали отравленный корм. Второй раз – в пятнадцать, тот же сценарий. Только на сей раз у собаки – порезы, ожоги, и найдена подвешенной на дереве.

– Сука! – пробормотал на кухне Баннер. – У меня к собакам слабость. Я понимаю, что она убивает людей, но все равно жалко...

– Издевательство над животными. С этого часто и начинают будущие серийные убийцы. Со временем в любом случае переключилась бы на людей, с Джеймсом или без. Еще что-нибудь? – спросила Ева.

– Несколько раз писала заявление в полицию. Жаловалась, что избил бойфренд или что изнасиловали. Судя по отчетам и фото, побои действительно были, однако взаимные. Остальное не подтвердилось.

– Секс в качестве платы, оружия, валюты. Я как-то разговаривала об этом с Чарльзом.

– Каким Чарльзом? – поинтересовался Баннер, возвращаясь с двумя

стаканами шипучки.

– Друг. Профессионально занимался проституцией, теперь сексопатолог. Наверняка сказал бы, что она никогда по-настоящему от секса удовольствия не получала. Он всегда оставался оружием или средством. Может, ей впервые понравилось с Джеймсом, потому-то она за него и держится. И еще из-за убийств.

Пибоди сделала большой глоток, заморгала, потерла межбровье.

– Б-р-р! И зачем я только ее пью?... До совершеннолетия пару раз убегала из дома, всегда возвращалась сама. Окончательно сдернула в восемнадцать. Отчим сообщил о пропаже ценностей и денег, но потом забрал заявление.

– Мать уломала.

– Элла-Лу попрыгала туда-сюда и устроилась в «Ковбой и лассо».

– Запиши все это, отправь Мира. Когда поймает, упечем по полной.

Ева поднялась и вытащила зазвонивший телефон.

– Докладывай, Сантьяго!

– Поговорили с начальником тюрьмы, охранниками, старшей официанткой из бара, мужиком, у которого Элла-Лу снимала жилье, и вдобавок с акушеркой, которая принимала роды. Мы их прищучим, босс!

– Долго вы там!

– Это да...

– Давай кратко. Ты на большом экране, – добавила она, возвращаясь в кабинет и включая громкую связь. – Чтобы все в комнате слышали.

– Ага, в комнате, значит... Я бы тоже не прочь в ней оказаться. Короче, согласно тюремным бумагам, Джеймс сидел тихо, на рожон не лез. Посещал занятия по информатике, показывал успехи. Работал в автомастерской – блестящие успехи. Даже рекомендовали в местную мастерскую, но он после досрочного освобождения попросил разрешения вернуться домой – у них с его подругой там у родственников ребенок. Просьба была удовлетворена. Отметиться так и не явился.

– Подались на восток.

– Охрана блока характеризует его как приветливого и общительного. Много читал, говорил о женщине, которая приходила каждую неделю. Не пропустили ни одно супружеское свидание... По словам начальницы Парсенс, та была безинициативной, плохо ладила с коллективом и, кажется, предлагала сексуальные услуги на стороне. Это подтверждает и хозяин квартиры. Водила мужчин. Никто не оставался дольше часа, обычно – меньше. Исчезла без предупреждения, не заплатив. Разъезжала на пикапе, пару раз гоняла в ремонт – есть мнение, что расплатилась услугой за

услугу.

– Никаких сюрпризов.

– Акушерка говорит, во время беременности принимала какие-то наркотики, хотя за руку она ее не поймала. Во время родов устроила, цитирую, «кошачий концерт», хотя рожала легко, будто котенка. Чего не знаю, того не знаю – не рожал ни котят, ни младенцев, за что премного благодарен судьбе!

– Что у вас за шум?

– Коровы, лейтенант. Или молодые волы. Кажется, есть разница, не буду уточнять... В фургоне, рядом с которым припарковалась Кармайкл, битком представителей коровье-волового племени. И, кажется, им в фургоне не нравится.

– Шел бы ты оттуда, а то вдруг выберутся!

– Я и сам подумывал... – Покосившись через плечо, он сделал несколько шагов в сторону. – Вы же бывали в космосе, лейтенант?

– Да.

– Я – нет. Наверно, рожать – вроде перегрузки при взлете... Короче, акушерка утверждает, что роды прошли быстро и как по писаному. К младенцу Парсенс интереса не проявляла. Акушерка насторожилась и дважды в день по собственному почину ходила проверять, что ребенок сыт и чист. Парсенс кормила его молочной смесью, чем, естественно, вызвала суровое неодобрение. Заявила, что не собирается «портить сиськи из-за какого-то младенца». Когда Парсенс уехала с ребенком, а вернулась одна, акушерка навела справки и связалась с матерью Парсенс. Окольным путем выяснила, что девочка у нее, но ничего не сказала о своей роли или местонахождении Эллы-Лу, поскольку боялась потерять лицензию. Просто хотела убедиться, что с ребенком все в порядке. Сказала, что Парсенс вполне способна бросить его и даже убить.

– Серьезное заявление!

– Парсенс гораздо больше заботило возвращение после родов в форму, чем дочка. Однажды, когда девочка плакала и акушерка попыталась заставить Элли-Лу заняться ребенком, в глазах той сверкнула жуткая ненависть.

Ева ничего не сказала – перед внутренним взором внезапно встало собственное детство и ненавидящие глаза матери.

– В основном проявляла безразличие, но тот взгляд начисто лишил акушерку сна. Хотя обращаться в полицию было не с чем.

– Ясно.

– Если коротко, Джеймс в основном производит на окружающих

хорошее впечатление, Парсенс – нет.

– Хватает и Джеймса. Возвращайтесь, Сантьяго! На этот раз я серьезно.

– *Gracias a Dios!* ^[2] Если думаю на испанском, значит, я прямо сам не свой!

Ева не выдержала и рассмеялась.

– По дороге напишите отчет и отправьте копию Мира. В восемь утра – как штык в управлении, потому что, клянусь *Dios*, завтра мы на этих двоих накинём сеть!

Она дала отбой и кивнула вошедшим Рорку и Макнабу:

– Слышали?

– Главное...

– Пибоди и Баннер пишут отчеты по дополнительной информации. Почитайте, если хотите, хотя в основном они пригодятся для суда. Подкрепляют наши выводы о тактике и психологическом портрете, подтверждают склонности, нездоровые пристрастия и кое-какие передвижения. Я откромсала на карте еще один квартал. Вероятность – восемьдесят процентов.

– Тут кое-что проясняется. – Макнаб взял газировку Пибоди, отхлебнул. – Повезло с камерами на магазинах – видно, как Джеймс уходит из хозяйственного с рулоном пленки на плече и сумкой. В северном направлении.

– Северном... – Ева развернулась к карте. – Если убрать еще кусок к югу от хозяйственного... Не точно, но могу сделать две карты... Сколько проследили?

– Полквартала. Камеры в этом секторе – хлам. Идет вразвалочку. Сейчас покажу. Вертит головой во все стороны, как турист, вытягивает шею.

Ева смотрела, как Джеймс «идет вразвалочку» – точная характеристика, – глазееет по сторонам и чуть не шарахает рулоном по голове двоим проходим.

Сворачивает ближе к проезжей части и исчезает из поля зрения.

– Черт! Может, все-таки повезло с парковкой? Он мог идти к машине. Или поймал такси.

– С парковкой, может, и повезло, – согласился Макнаб. – А такси – скорее всего, нет. Мы эту версию отработали. Легче всего поймать такси на перекрестке. Стали пробивать по базе все четыре перекрестка в радиусе двух кварталов, и комп написал: «Ждите, поиск может занять некоторое время», так что...

Он оглянулся на Рорка.

– Я проверил по своим каналам. – Рорк проигнорировал хмурый взгляд Евы и обратился к Баннеру: – Помощник шерифа, мои окольные методы вас смущают?

– Ничуточки!

– Что ж, в тот временной период такси подбирали кого-то семь раз. Два одиночных пассажира. Одного высадили в Мидтауне, на углу Пятьдесят первой и Мэдисон.

– Я пустил в ход жетон, – добавил Макнаб, – и официально связался с таксистом. Он не помнит внешность, но точно знает, что никого с пленкой не было. Второго отвезли на угол Франклин и Хадсон.

– Трайбека. Я более-менее исключила этот сектор из поиска.

– Водитель – женщина на этот раз – тоже не помнит пассажира с рулоном. Это, конечно, не стопроцентно, Даллас, но мы склоняемся к тому, что такси можно исключить.

– Значит, все внимание – на север. Еще раз прочедем пустующие здания, квартиры и ночлежки. Если надо, пойдем от двери к двери, заглянем в каждый закоулок, на каждую парковку, пустые и подземные стоянки. Где-то же эта машина стоит...

– Возможно, на частной, – предположил Рорк.

– Также вариант. Хотя вряд ли они станут платить. Может, у их жертвы там уже оплачено? Нужно проверить частные стоянки...

– Могут этим заняться. Выберу жильцов, которые платят за гараж.

– Отлично, давай. Судя по биографии, у него способности к электронике.

Нельзя об этом забывать, подумала она.

– В районе должны быть гостиницы, офисные здания со стоянками, многоквартирные дома... А сложно обойти систему и парковаться бесплатно?

– Если волокет в электронике и располагает приличной глушилкой – пустяк! – отозвался Макнаб. – У нас в ОЭС пара роботов только этими жалобами и занимаются.

– Раз тянет воровать, зачем платить... – Ева задумалась. – На платных приличные камеры. Проверим. На муниципальных камер тоже хватает, но часто они только для вида. Однако посмотреть стоит. С наступления темноты, скажем, после девяти. – Принялась расхаживать по кабинету. – До девяти – слишком рано. Девять – тоже рано, но начнем отсюда. Примем версию Баннера, что Джеймс предпочитает не пользоваться машиной... Итак, записи с камер частных и государственных стоянок после двадцати

одного ноль-ноль.

Повернулась к Макнабу.

– Можешь привлечь тех самых роботов?

– Думаю, да. Спрошу Фини.

– Я сама ему позвоню. Сделайте сегодня, что можно, и, если ничего не выяснится, утром привлечем роботов. Пибоди, запусти новый запрос по исчезновениям и убийствам проживающих или работающих в этом секторе. Баннер, проверяйте по карте пустующие здания и квартиры, включая те, что недавно сданы. Может, они и потратили часть награбленных денег на жилье. Повышенное внимание – квартирам в цоколе и отдельно стоящим домам, особенно с черным ходом со двора или сбоку. Я уже начала, так что у вас фора.

Обернулась к Рорку:

– Не хочешь прокатиться?

– А что?

– Надо проехать по сектору ночью. Охотятся по ночам. Может, и не самое рациональное использование нашего с тобой времени, но у меня все нейдет из головы. Хочу сама посмотреть, почувствовать...

– Надень ботинки, там все еще дождь со снегом.

– Немедленно сообщите, если будут какие-нибудь результаты. Любые! – обратилась она к остальным и пошла за обувью.

– Захочет не только проехаться, но и пройтись, – заметил Рорк. – Йен, тебе что-нибудь нужно? Соммерсет сечет в электронике, могу приставить к тебе в помощь, пока мы ездим. Лейтенант не станет возражать.

– Понял, но спасибо, не надо.

– Подкрепляйтесь, ночь предстоит долгая.

Он встретил Еву внизу, вытащил из кармана плаща жены шарф и искусно обмотал ей шею.

– Там холодно и слякотно.

– Понимаю, шансы, что они вышли на охоту, малы. – Она ступила в ледяную изморось и собачий холод. – Но это идеальное время. Мало кто вообще суется на улицу – сидят по домам или барам. Для преступников очень удобно!

В машине Ева посмотрела вокруг и нахмурилась.

– Это не та, что раньше?

– Да. Чуть менее вместительная, но нам же не тащить всю компанию. Шустрая, – добавил он, задавая такую скорость, на которую Ева решилась бы, разве только преследуя бандитов, – и юркая. – В доказательство Рорк включил вертикальную передачу и перелетел через ворота.

– Круто!.. А ты совсем не ожидал, что именно так проведешь вечер.

– Вечер, по-моему, уже закончился. Мне нравится работать с Макнабом. Острый ум, энтузиазм. И кстати, он мне во всех подробностях доложил про Беллу.

Ева смотрела в окно. Такси много – но мало кто с огнями – и еще меньше частных авто. Совсем уже редкие прохожие.

– Беллу?

– Он от нее без ума. Они с Пибоди смотрели за ней на прошлой неделе, чтобы отпустить Мэвис и Леонардо. Устроили втроем танцульки в костюмах.

– Надо же.

– У нее скоро день рождения, год. Ты подумала?

– Нет...

Ева чувствовала, как в ней поднимается волна беспокойства.

– Я не знаю, что дарить девочке, которой всего год! Давай ты этим займись!

– Что-нибудь сообразим.

Ева мельком посмотрела на мужа. Рорк, конечно, знает почти все обо всем, но вряд ли даже он в курсе, что дарят на первый день рождения.

– Спрошу у Пибоди.

– Превосходная мысль!

– Праздник, да? Шумный, сумасшедший праздник в стиле Мэвис. Еще, наверно, и с костюмами...

– Полагаю, что так.

– Костюм я не надену, даже ради Мэвис! И треугольный колпак тоже.

– Наверняка будет торт.

– Торт – это хорошо... Им стало скучно.

Она не про родителей Беллы, сообразил Рорк. Про преступников.

– Решили внести в процесс разнообразие?

– Да.

Теперь она их знает и...

– Все это время они постоянно переезжали, стремились к цели. Она мечтала о Нью-Йорке, а романтик Джеймс старался воплотить ее мечту в жизнь. Наконец добрались. Мы думали, Купер – их первая жертва здесь, но нет.

– Жилец или хозяин квартиры, где они, как ты выразилась, свили гнездышко?

– Ага. Могли, конечно, просто снять, только не вписывается в схему. Они уезжают, не заплатив, то и дело воруют. Спорим на праздник в

костюмах, что когда установим все их передвижения, окажется, что они нигде не платили! Сбегали из мотелей и ночлежек, устраивались в пустующих зданиях или убивали жильцов...

– Прости, все еще раздумываю про пари – не понимаю, как могу проиграть...

– Не отвлекайся от главного, приятель!

Он посмотрел на нее в упор.

– От главного – никогда!

– Подкаблучник... – Ева коснулась его руки. – Выведу на бортовой комп карту, выделю район. Пибоди будет присылать дополнительные сведения по мере поступления.

Победить бортовой компьютер ей удалось не сразу, но, поскольку время позволяло, Рорк не вмешивался.

– Тридцать три несчастья! Почему нельзя просто сказать «вывести чертову карту на экран»?!

Собственно, сказать было можно, но Рорк благоразумно промолчал.

Когда оказались к югу от Вест-Виллидж, он тоже включился в охоту.

– Не дам захватить еще одного! Кемпбелл, наверно, не спасти, шансы очень малы, – рассуждала Ева. – Да и Маллигана... Могут грохнуть обоих сразу.

– Больше драйва.

– В нем-то все и дело, с самого начала. Проверим вон ту стоянку!

Проехали кругами по всем уровням, выбрались на улицу, свернули на восток.

Ева вглядывалась в каждую машину, каждого пешехода.

– Идеальное прикрытие! – произнесла на следующей парковке. – Людей раз-два и обчелся, закутаны по самые глаза. Даже торчки и дилеры прячутся по хатам или в метро...

Целый час они досконально прочесывали квартал за кварталом.

– Сюда! – Ева махнула рукой в сторону частной многоуровневой парковки на несколько домов. – Встанем, и я быстро обойду пешком. А ты можешь подождать.

– В самом деле?

Его «в самом деле» в устах другого мужчины означало бы «раскатала губу».

– Ты мог бы подождать. Хотя не захочешь. На сегодня это последняя, потом пройдемся по квадрату пешком, а утром помогут роботы.

Вряд ли она сознает, что скоро полночь, подумал Рорк. Взяла след и теперь просто не может лечь спать и завтра продолжить со свежими

силами.

Значит, они сейчас проверят три этажа парковки, размышлял Рорк, нейтрализуя электронику на въезде. А потом совершат крайне неприятную зимнюю прогулку.

На втором уровне она вдруг схватила его за руку.

– Стой! Вот там! Микроавтобус! Номера местные, сменили для верности, а остальное совпадает. Темно-синий, с тонировкой, та же марка и модель!

Вытащила карманный комп, с которым управлялась гораздо ловчее, чем с бортовым, и пробила по базе.

– Зарегистрирован на Энтони Чарльза Лаппанса, семьдесят три года, Восточный Бродвей. Далеко отсюда и близко к месту, где выбросили Купера! Постой на стреме.

Выпрыгнула из внедорожника и откинула полу плаща, чтобы удобно было выхватить оружие. Приблизилась к машине.

Указала на стикер, обошла кругом.

– Я, конечно, получу ордер на обыск, но ты же здесь...

Рорк вылез, достал карманные отмычки. Бросив быстрый взгляд на замок, выбрал нужную и через несколько секунд открыл задние дверцы.

Внутри оказалось большое кресло, ящик с инструментами, сваленное в кучу одеяло и пятна. Ева могла поспорить на свой жетон – засохшая кровь!

– Закрой обратно, ладно? И отопри пассажирскую.

– Собака почуяла кость, – пробормотал он, выполняя просьбу.

– Что?

– Ты не отступаешь. Роешь и роешь, пока не отыщешь кость. А твои убийцы на редкость неряшливы...

– Ага, очень кстати. – Ее губы изогнулись в свирепой улыбке.

Мусор: бумажные пакеты из-под фастфуда, одноразовые стаканчики с крышками и чеки.

– В этой твоей новой тачке случайно нет моего походного чемоданчика с оборудованием?

– Разумеется, есть, хотя на данном этапе нужны только... – Он достал из своей сумки щипчики.

Кивнув, она взяла ими какой-то чек.

– Из круглосуточного продуктового в Нью-Джерси. А этот – из кафе на Бродвее... Закрывай. Теперь точно повяжем ублюдков!

Глава 20

Сначала Ева позвонила помощнице окружного прокурора Рео, вырвав ту из самого сладкого сна. Шер Рео займется ордером на обыск, что сэкономит время.

Далее порядок субординации требовал уведомить Уитни, но ее подчиненные заслужили быть первыми. К тому же, если сначала сообщить новость им, это ускорит процесс.

– Привет! – Пибоди поморгала затуманенными усталыми глазами.

– Я нашла машину.

– Что?! Мама дорогая, Даллас, ты шутишь?!

– Они сменили номера. Пробей по-быстрому Энтони Чарльза Лаппанса, Бродвей. Рео получает ордер на обыск.

– Вы где?

Ева отгарабанила адрес.

– Передай Макнабу, что нужны записи с камер за последние пять дней. Пусть Баннер пробьет три дома этой парковки на предмет пустых квартир, исчезновений и трупов. Я вызываю десяток патрульных для поквартирной проверки.

– Хочешь, мы подъедем?

– Нет, оставайтесь там, ищите информацию. Если мы их запеленгуем, вызову вас на захват.

– Я не про захват, а про приехать к тебе. Я могу подъехать.

– Знаю и вызову тебя, если будет нужно. Шевелись!

Ева дала отбой и разбудила шефа.

Хотела позвонить Мира, но решила, что психолог понадобится только после ареста, когда Джеймс и Парсенс окажутся в камере.

Прохаживаясь взад-вперед, вызвала патрульных и дала своему знакомому Кармайклу подробные указания: идти по двое с историей, что в здании якобы замечен пропавший ребенок.

– Они не могут открыть дверь. И не откроют, – заметил Рорк. – Крайне маловероятно!

– Знаю. Вычеркнем из списка те квартиры, в которых откроют. Нельзя совсем исключать, что, помимо Кемпбелл и Маллигана, есть еще заложники. У Джеймса и Парсенс склонность издеваться над всеми, кто им попадает.

– А еще может быть, что...

– ...машина здесь, а они – нет.

Коли так, разберемся с разочарованием позже.

– Все равно по квартирам пройти надо.

Ева вызвала чистильщиков.

– Дай-ка мне чемоданчик! Если Рео оформит ордер до их приезда, начну сама. Только пристрой где-нибудь свою тачку, чтобы не светилась. Вдруг выйдут в такую ночь за свежим куском мяса... Не хочу спугнуть.

Он медленно обвел парковку взглядом.

– Давай заодно отключу лифты. Если они в здании, им придется спускаться по лестнице. А если придут с улицы, пешком, услышишь с большого расстояния.

– Отлично, действуй!

Нужно поставить на входе в парковку патрульных, а самой с чистильщиками заняться делом. Посмотрела на часы, поняла, что уже за полночь.

– Теоретически еще могут объявиться, хотя все предыдущие нападения в Нью-Йорке совершались раньше. Чем дальше, тем меньше шансов. Хочу, чтобы осмотрели машину и установили наблюдение. Оставим ее как есть.

Взяла чемоданчик с аппаратурой, обошла микроавтобус. Руки чесались проверить на отпечатки. Заслышав отдаленный шум мотора, присела за соседнюю машину.

Залепленный мокрым снегом седан, который вела крайне утомленная женщина, проехал на следующий уровень, как это только что сделал Рорк.

Ева понадеялась, что он не встал на ее место. Хотя если и так, выкрутится.

Запикал телефон.

Светлые волосы Рео торчали во все стороны, под небесно-голубыми глазами залегли тени. Улыбнулась.

– Судья Хейден смотрел спортивный канал и был сговорчив. Ордер на мази!

– Отлично! Быстро ты! Отправляйся обратно в постель.

– И не думала из нее вылезать!

Не успел погаснуть дисплей, как пришло письмо. Ева на всякий пожарный прочитала ордер и удовлетворенно открыла чемоданчик. Подошел Рорк.

– Лифт отключен.

– Был четырехдверный седан.

– Я подождал, пока он припаркуется. Что с ордером?

– Есть.

Включив запись, она прежде всего занялась водительской дверцей и сняла два четких отпечатка. Пробила по базе – Джеймс. На губах снова заиграла свирепая улыбка.

– Попался! Рорк, открой.

– С удовольствием!

Выключила запись, передала ему универсальный ключ. Он подождал, пока она обойдет машину и начнет работать над пассажирской дверцей, и только потом вынул инструменты.

– И она попалась! – заметила Ева. – Отпечаток ладони.

Смазала руки изолирующей жидкостью и забралась внутрь, в открытые мужем задние дверцы.

– В сумке шнур, веревка, скотч, лом, гаечные ключи и молоток.

Покопалась в своем чемоданчике, проверила ключ.

– На большом ключе – кровь. И на ломе. И – бог троицу любит – на молотке.

Проверила коврик.

– Здесь – тоже. Чистильщики возьмут образцы для лаборатории. Спорим, совпадет с кровью жертв!

Открыла бардачок.

– Фонарик, диск пользователя, аптечка и это... – Вытащила большой нож.

– Охотничий. У меня в коллекции похожий.

– Да, принадлежал бывшему работодателю Джеймса, любовнику матери.

Обработав нож, Ева нашла следы крови и неполные отпечатки Джеймса и Парсенс.

– Даже не попытались стереть. Хотя зачем? – рассуждала она. – Все равно собираются использовать снова. Когда повяжем, сядут до конца жизни!

Вернула нож на место, ответила на звонок патрульного Кармайкла.

– Работать быстро, тихо и тщательно! Малейшее подозрение – сообщать мне! Отмечайте все квартиры, где не откроют.

К тому времени, как подъехали чистильщики, Ева сделала что могла. Подошла к их главному, Доусону, вспоминая события накануне Нового года, и всмотрелась в его команду.

– Ну как оно?

– Потряхивает на ухабах, но что поделаешь... А вы?

– Хорошо. Засадим этих ублюдков на несколько жизней! Тщательно

все осмотрите и оставьте точно как было. Если сегодня не поймаем, могут еще вернуться к машине. Установим наблюдение. Главное – не спугнуть! Надо, чтобы они привели нас к жертвам.

– Сработаем аккуратно.

– Я нашла отпечатки, кровь. Берите образцы, отправляйте в лабораторию. Волосы и ткани я не трогала, у вас выйдет быстрее. Хочу, чтобы с ними поработала Харво.

Его губы тронула улыбка.

– Этого все хотят! Я с ней договарюсь.

– Трекер привезли?

Он похлопал по сумке.

– Как и просили.

– Парень – хороший механик. Смотрите, чтобы ничего не заподозрил!

И в электронике сечет, так что...

– Понятно, Даллас.

– В общем, в темпе! Мы начинаем поквартирный опрос. И еще подъедет пара копов на машине без опознавательных знаков, чтобы наблюдать на нижнем уровне. Уже, скорее всего, поздно для охоты, но вас в любом случае прикроют – везде патрульные.

– Сколько жертв?

– Пока двадцать четыре, но число вырастет.

– Сделаем все, как надо.

Кивнув, она отошла к Рорку.

– Хочу тоже проверить несколько квартир, чтобы быстрее.

– Тогда я с тобой. – Он коснулся большим пальцем ямочки у нее на подбородке, взгляделся в лицо. – Ты, когда выматываешься, такая бледная – кошмар! Проверим квартиры, но, если преступников не найдем и не будет какой-то стопроцентной зацепки, вернемся домой и ты поспишь.

Заставил жену выпить энергетик, несмотря на ее сильную к ним нелюбовь – что угодно, лишь бы помочь ей справиться с нагрузкой.

Вместе они прошли четыре этажа второго дома. Один раз им не открыли.

Соседка по лестничной клетке объяснила:

– Забыла вам сказать – это квартира Делвики. Славная молодая пара! Уехали на несколько дней.

Ева воззрилась на дверь, как будто, если сосредоточится, увидит насквозь.

– Отправились с друзьями на Флорида-Кис – небольшой отдых посреди зимы. Я, пока их нет, поливаю цветы.

Ева расслабилась.

– В последние дни к ним заходили?

– Каждое утро. Элис носит со своими растениями. У нее легкая рука, есть даже маленькое апельсиновое дерево с настоящими апельсинами!

Она зевнула, поправила копну седых, точно сталь, волос.

– Думаете, они имеют отношение к пропаже этой маленькой девочки? Что вы, это хорошие люди! Тихие, но совсем не подозрительные. Никак не серийные убийцы! Муж работает помощником шеф-повара и каждую неделю угощает меня с моим благоверным чем-нибудь из своего дорогого французского ресторана...

Достаточно и того, что женщина заходит туда каждое утро, однако Ева не перебивала.

– Хорошо, большое спасибо! Извините за беспокойство.

– У меня у самой – дети, внуки... Буду начеку. Бедная малышка, храни ее господь!

Ева рассудила, что Делвики можно вычеркнуть.

Помимо этой квартиры, не открыли шесть раз.

Она пробила по базе, выяснила, что двое работают в ночную смену, позвонила и убедилась, что они действительно там. Еще двое, на двенадцатом и пятнадцатом этажах, находились, по словам соседей, в отъезде.

На всякий случай Ева вытащила из постели сердитых управдомов и побывала в квартирах. Все чисто.

– А теперь стоп! – Рорк решительно взял ее за руку и потянул к лифту, который включил, когда подъехали патрульные. – Проверили, здесь их нет. Нашли автомобиль и доказательства – уже прогресс. Ты не обойдешь все дома района! По крайней мере, не сегодня!

– Можно бы еще немного. Легенда с пропавшей девочкой прокатывает на «ура»...

– Ева, клянусь, если ты побледнеешь еще хоть чуть-чуть, превратишься в призрака! Тебе надо поспать, а потом займешься делами! Почти три утра. Этой ночью они уже не будут издеваться над твоими жертвами!

Она думала так же и поэтому без возражений села в машину.

– Квадрат сузили, намного. Осталось буквально несколько кварталов. Надо посмотреть, что там у Баннера с Пибоди. Пустующие здания, исчезновения, трупы...

Он не перебивал, хотя язык у нее заплетался. Чуть-чуть прибавил печку, зная, что тепло ее успокаивает. Когда она обмякла, откинул назад

спинку сиденья.

Ева уснула еще до того, как проехали Мидтаун.

Пошевелилась, когда он взял ее на руки, что-то пробормотала по дороге, вышла из забытья, когда Рорк возился с дверью.

– Что?... Господи, я отключилась!

– Вот и хорошо! – Он начал подниматься по лестнице.

– Нет, пусти. Нельзя! Копы...

– Сомневаюсь, что в нашей спальне есть хоть один коп – пока я тебя туда не занес!

– Мне надо в кабинет.

– Полчетвертого, Ева! Все, кроме нас, спят.

– Проверить...

Он свернул к кабинету, но ее не отпустил.

– Я сама!

– Зачем, если я тебя несу?

Заметил в кабинете свет, притормозил в дверях.

Пибоди с Макнабом привалились друг к другу в кресле, как щенята. Баннер раскинулся ничком на полу, вялое тело Галахада вытянулось у него на поясице, точно широкий меховой пояс.

– Черт, и правда копы... – пробормотал Рорк и, сдаваясь, поставил Еву на ноги.

– Растолкай Баннера, – попросила она, а сама подошла к Пибоди и тронула ее за плечо.

– Не сейчас... – Пибоди перевернулась. – Утром...

– Фи! – изрекла Ева и сильнее ткнула напарницу.

– Не-а, утром...

Глаза Пибоди открылись, поморгали и непонимающе уставились на Еву.

– Что такое? Ты? Мы где?

– Буди Макнаба, дуйте спать, и больше ни слова про утро!

– Что? Погоди! – Она хотела сесть.

Макнаб пошевелился и крепче ее обнял, положив руку аккуратно на левую грудь.

– Гм... – Пибоди убрала руку. – Надо было прикорнуть на пять минут...

– Теперь в вашем распоряжении три с половиной часа.

– Ева, помилосердствуй! – вмешался Рорк.

– Ладно, четыре. Встречаемся здесь в семь тридцать.

– Не поймали?

– Поймаем. Подробности в половине восьмого. Вычеркнули из списка три дома, машина под наблюдением. Давай на боковую.

Она вышла вон, мимо Баннера, который сидел на полу, тщетно пытаясь стряхнуть сон.

Кот дружелюбно ткнулся в него головой и, бросив нового приятеля, потрусил за Евой.

Еве снились жестокие кровавые сны, в которых Джейла Кемпбелл открывала мертвые глаза и обвиняла:

Где ты была? Почему не помогала? Я так хотела жить!

Сны, в которых над ней ядовито насмеялась мать:

Надо было выбросить тебя в окно! До чего ж мне этого хотелось! Толку от тебя, как от козла молока!

Сны, где все жертвы лежали на прозекторских столах, сдвинутых в кучу в ее кабинете.

Как ты можешь спать? Как ты можешь?

И потому не прошло и трех часов, как она вновь открыла веки.

Приподнялась. Рорк крепче ее обнял.

– Еще рано...

– Они не дают мне спать! Покойники эти. Все спрашивают, как я могу...

– Ева, детка, это ты себя спрашиваешь, а не покойники! – Он погладил ее по спине. – Я думаю, со смертью приходит понимание того, что при жизни недоступно. Мертвые видят, как ты выкладываешься.

– Не уверена... Хотя, может, оттого они такие и злые, что все знают?

Он рассмеялся.

– Отдохни еще немного!

– Не могу, пора. Это решающий день, Рорк! Если мы их сегодня не найдем, Кемпбелл – труп, и Маллиган, вероятно, тоже. Я это знаю не хуже, чем мертвецы из сна. Считанные часы – и потеряем обоих!

– Хорошо, тогда за дело.

Он уступил ей душ, чтобы затопить камин и запрограммировать кофе. И еще кое-что. Когда она вышла из ванной, протянул стакан.

Ева помрачнела.

– Нет!

– Выпей. Или не получишь кофе.

– Хрен тебе! И на-кося выкуси!

– От него не будет заведенности, как от ваших полицейских энергетиков. Постепенный и разумный подъем энергии. К тому же я разбавил – все равно ты весь день догоняешься кофе. Пора бы тебе доверять мужу!

Она припомнила, что последний энергетик, на который он ее уговорил, оказался вполне себе ничего.

– На тот не похоже...

– Это новый. Продаем уже несколько недель за границей и в Азии. Управление по санитарному надзору, ФБР и все прочие ваши аббревиатуры шевелятся слишком медленно.

– Только не департамент полиции и безопасности Нью-Йорка!

Он улыбнулся.

– Это как посмотреть... Давай, ради меня. – Снова протянул стакан.

Она взяла, пригубила, нахмурилась.

– На вкус, как... зеленый виноград!

– Твой любимый. – Протянул кофе. – Я быстро в душ. Оденься потеплее, ладно? Я смотрел прогноз, мокрого снега не будет, но все равно холодно. Максимальная температура – «приятные плюс восемь».

– Кому это может быть приятно...

Она надела на майку сизый кашемировый свитер, а жакет, брюки и ботинки выбрала черные.

Рорк, вероятно, закатит глаза, скажет, как всегда, что-нибудь про «добавить красок»...

Он появился из ванной с полотенцем вокруг бедер и, наклонив голову, изучил ее наряд.

– Очень по-деловому! Образ женщины сильной, жесткой, почти яростной. Для такого дня – хороший выбор!

– Шутишь?

– И не думал.

– Вовек не освою!.. Я в кабинет. Разносолы подадим, когда остальные встанут?

– Отлично. Ждать недолго.

– А у тебя разве не запланированы в голографической комнате переговоры с Катманду? Кстати, это всамделишное название?

Он рассмеялся, подходя к гардеробной.

– Всамделишное. Я их перенес. Могу тебе помочь, если надо, поработаю утром дома.

Она уже пошла было вон, но вернулась и крепко его обняла.

– Все время забываю...

Он приподнял ее подбородок и поцеловал.

– Как ты помнишь, я это вижу.

– Я стараюсь.

Ева рассчитывала первым делом выпить еще кофе, а потом углубиться в работу, пока не привалили остальные. Почти час на то, чтобы снова обдумать факты и кое-что проверить...

В кабинете за дополнительным компьютером уже восседала с чашкой Пибоди.

– Ты рано!

Ева кивнула, продолжая двигаться в направлении кухни и кофе.

– Ты тоже.

– Решила поковыряться часок с тем, другим делом.

Другое дело, вспомнила Ева и решила сразу запрограммировать целый кофейник – народу много, и работа предстоит нелегкая.

Да, другое дело... Она скинула его на Пибоди, обещала помочь...

– Выкладывай.

Пибоди кинула на Еву быстрый взгляд.

– Точно?

– Выкладывай!

– Ладно. Труп, в реке. Всплыл у сорокового пирса. Патологоанатом говорит, в воде шесть дней.

– А кто патологоанатом?

– Портер. Труп мужчины. Двадцать пять – тридцать лет, мулат. Личность не установлена – лицо изуродовано, и рыба поработала, сама понимаешь... А пальцы отрезаны.

– Убийцей или рыбой?

– Убийцей. Как вариант – бандитские разборки. Одно ясно: убийца не хотел, чтобы труп опознали.

– ДНК?

– Отправила на экспертизу, но у них – кто бы подумал! – опять запарка, и результат обещают только завтра. Можешь придать им ускорение?

– Могу и сделаю. Причина смерти?

– Множественные колотые раны. Портер говорит, смертельной стала рана в живот. Что до пальцев, некоторые отрезаны до смерти, некоторые –

после. Как будто из него вытягивали информацию или рассчитывали получить выкуп, посылая родственникам пальцы.

– Началось как мера воздействия и кончилось как попытка затруднить опознание.

– Ага. К телу был прикреплен груз, старые кирпичи, криминалист сейчас устанавливает их происхождение. Труп запихнули в большой мешок для мусора. Мешок развязался. Вода и рыба – вполне ожидаемый эффект.

– Токсикология?

– Пока не готова. Я склонялась к версии организованной преступности или разборок, но изуродованное лицо указывает на что-то личное – минимум один удар нанесен посмертно. И следы пыток.

– В смысле пальцы?

– Пальцы – основное. Но были и более мелкие.

Ева опустила кружку.

– Какие мелкие?

– Среди порезов и колотых ран есть неглубокие. А еще Портер говорит, что левая ступня и голень раздроблены тяжелым предметом до наступления смерти. Сломаны оба колена.

– Ожоги?

– В отчете не сказано, но рыба...

Ева резко повернулась, широким шагом подошла к своему столу и позвонила домой Моррису.

Он не потрудился выключить видео – сколько она его знала, никогда этого не делал. Небрежно приподнялся на постели. Волосы заплетены в неплотную косу, глаза затуманены.

– Кемпбелл?

– Нет, но может быть связь. Подкину тебе неустановленное лицо – вскрытие делал Портер. Мужчина, двадцать пять – тридцать лет, смешанной расы. Всплыл у сорокового пирса, в воде шесть суток. Пытки, Моррис. Лицо изуродовано до неузнаваемости, отрезаны пальцы на руках. Причина смерти – рана в живот. Займись им сейчас же и добейся немедленного анализа на ДНК. Хочу установить личность. Срок? Вчера!

– ДНК организуем... – Он сбросил одеяло.

Ева успела увидеть татуировку старухи с косой на бедре, а потом ей представилась возможность подробно разглядеть весьма подтянутый зад.

– Будет готово в течение часа. Приступаю!

– Спасибо.

– А я и не связала одно с другим! – вскочила Пибоди. – И в голову не пришло...

– Дело свалилось на тебя меньше двенадцати часов назад, посреди другого, приоритетного расследования.

– Но я... Ты вот поняла за каких-то пять минут, по основным фактам!

– А если бы я дала тебе вчера еще пять минут, начали бы быстрее. Мы не знаем, есть связь или нет. Надо установить личность.

– Они раньше никогда так не делали, не вписывается в схему, но я должна была...

– «Должна была» – это все хрень собачья! И вообще, кто тут лейтенант?

– Ты, – пробормотала Пибоди.

– Если приперло рвать на себе волосы, – продолжала Ева, глядя на входящего Рорка, – выбери другое время. Тебе обвинять себя не в чем! Мы проверим. Может, они так уже делали, и никто просто не нашел труп, или это первый раз. А может, вовсе нет связи. Кстати, «может» – все равно, что «должна была», а именно – хрень! Просто есть определенная параллель, поскольку им нужно жилье в Нью-Йорке.

– Может быть, они используют его жилье. Прости, я опять... Есть вероятность, что его убили ради жилья, а труп выбросили.

Чувствуя, как расстроена Пибоди, Рорк подошел к ней и поцеловал в щеку.

– Я облажалась...

– Разве я так сказала?! Когда облажаешься, сразу узнаешь – я пну тебя ботинком в зад! Никто его не разыскивает, я прочесала сводку по исчезновениям за неделю. Вскрытие делал Портер. Тоже дело знает, но он не Моррис, который связал бы одно с другим и провел бы дополнительные анализы. Раньше у нас подобных случаев обезображивания не было. Ты ведешь дело и сообщила напарнице и начальнику при первом удобном случае. Вопрос: я пнула тебя по заднице?

– Не то чтобы...

– Значит, ты не облажалась! Сообрази завтрак! Нечего болтаться как дерьмо в проруби! Пошевеливайся!

– А что приготовить?

– Мне, черт побери, все равно!

– Ясно...

Набрав скорость, Пибоди исчезла на кухне.

Ева прищурилась на Рорка.

– Даже не вздумай читать мне нотации!

– Напротив! – Он подошел и тронул ямочку у нее на подбородке. – Собирался похвалить. Сейчас ей нужна взбучка. А теперь Расскажи-ка про

вашего неизвестного. Какое отношение он имеет к убийствам?

– Может, и никакого, а может, самое прямое. – Ева выпалила новости, одновременно запустив поиск по исчезновениям с приметами покойного.

– Сороковой пирс, в принципе, укладывается в очерченный квадрат. По крайней мере, недалеко.

– Вот именно. Итак, сценарий: неизвестный знакомится с Парсенс и Джеймсом или они выбирают его случайно, подыскивая себе место. Видимо, живет один, иначе уже хватились бы. Заваливают в собственном доме или где-то рядом. Вероятнее всего, дома. Развлекаются с ним, делают все, чтобы невозможно было опознать, запихивают в мешок, привязывают кирпичи. Крадут их на каком-нибудь пустыре или стройке. Затаскивают в машину. Сбрасывают в реку, а сами устраивают себе гнездышко.

– Когда установите личность...

– Проверим жилье. Выводы Морриса помогут решить, как это лучше сделать. Или это просто чувак, которому сильно не повезло, или наше недостающее звено.

– Ты склоняешься ко второму варианту.

Ева чувствовала это, чувствовала каждой клеточкой.

– Похоже на то. – Она обогнула доску, встала у компьютера Пибоди, углубилась в отчет. – Да, очень похоже. Окажи мне услугу!

– Какого рода?

– Такого, чтобы Макнаб и Баннер вылезли из койки. Надо быть в полной готовности, когда позвонит Моррис.

Глава 21

Ева затолкала в рот вафли – молодец, Пибоди! – и одновременно доложила обстановку всклокоченному Макнабу и Баннеру. Не прошло и получаса, как напарница сообщила о неизвестном, а у Евы в голове уже сложилась схема.

Возможно, конечно, этот неизвестный жил с женой и тремя детьми в фешенебельном пентхаусе, и никто каким-то макарон не заметил его недельного отсутствия.

Однако, если чутье ее не подводит, надо быть наготове.

– Макнаб, звони Фини! Когда получим адрес, нужны будут глаза, уши, термодатчики. Пибоди, свяжись с Кармайкл и Сантьяго. Если все срастется, они заслужили принять участие в захвате. Пусть придут в штатском, но в бронежилетах. Куда ехать, сообщим дополнительно.

С тарелкой в руке Ева прошлась вокруг доски и встала около карты.

– Баннер, прогоните по вероятности варианты местоположения с учетом машины, нашего неопознанного и сектора поиска. Около микроавтобуса никто не замечен, следовательно, он им пока не нужен. Вчера вечером не ходили за едой. Или рискнули по причине погоды заказать на дом, или есть запас. Ничего, скоро выйдут.

– Можно заключить, что Кемпбелл и Маллиган еще живы, – вставил Баннер. – Раз не нужен автомобиль...

– Да. Штурмовать будем, рассчитывая, что внутри – двое гражданских. Подгоним «Скорую». – Ева поставила пустую тарелку на стол. – Все, у кого нет волшебных плащей, надевают бронежилеты.

– А ФБР? – уточнила Пибоди.

– Извещу, когда начнем операцию. Сначала доложу Уитни. – Она в который раз посмотрела на часы, перевела взгляд на Рорка: – Хочешь с нами?

– Разумеется!

Пикнул телефон, Ева стремительно схватила трубку.

– Ну что, Моррис?

– Зед, Сэмюэл, двадцать восемь лет, Даунинг-стрит, двести пятьдесят один, квартира один-А.

– Есть!.. Рорк!

– Сейчас посмотрим.

– Скидываю тебе инфу, – произнес Моррис.

– Ты его уже осмотрел?

– Бегло. Налицо схожесть отдельных ран, и особенно смертельной. И еще вот, взгляни.

– Мы все взглянем. Компьютер, вывести на экран изображение с телефона!

– Вода и рыба сильно повредили тело. Сами видите...

– Что-то есть расхотелось, – пробормотал Баннер, когда на экране появилась крупным планом бледная, в пятнах, изъеденная плоть.

– Да, обглодали порядком... – Ева подошла ближе. – А тут, кажется, краешек сердца! Эта дуга! Это ведь не от рыбы?

– Согласен. Не буду слишком корить Портера за упущение. Я бы и сам не обнаружил, если бы специально не выглядывал.

«Ты, безусловно, выглядывал», – подумала Ева.

– Этого достаточно. То, что нам надо!

– Для вас – да, достаточно. А с моей стороны Сэмюэл заслуживает более пристального внимания. Полный отчет пришлю до полудня. Надеюсь, к тому времени вы повяжете тех двоих, кто это с ним сделал.

– Не сомневайся. Спасибо! – Она повернулась. – Рорк!

– Нашел, – отозвался он, не отрываясь от карманного компьютера. – Дом на двенадцать семей.

– И есть квартиры в цокольном этаже.

– Верно. Секунду... Ваш нюх вас не подводит, лейтенант. Один-А – полуподвальная двухкомнатная квартира, которую в данный момент снимает Сэмюэл Зед.

– Одеваемся – и на выход!

Рорк сел за руль вместительного внедорожника, а она читала информацию по Зеду.

– Пибоди, он работал поваром в крупном рыбном ресторане. Выясни, почему никто не хватился. Мать и сестра живут в Индиане и, вероятно, об исчезновении не знают. Макнаб!

– Связываюсь с Фини, Даллас. Организуем все, как надо.

Она повернулась на сиденье и в упор посмотрела на Баннера:

– Вам тепло, помощник шерифа?

– Конечно.

– Это ненадолго. Высадим вас около дома. Там уже дежурят патрульные, будете делать то же самое. Смотрите, чтобы вас не заметили, найдите хорошее место. От тележки уличного торговца или из кафе – главное, чтобы виден был объект. Косите под туриста.

– Сделаем.

– Если покажутся оба или один, пойдете следом. Не спалитесь! Не приближайтесь, просто держите меня в курсе.

– Хорошо.

– Пибоди, скажи Баннеру, что бывает, когда запарываешь дело!

Напарница лучезарно улыбнулась.

– Она дает вам ботинком под зад!

– Вы же этого не хотите, Баннер? Смотрите в оба, и ничего больше, пока не подъедут Сантьяго с Кармайкл. Потом скажу, что дальше.

– У меня и самого ботинки имеются... Спасибо за возможность участвовать, лейтенант! Не волнуйтесь, у меня зоркий глаз.

Она поверила ему на слово и вывела на комп карту, которую отправил ей Рорк.

– Вчера вечером мы прошли мимо этого самого дома! А позавчера я одна там была, совсем рядом!

– Поскольку ты не видишь сквозь стены, то могла только пройти мимо. – Рорк кинул на нее быстрый взгляд и повторил ее же собственный совет Пибоди: – Сейчас не время заниматься самобичеванием.

Возразить было нечего. Ева связалась с патрульными, предупредила их о Баннере. Когда Рорк свернул на Даунинг-стрит, подалась вперед. Тихая улочка, по крайней мере в этот час. Довольно запущенная, но держится.

На окнах цокольных и первых этажей, как водится, решетки. На окнах квартиры один-А дома номер двести пятьдесят один – решетки и ширма. Камеры нет. Разглядеть замки на ходу не вышло.

– Выброси Баннера на углу. Смотреть в оба, Баннер, только смотреть!

Он вылез, поежился и не спеша перешел улицу по зебре.

– Если приглядятся, могут принять за копа, но не за нью-йоркского. Это без вариантов.

– Потому ты и поставила его следить за квартирой.

– Да. И потому еще, что его упорство в деле Малыша очень нам помогло.

Она посмотрела на часы, прикинула расстояние до управления и позвонила Уитни.

Когда Рорк въехал на стоянку, Ева все еще говорила с шефом.

– Я в управлении, сэр, иду в отдел. Сообщу подчиненным положение дел, скоординируюсь с капитаном Фини. Будем на месте операции в течение часа. Рассчитываю на сорок минут. А сейчас позвоню агенту Звеку, чтобы к нам присоединилось ФБР.

– Со Звеком поговорю я. В данный момент это операция департамента полиции и безопасности Нью-Йорка. – Тон Уитни был отрывистым и

категоричным. – Если положение изменится, поставлю вас в известность.

– Да, сэр, спасибо! – Ева, протискиваясь в лифт, повернулась к остальным. – Говорю прямо: давайте закончим дело, пока чинуши ФБР не начали вставлять нам палки в колеса! Рорк, можно, чтобы мы ехали без остановок?

– Экспресс-лифт? С превеликим удовольствием! – Он вытащил карманный компьютер.

– Ух! – выдохнула Пиболи несколько секунд спустя, когда лифт стремительно пошел вверх.

Не успели еще полностью открыться двери, как Ева уже шагала в отдел.

– Макнаб, брифинг проведем здесь. Знаю, оборудование на ладан дышит, но сражаться за конференц-зал нет времени... Карту на экран. Кармайкл, Сантьяго, внимание!

Ева на секунду притормозила, завидев сапфирно-синие ковбойские сапоги Кармайкл с разноцветными заклепками по бокам.

– Глазам своим не верю!

– Настоящая овчина, Даллас! Теплющие! Ты же сказала «в штатском»... А Сантьяго купил шляпу!

Его губы скривились.

– Не дождетесь, не надену!

– Да, не на операцию. А вообще ты должен отходить в ней на работу полных пять дней. Проиграл пари.

Сантьяго печально кивнул Еве.

– Не учусь на собственных ошибках и теперь расплачиваюсь.

– Расплатись позже. Объект – полуподвальная квартира в доме номер двести пятьдесят один. Мы полагаем, обе жертвы еще живы. Баннер и четверо патрульных – на объекте, ведут наблюдение. Здесь и здесь. – Она взяла лазерную указку. – Двое с приборами видения – позади дома. Там аварийный люк, окно. Короткий переулок до Бедфорд-стрит. – Очертила квадрат указкой. – Согласно нашему штатскому консультанту, который оценил чертежи, люк открывается изнутри, что приводит к разблокировке решеток. Затем поднимается вручную, и человек вылезает. Вряд ли им воспользуются, однако ОЭС на всякий случай его блокирует. Вы засядете там, отрежете путь к отступлению.

– Ясно, – отозвался Сантьяго.

– На углу Седьмой авеню и Вест-Хьюстон-стрит будет дежурить «Скорая». Машина ОЭС встанет в конце квартала, с востока. Приборы должны показать в квартире четыре тепловых источника. Двое

преступников и две жертвы. ОЭС приблизится к дому и даст нам глаза и уши. Начинаем по моему приказу. Вы в бронежилетах?

Сантьяго похлопал себя по груди.

– Приоделись!

– Тогда вперед! Будете на месте – отзвонитесь мне и Баннеру. Макнаб, бронежилет! Рорк, можешь увеличить изображение? Хочу рассмотреть замки.

– Стандартные ригельные, дверь защелкивается. Не полный хлам, но и ничего особенного. Изнутри возможен дополнительный засов. Узнаем, когда подключим глаза.

– Выбьем дверь, если что.

– Ни камеры, ни сигнализации не вижу. Когда двенадцать лет назад в доме проводился ремонт, их тоже не устанавливали. Есть дверной глазок.

Вернулся Макнаб в черном бронежилете поверх кричаще-красного свитера с мерцающими серебристыми полосками, которые, решила Ева, должны были гармонировать с серебристыми штанами.

– Машина ОЭС на стоянке, лейтенант. – Он стремительно подошел к ней в своих красно-зеленых клетчатых ботинках. – Фини ждет.

– Пошли. Рорк, ты с ними. Надерем негодяям задницы!

Пока ехали, она прокручивала в голове подробности операции, хотя прекрасно понимала, что заранее все не предусмотритишь. Задача усложнялась присутствием в квартире гражданских лиц, которые наверняка связаны и ранены.

Главное – спасти им жизнь.

– Пибоди, как только ОЭС даст местоположение, пробираешься к пострадавшим и прикрываешь их, это твоя главная функция. Тебе в помощь – патрульный Кармайкл, он самый опытный. Страхуйте друг друга и берегите свои задницы.

– Это приказ?

– Вроде того. Ни у одной из жертв не обнаружено следов от парализатора, хотя кто знает... А вот колющее оружие и тяжелые предметы точно есть. – Ева припарковалась позади микроавтобуса ОЭС. – Мужчина более склонен защищать партнершу, чем она – его. Тем не менее без боя она не сдастся. Помните: они придурки, но придурки хитрые!

– Ты тоже поосторожнее...

Вылезли из машины. Не успела Ева постучаться к ОЭС, как Рорк открыл дверцу и протянул руку, чтобы помочь им с Пибоди забраться внутрь.

– Настраиваем термодатчики, – пояснил он.

Фини возился с оборудованием, рядом с ним покачивался Макнаб.

– Уточняем координаты. Большая часть квартиры – ниже уровня улицы. – Фини еще что-то похимичил и повел плечами. – Есть. Ваши четверо. Двое – в северо-восточном углу.

– Надо полагать, спальня. – Рорк сверился с карманным компьютером.

– И еще двое в передней комнате.

– Гостиной.

Ева заглянула Фини через плечо.

– Подозреваемые в постели. Жертвы, тоже в горизонтальном положении, на расстоянии примерно полуметра друг от друга.

Живые, мысленно добавила она. Все еще генерируют тепло.

Она вылезла из машины, чтобы посмотреть кое-что по компу и скоординировать действия команды.

Рорк выпрыгнул следом.

– Глаза и уши готовы, лейтенант!

Сразу надо было понять, что он найдет способ оказаться в гуще событий...

– Подключай.

Он протянул ей с Пибоди наушники-капли.

– Начинаем! – произнесла Ева. – Фини, малейшие передвижения внутри – сразу сообщ.

– Пибодюнчик!

Макнаб высунулся из машины и протянул руку. Они коснулись пальцами. Ева видела это десятки раз.

– Вернусь через пару минут, – сказала Пибоди.

Зашагали по улице.

– Приближаемся, – произнесла Ева. – Полная боевая готовность! Внутри никаких передвижений.

Последние несколько метров пробежали пригнувшись. С оружием в руке Ева первая спустилась на несколько ступенек и встала у двери. Пибоди заняла позицию с противоположной стороны, а Рорк сел на корточки с оборудованием.

– Дайте мне несколько секунд...

Рид перевернулся. Сломанная рука так стрельнула, что боль отдалась в голове. Дыхание со свистом вырывалось из потрескавшихся кровотокающих губ.

Казалось, он пытается высвободиться уже целую вечность. Несколько раз терял сознание от боли. Сквозь ширму за окном видел, что светло.

Утро.

– Джейла! – Он едва узнавал собственный голос. – Джейла, проснись! Нельзя спать! Давай, поговори со мной! Веревка ослабла. Высвобожу руку и...

Ее веки дрогнули.

– Хочется спать...

– Нельзя! Посмотри на меня. Помни! Ты сама говорила! Они еще в постели. Я высвобожу руку, и, может, на этот раз получится. Прости, что сделал тебе больно!

– Не важно, ты не виноват, это они... Сегодня меня убьют. Она сказала: «Завтра мы тебя убьем». Хочу заснуть и не проснуться. Когда спишь, летают ангелы...

– Нет, Джейла! – Он извернулся еще сильнее, и боль пронзила тело раскаленным железом.

Накануне вечером они снова заставили его насиловать Джейлу и для пущего эффекта ее порезали. На грязном целлофане засохла кровь.

На сей раз Джейла не могла кричать и сопротивляться. Просто лежала. И не слышала эту суку. То есть слышала не все. Элла-Лу сказала, что они заставят Рида ее убить...

Ужас от этой мысли был страшнее боли и желчью подкатывал к горлу.

Послышался смех.

Проснулись... Скоро начнется...

– Движение от ближайшего к окну объекта, – пробормотала Ева. – Кто-то из пострадавших не спит. Стойте... теперь в спальне. Глаза, Рорк!

– Сейчас.

Ева уставилась на экран. Изображение помигало и выровнялось. Пол, верхняя одежда. Прежде чем она успела что-то сказать, Рорк начал медленно водить камерой.

– Стоп! В поле зрения двое гражданских лиц. Визуальное подтверждение Маллигана. Не спит, вяло пытается высвободиться. Визуальное подтверждение Кемпбелл. По всей видимости, без сознания. Оба связаны. У нее идет кровь. Много крови на полу. Подозреваемых не видно.

– Даю звук, – тихо роизнес Рорк.

– Если они еще в постели, мы входим, прикрываем пострадавших. Патрульный Кармайл, ко мне. Баннер, занять позицию у входа.

Рорк подключил аудио, и послышался смех.

– Проснулись и встают. Открывай!

– Секунду. Засова нет... – Рорк отодвинул компьютер и вытащил инструменты. – Береги себя, детка...

– Не буду, как и ты. Пибоди, Кармайл, сразу к пострадавшим! Баннер, зовите остальных!

– Готово, – доложил Рорк.

Дверь с шумом распахнулась.

Крики, беготня.

Голый Джеймс схватил плотничный молоток. Парсенс, в краденном сексуальном белье, – кухонный ножик. Вскрикнула, попыталась удрать.

– Стоять! Полиция!

Джеймс метнул молоток. Ева увернулась и услышала, как он хлопнул о стену.

– Этот мой, – спокойно произнес Рорк. – Займись женщиной.

Джеймс, выпучив глаза, ринулся на Рорка. Зная своего мужчину, Ева предоставила ему действовать, а сама бросилась за Парсенс в спальню.

Заперто. Покачала головой, отошла назад и два раза пнула с размаху. Дверь распахнулась, и в Еву тут же полетела бутылка.

– Сдавайся!

– Не подходи! Убью! – Элла-Лу схватила с пола другую бутылку и разбила о стену.

– Спятила? У меня парализатор!

– Сейчас изрежу тебе рыло!

– Попробуй.

Замахнувшись бутылкой и пыряя воздух ножом, Элла-Лу прыгнула на Еву. Та на миг подумала о парализаторе, но все-таки выбрала то, что приносит больше удовлетворения, – левый кросс.

Удар немного смазлся – пришлось увертываться от ножа.

Ей было совсем не жаль, когда сучка упала навзничь на битое стекло и, окровавленная, с криком перевернулась.

– Что, нравится?

Темная сторона Евы могла бы с удовольствием повозить стерву по осколкам и даже прижать ботинком нож, захватив попутно пару пальцев.

Короткий отчаянный визг не смутил ее чувств.

Однако Ева-коп отшвырнула ногой нож, вздернула вопящую бабу на ноги и бросила ничком на кровать.

– Вы арестованы по обвинению в многочисленных убийствах с отягчающими обстоятельствами! Для начала...

Ева щелкала наручниками, а Элла-Лу истошно звала Дэррила:

– Дэррил! Дэррил! Убери эту суку!

Ева наклонилась и прикрыла рукой диктофон.

– Мой муж – настоящий мужчина и уже скрутил твоего клоуна!

Рывком поставила Эллу-Лу на ноги.

– У вас есть право хранить молчание... Но давай, кричи, сколько душе угодно! Бальзам на душу!

Элла-Лу повернула голову и щелкнула зубами.

– Кусаемся? Ой как страшно!

Поволокла ее к двери, и тут в комнату ворвался Баннер.

– Ага... Сами нормально?

– Первый сорт! Она упала на стекло, надо обработать. Я не закончила зачитывать права. Может, займетесь, помощник шерифа?

– От такого удовольствия не откажусь, лейтенант.

– Осторожно, она кусается!

Баннер оскалился в ответ.

– Видали мы таких кусак!

Когда он потащил Эллу-Лу вон, Ева перевела дух, сжала несколько раз левый кулак и пошла следом.

Голый Дэррил лежал на полу без сознания. Патрульный надевал на него наручники. Ева кинула взгляд на Рорка.

– Я бы сказал, шикарно повеселились, если бы не...

Они вместе посмотрели на пострадавших.

Санитары оказывали им первую помощь, копы перерезали веревки, а Пибоди успокаивала.

– Спасите ее! – плакал Рид. – Спасите, пожалуйста! Меня заставили ее насиловать! Она держалась, не винила меня! Спасите ее! Ее зовут Джейла. Они так ее мучили! Без остановки!

– Мы знаем, кто она, – подошла Ева. – И кто ты, Рид. Ты ни в чем не виноват. Врачи сделают все возможное для нее и для тебя.

Макнаб накрыл его одеялом, отошел в сторону, чтобы не мешать. Санитары подняли носилки.

– Спасите ее! – Рид в упор смотрел на Еву. – Ее зовут Джейла!

Она повернулась к санитару, одновременно разглядывая бескровное лицо Кемпбелл.

– Выживет?

– Не знаю. Потеряла много крови, делаем переливание. – Он покачал головой. – Сейчас в больницу.

– Сообщайте мне о ее состоянии. И о Маллигане. Лейтенант Даллас из Центрального управления.

– Знаю, вас все знают. Помечу, чтобы информировали. Ублюдки

здорово ее отделали. Прижмите их как следует, лейтенант!

Непрерывно.

– Поставить оцепление! – крикнула она. – Вызвать чистильщиков. Всем пользоваться изолирующей жидкостью и включить запись. С подозреваемых не спускать глаз. Осмотреть и оказать медицинскую помощь. Все строго по инструкции, народ, до последней запятой!

Подошла к Кармайкл и Сантьяго.

– Плацдарм в вашем распоряжении.

– Приступаем! – отозвался Сантьяго.

– Документируйте вплоть до пылинки. Копию отчета – мне, Уитни, Мира, Рео и спецагенту Звеку.

Кармайкл посмотрела на лужу крови на целлофане, брызги и мазки на ножах, молотках, отвертках и битом стекле.

– Задайте им жару и отожмите насухо!

– Не сомневайся.

Ева вышла на холод, который после смрада внутри показался просто чудесным. Повернулась к Рорку:

– Спасибо за помощь!

– О нет, я пока с вами. Поменял кое-что в расписании. С удовольствием погляжу, как ты задашь им жару и выжмешь насухо.

– Джейла может не выдержать. Санитары не верят, по глазам видно. Если бы на несколько часов раньше...

– Ева!

– Знаю, знаю. Ни я, ни кто другой не виноваты – только эти двое. Но она держалась, несмотря на все пытки, держалась, жила. А теперь может умереть.

Ева потерла лицо руками.

– Надо связаться с ее соседкой.

– Я обзвоню родственников, – предложила сзади Пибоди. – Если рядом будут друзья и родные, шансы вырастут. Мы с Баннером поедem обратно с ОЭС, и я по дороге всех оповещу.

– Ладно. А я отчитаюсь перед Уитни и подключу Мира. – Ева выдохнула облачко пара. – За дело!

Она зашагала прочь от этого кошмара в квартире покойника. Надо сообщить и его близким...

– А что, если я обниму тебя за плечи?

– Что?!

Рорк улыбнулся.

– Ты, конечно, против подобных жестов при всем честном народе, зато

будешь чувствовать, что я рядом и готов помочь.

– Я в порядке. Злодеи пойманы.

– Пибоди понимает, что нам надо побыть вдвоем. Пользуйся возможностью.

– Рид пострадал меньше – не так пытали, иначе от слабости не смог бы насилловать. Выжить-то он выживет, а вот оправится ли? Простой парень, неплохой, видимо, и придется теперь с этим жить. Его тоже изнасиловали!

– Психологи помогут понять и пережить.

– Это нелегко, надо много времени. Некоторым вообще не удастся.

У нее похолодело в животе при воспоминании, насколько она сама была к этому близка.

– Я бы без тебя не справилась. Даже с Мира.

– Ну все, плевать на копов! – пробормотал он и обнял ее за плечи. – Ты смогла! Мы оба смогли! И я не изменил бы ни мгновения, хорошего или плохого, с тех пор, как обернулся и в первый раз тебя увидел. Как удар грома! – Коснулся губами ее лба. – Я от него так и не оправился.

– Ни минуты?

– Ни одной!

– Потому что поменяешь одно, поменяется остальное?

– Умница!

– Ладно. – Ева глубоко вздохнула и отстранилась. – Больше никаких телячьих нежностей на людях! – Сделала несколько широких шагов к машине ОЭС и крикнула Фини: – Поймали засранцев!

– Теперь поджарь их, детка!

На ее лице сверкнула жестокая ухмылка, и Рорк подумал: «Вот она, моя девочка-коп!»

Глава 22

В злом рабочем настроении Ева направлялась в убойный отдел.

– Уже выработала линию допроса, – заметил Рорк.

– Есть план. – При виде Звека замедлила шаг. – Возможно, придется вносить коррективы... Спецагент!

– Лейтенант, надо поговорить.

– Конечно. У меня. – Она кинула взгляд на Рорка и первая вошла в отдел, где все до единого копы встретили Звека подозрительным взглядом.

Махнула, приглашая в кабинет. Рорк пошел гулять между столов и, возможно, любоваться последним шейным приобретением Дженкинсона.

– Присаживайтесь.

Звек только покачал головой.

Прочитав его мысли, Ева закрыла дверь и опустилась на край стола.

– Парсенс и Джеймс под стражей.

– Слышал.

– Захват проведен чисто, никто из полицейских не пострадал. Подозреваемым оказывается или уже оказана медицинская помощь. Во время операции они получили незначительные травмы. Кемпбелл и Маллиган отправлены в больницу. Бригада «Скорой помощи» дала понять, что у Кемпбелл мало шансов.

Его губы поджались.

– Я знаю, кто с нашей стороны ставил палки в колеса.

Он едва сдерживался. Ева кожей чувствовала его ярость и потому лишь кивнула.

– Оба в чинах... Я намерен использовать ваши отчеты и сегодняшнюю операцию, чтобы им объявили взыскание. Над ними тоже есть начальство, и я пойду до самого конца. Мой отчет будет задержан, пока я не оценю все детали и не сделаю выводы...

Она снова кивнула:

– Ладно. Я хочу сама их допросить, и помощник шерифа Баннер тоже, черт возьми, это заслужил. Однако мне чихать, кто первым сообщит СМИ или какая структура в конце концов упрячет этих психов за решетку на всю их оставшуюся дебильную жизнь.

– Упрячут психов на всю их дебильную жизнь федеральные власти США, а пока – допрашивайте. Я позабочусь, чтобы вам хватило времени.

– Договорились! Хотите присутствовать?

– Нет, просто понаблюдаю.

– Хорошо. Я провожу... Да! – крикнула она, когда в дверь постучали. В кабинет сунула голову Пибоди.

– Прошу прощения... Я просто сказать, что подозреваемые получили медицинскую помощь. И еще: сюда спускается Уитни. Мира тоже скоро будет.

– Ведите подозреваемых в разные допросные. Пусть помаринуются. Пибоди кинула взгляд на Звека.

– В допросные к нам?

– Да, к нам. И смотрите, чтобы они не видели друг друга.

– Не буду мешать, – промолвил Звек. – Дайте знать, когда начнете.

– Хорошо.

Пибоди посторонилась, пропуская его к выходу.

– Он не забирает у нас дело?

– В бешенстве на своих и хочет показать им средний палец. Пока просто посмотрит, даст нам врезать первыми. Врежем как следует! С Баннером чередуетесь. Сначала мы с ним – к Джеймсу, потом с тобой – к Парсенс, потом опять. И по ходу посмотрим...

– Сейчас все устрою. Уитни!.. – прошептала Пибоди, но Ева уже слышала его властную поступь.

– Сэр!

– Здравствуйте, детектив Пибоди. Отличная работа, лейтенант! – произнес он, возникая в дверях.

– Сэр, я как раз собиралась к вам...

– У вас сегодня дел больше, чем у меня.

Он заполнил собой кабинет – большой человек в маленькой комнате.

– Детектив, ведите подозреваемых.

– Есть.

– К вечеру напишу подробный отчет, – пояснила Ева. – Сначала хочу допросить. Операция на какое-то время в наших руках. Спасибо спецагенту Звеку!

– И я это время увеличу, если будет нужда. Вы начали, вы и закончите. Шеф Тиббл нас поддерживает и передает свои поздравления.

– Благодарю.

– На данном этапе с нами работает помощник прокурора Рео, потом дело возьмет в свои руки государственный обвинитель. Когда закончим, подозреваемые будут переданы федеральным властям.

– Понимаю, шеф.

Он слегка улыбнулся.

– Хорошо. СМИ все это время молчали, потому что не связывали одно с другим. Скоро взорвутся. Полагаю, первая информация им пошла, – он демонстративно посмотрел на часы, – около десяти минут назад.

Значит, напрямую участвовал.

– «Департамент полиции и безопасности Нью-Йорка установил личность, местонахождение и задержал двух лиц, которые оставили по стране кровавый след. По предварительным оценкам, с августа прошлого года, когда начался их зловеший вояж, жизни лишились двадцать четыре человека». Федералы урвут кусок пирога, – заключил Уитни, – но не получат его целиком.

– Большой кусок полагается помощнику шерифа Баннеру.

– Согласен. Полиция Нью-Йорка наградит его за неоценимую помощь. У меня есть причины полагать, что и ФБР – тоже.

Он повернулся. В дверях появились Мира и Рео.

– Господи, Ева! – Мира вошла и посторонилась. – Время даром не теряешь!

– Черт-те что, а не утро! – Рео, яркие волосы которой были приглажены, а глаза глядели пристально и цепко, поставила портфель на стол. – Прежде чем начнем, можно кофе?

Ева протиснулась к автоповару.

– Должен быть способ увеличить вам кабинет, – заметил Уитни. – Изыщем средства.

– Тогда сюда будет набиваться еще больше народа. При всем уважении, сэр... – отозвалась Ева.

Поскольку время позволяло, она сообщила присутствующим детали и вкратце обрисовала основную стратегию.

Когда вновь осталась одна, облегченно вздохнула. Четверым тут совсем нечем дышать. Сложила нужные бумаги в папку и вышла.

– Баннер, вы со мной. Пибоди, смотришь через стекло. Скажи Звеку, что начинаем. Где Джеймс?

– В допросной Б.

– Он первый.

Баннер поравнял с ней шаг.

– Спасибо за возможность участвовать в допросе, лейтенант!

– Вы это более чем заслужили.

– И все-таки я очень благодарен.

– Уже получили свитер с эмблемой полиции Нью-Йорка?

– А как же!

– Носите с гордостью! Пришли. – Ева распахнула дверь. – Включить

запись. Лейтенант Ева Даллас и помощник шерифа Баннер приступают к допросу Дэррила Роя Джеймса по делам У-52310, У-52314, У-52318 и связанных с ними. Мистер Джеймс, вас информировали о правах?

Его отмыли, смазали «заживителем» ссадину над левым локтем и обрядили в тюремный комбинезон. Ядовито-оранжевый ему не к лицу, решила Ева. Как и зацветающий фиолетовый синяк на челюсти.

– Где моя Эллу-Лу?

– Под стражей. Задницей на сковородке, как и вы. Вас информировали о правах?

– Мне надо ее видеть! Убедиться, что ее не обижают!

Ева села за стол напротив Джеймса. Положила папку.

– У вас есть право хранить молчание...

– Слышал я все это! Приведите Эллу-Лу!

– Значит, вам зачитали права?

– Да говорю же! – Он стукнул по столу кулаком, громыхнув наручниками. – Пока ее не увижу, ничего не скажу!

– Не увидите, пока все не скажете. – Ева откинулась на спинку. – Права, стало быть, вы слышали. Так вот, это все, что у вас есть. Дело в том, Дэррил, что в моей власти сделать так, чтобы вы больше никогда ее не увидели.

Он побагровел от ярости.

– Вы не можете нас разлучить! Нас повенчали на небесах! Это истинная любовь, на всю жизнь!

– Полагаете? Посмотрим, насколько истинная и на всю ли жизнь, когда она поймет, что эта «жизнь» пройдет в бетонной клетке на другой планете.

Ева подалась вперед.

– Ты стукнешься, Дэррил, и стукнешься больно! Усек? Всю оставшуюся жизнь будешь смотреть на небо в клеточку! Это тебе не пара лет в Оклахоме, где есть посещения родственников, комнаты для супружеских свиданий, книги и возможность учиться. Приговор на несколько жизней! Жуть жуткая!

– Нечего меня пугать! Вломились к нам домой...

– К вам? К Сэмюэлу Зеду!

В глазах Дэррила блеснуло лукавство.

– Ну да, старины Сэмми... Он в отъезде, разрешил у себя пожить. Просил приглядеть за квартирой.

– Да что вы говорите!

– То и говорю.

– А его поездка предполагала сбрасывание в Гудзон с отрезанными

пальцами?

– Понятия не имею, о чем вы.

– Где вы познакомились?

– В каком-то баре.

– Название!

Он нагло ухмыльнулся.

– Солнышко, их так много, не упомнишь!

– Элла-Лу трясла перед ним сиськами? Соблазняла его? Отвечай, солнышко!

Дэррил побагровел.

– Не смейте так говорить о моей девочке!

– Обещала его трахнуть, чтобы привел к себе домой? Кто из вас выбил ему зубы? Кто отрезал пальцы?

– Не знаю, о чем вы! Если Зед ввязался в неприятности и его грохнули, мы ни при чем. Мы просто смотрели за квартирой!

– А Джейла Кемпбелл и Рид Маллиган тоже смотрели за квартирой?

Он вперил взгляд куда-то поверх ее головы.

– Таких не знаю.

Ева почувствовала – впервые говорит правду. Даже не знает их имен...

– Те, кого вы связали и пытали, жалкий долбоеб! Кого с Эллой-Лу резали, жгли и били, потому что вы от этого торчите!

Он вытянул под столом ноги и вдохнул сквозь зубы.

– Вы ничего не поняли. Они сказали, что им такое нравится, что здесь, в большом городе, всяких полно. Мы просто дурачились. Что они там наплели? Врут все, и вы ничего не докажете!

Ева открыла папку, вывалила на стол фотографии.

– А эти, Дэррил? Им тоже нравилось?

– Я их не знаю.

Однако на фото посмотрел с жадностью, в глазах мелькнула гордость.

Ева начала вставать, чтобы пригрозить сильнее, и тут прозвучал спокойный голос Баннера:

– Малыш Мелвин.

– Чего-чего?

– Малыш Мелвин, вот этот. – Баннер подвинул фото.

– Вы откуда?

– Сибилс-Понд, Арканзас. Как и он. Мы дружили.

– Очень жаль вашего друга, только мы никогда в Сибилс-Понд не бывали.

– Выгораживаешь Эллу-Лу, так, Дэррил?

– Я ради нее – что угодно! – Дэррил пальцем обвел у себя на груди сердце. – В обиду не дам! Надо, так умру!

– Вижу. – В тоне Баннера просквозил намек на восхищение. – Вы двое созданы друг для друга, это верно. Пойми: мы докажем, что вы убили моего друга и всех остальных. Докажем, что были в Сибилс-Понд, что встретились в «Ковбое и лассо»...

– «Едва взглянули – полюбили». Шекспир, дружище!

– Ясно. Так вот, мы докажем, как вы с Эллой-Лу любили друг друга по всей стране, как после твоей отсидки подались на восток в пикапе, который ты четырем годами ранее угнал у Барлоу Хэнкса.

– Черт... – Губы Дэррила снова изогнулись в дерзкой усмешке. – Я заплатил Барлоу наличными, он врет!

– Потом заехали в Арканзас, – продолжал Баннер тем же спокойным светским тоном, – убили монтировкой Роберта Дженсена и на его машине двинулись в Сибилс-Понд, где взломали пустующий дом. Потом туда пришел Малыш Мел.

– Никого из них не знаю, – повторил Дэррил с тем же ослиным упрямством. – Нечего тут огород городить!

– Мы докажем, что все они умерли от ваших рук. У тебя есть шанс помочь себе и защитить Эллу-Лу. Ничего не скажешь – больше никогда ее не увидишь. И ее будут обижать. А все потому, что ты не сможешь за ней присмотреть...

Дэррил сжал кулаки.

– Я не позволю!

Ева рывком встала.

– Ты нам не указывай, урод! Лучше раскинь мозгами. Подумай про Эллу-Лу в клетке, где ты не дотронешься до нее, не защитишь. Подумай, – повторила она, постукивая по столу фотографиями. – И может, когда мы вернемся, у тебя прояснится память. Даллас и Баннер приостанавливают допрос. Выключить запись.

Повернулась за дверью к Баннеру.

– Неплохо, совсем неплохо!

– Хотелось схватить его за глотку и возить мордой по столу, пока не превратится в кашу! Впервые чувствую в себе такую кровожадность. – Баннер привалился к стене.

– Поговоришь с убийцей – не то еще бывает.

Ева заметила, что он побледнел.

– Может, передохнете?

– Наверно. Проветрюсь и пойду наблюдать через стекло.

Она посмотрела ему вслед, потом вернулась к себе, собрала еще пачку фотографий и связалась по рации с Пибоди.

– Иду к Парсенс.

– Я на месте.

Меняем стратегию, подумала Ева.

– Наедем, как каток. Никаких «добрых копов».

– За милую душу!

– Включай стерву! – Ева открыла дверь и отметила, что Парсенс оранжевый тоже не к лицу. – Начать запись. Лейтенант Ева Даллас и детектив Дейла Пибоди допрашивают Эллу-Лу Парсенс. – Она монотонно отбарабанила номера дел под аккомпанемент нытья арестованной.

– Кто вам позволил волочить меня туда-сюда! Я вся в порезах, мне надо в больницу! Вы меня домогались, хватали за сиськи. Я отказываюсь разговаривать!.. Что вы сделали с Дэррилом? – наконец спросила она. – Мне нужен мой Дэррил!

– Тебе зачитали права, Элла-Лу?

– Да пошли вы со своими правами! Я хочу в больницу. Мне нужен Дэррил!

– Тебе оказана медицинская помощь, а Дэррила ты не увидишь. Может быть, никогда.

Неподдельный ужас смыл краску с ее лица.

– Что значит «никогда»?! Он муж моей души, у меня есть полное право его видеть!

– Единственные твои права – хранить молчание...

Ева зачитала обновленную формулу Миранды, не обращая внимания на крики и требования Эллы-Лу.

– Ты понимаешь свои права и обязанности?

– Я понимаю, что ты стерва без сисек!

– Могу повторять до тех пор, пока не скажешь под запись, понимаешь или нет. Или сейчас уйдем и оставим тебя поразмыслить несколько часов.

– Ладно, понимаю! Верните мне одежду. И я хочу, чтобы Дэррил был здесь! Я не обязана отвечать какой-то полицейской лесбиянке!

– Насрать нам, чего ты хочешь! – жестко и злобно отрезала Пибоди, вызвав гордость у напарницы. – Единственная твоя одежда теперь – та, что сейчас, и еще синие тюремные робы. В оранжевом ты, конечно, похожа на перепеченную тыкву, но ничего, бабы в Райкерс съедят тебя с потрохами!

– Не знаю никаких Райкерс, и вранье все это...

– Райкерс – временно, – заметила Ева. – Потом, наверно, Омега. Это в космосе. Джейла Кемпбелл и Рид Маллиган, те двое, которых вы пытали,

когда мы с тобой встретились, расскажут о вас с Дэррилом немало.

– Они все лгут! Мы играли! Закон не запрещает развлекаться в собственном доме! Совершеннолетние люди по взаимному согласию...

– Они дали согласие, чтобы их связали, жгли, избивали и насиловали?

– Они больные! Мы с Дэррилом просто подыгрывали, экспериментировали. Нам уже надоело, и мы собирались вытолкать их вон из нашей квартиры.

– Вашей? – загремела Пибоди, вываливая из папки фото и отыскивая среди них Сэмюэла Зеда. – Его квартиры, манда ты гнилая! Сука безмозглая! Думала, если отрезать пальцы, мы не установим личность? Полюбуйся на свою работу!

Пибоди стремительно обошла стол и сунула фотографию ей под нос. Ева откинулась на спинку, не вмешиваясь.

«Давай, Пибоди, жарь!»

– Отцепись! – взвизгнула Элла-Лу. – Убери руки! Это запрещено!

– С больными шлюхами-извращенками я могу делать что угодно!

– Нет! Дэррил, убери ее! Я буду жаловаться!

– Кому? – осведомилась Ева. – Твое слово против слова копов? Ха! И с записью вечно что-то случается, оборудование сбоит... Пибоди, снимем наручники? Давай, как в прошлый раз! Я прикрою.

Пибоди сверкнула глазами и оскалилась.

– А что, можно!

Ева привстала, и Элла-Лу сжалась в комок.

– Вы не имеете права! Он напал на меня! Дэррил просто меня защищал! Тот парень хотел меня изнасиловать, а Дэррил заступился! Это самооборона!

– И в ходе этой самообороны Сэмюэл Зед потерял все пальцы?

– Мы... мы испугались, что будут проблемы, и сбросили его в воду.

Она сидела скрючившись и бросала злобные взгляды на Пибоди.

– Надо было где-то жить, и мы пошли к нему. Вот и все! Он меня насиловал, а Дэррил его остановил. Дэррил – герой!

– Кто бы сомневался. И где произошло это якобы изнасилование? – продолжала Ева.

– Не знаю. Мы только приехали в Нью-Йорк, было темно. Завернули куда-то выпить, я вышла на минуту на улицу, а этот парень меня схватил и стал срывать одежду. Дэррил выбежал на помощь.

– На улице, около какого-то бара, в собачий холод?!

– Да! Самооборона!

– И никто не заметил попытки изнасилования, в результате которой

нарисовался труп! А в процессе вы умудрились добыть его документы и нашли время перевезти тело в угнанном микроавтобусе!

На лице Парсенс мелькнуло замешательство.

– Я... мы... никто нам не помог! Никто! Мы ничего не угнали.

– Угнали. Машину с длительной стоянки в аэропорту Ньюарк, – возразила Ева. – И, несмотря на шок – все-таки нападение и труп! – разработали план: не бросить тело, не обратиться в полицию, а втащить в машину, изувечить лицо, отрезать пальцы, затолкать в мешок с кирпичами и скинуть в Гудзон!

– Мы испугались! А машину взяли на время, собирались вернуть!

– Машину Роберта Дженсена – тоже? – Скажись, Пибоди сунула ей под нос новое фото. – После того как убили его монтировкой и оттащили в кусты у двенадцатого шоссе в Арканзасе? Он тоже хотел тебя изнасиловать?

– Я не...

– Давай, скажи, что не знаешь, о чем мы говорим, – холодно предложила Ева.

Элла-Лу подняла на нее глаза.

– Давай! Это все в целях самообороны или игра? Не стану утомлять тебя именами – ты их не знала и знать не хотела. С двенадцатого шоссе в Сибилс-Понд. – Ева перечисляла населенные пункты, а Пибоди показывала фото за фото. – Ты сядешь, и точка! Перевари! Куда тебя отправят, на сколько... Здесь возможны небольшие варианты. Во-первых, это все жертвы или есть еще? А во-вторых, Элла-Лу, нам нужны мельчайшие подробности. Ты рассказываешь в деталях, что вы сделали, ты и Дэррил, и, может быть, мы устроим, чтобы тебя не съели заживо и был бы шанс когда-нибудь выйти. А продолжишь нести бред собачий – сядешь до конца жизни.

– У меня ребенок!

Ева обошла стол и наклонилась к Элле-Лу из-за спины.

– Знаю. Ты бросила ее матери и с тех пор ни разу не навестила! Хочешь ее использовать? Давай! И я найду способ прижать тебя еще крепче! Устрою тебе такое, что ваши с Дэррилом «игры» покажутся пикником на взморье! Гарантирую!

Ева выпрямилась.

– Один шанс, только один! Ты рассказываешь обо всех, побывавших на том столе. Подробно. И о других, если здесь не все. У нас есть свидетели, вещдоки и данные криминалистической экспертизы, есть ваш маршрут. Все, что надо, чтобы вас засадить. Ври дальше – и дело твое

труба, отправишься во внеземную камеру до конца жизни. А Дэррил – в другую. И никогда не увидите! Даллас и Пибоди приостанавливают допрос. Выключить запись!

За дверью допросной, где истерически рыдала Элла-Лу, Ева повернулась к Пибоди.

– Гнилая манда? Больная шлюха-извращенка?

– Понравилась аллитерация. Нечаянно вышло.

В знак похвалы Ева ткнула напарницу в плечо.

– Молодец, Грозная Пибоди!

– Я и сама от себя малость струхнула... Только, Даллас, не пойму, зачем с ней договариваться?

– Потом поймешь. – Ева прошла в комнату наблюдения. – Баннер, за работу! Агент Звек, передам их вам в лучшем виде.

– Оба были уверены, что могут бесконечно продолжать в том же духе, – заметила Мира. – И что имеют право, поскольку это их сближает, удовлетворяет потребности, усиливает то, что они считают любовью. Вряд ли она свалит вину на него. Скорее, будет настаивать, что он просто ее защищал. На каком-то базовом уровне она ему так же предана, как он – ей.

– Мне и не нужно, чтобы она его обвиняла. Подадим все как помощь себе и друг другу. Сейчас закончим с Дэррилом. Они не такие уж и крепкие орешки...

Она вернулась вместе с Баннером в допросную, возобновила запись, села.

– Ну, Дэррил, время на размышления вышло. Дальше так: у тебя два варианта. Те же два, что я только что озвучила Элле-Лу.

– Я хочу ее видеть! Вы должны дать мне ее увидеть! Мы поклялись больше не расставаться!

– Ничего я не должна, но, – помедлила Ева, как будто прикидывая, – ты ее увидишь, если примешь разумное решение. Она уже кое-что рассказала, поскольку печется о своем и твоём благе. Но процесс сработает, только если сотрудничать станете вы оба.

– Что она сказала?

– Она любит тебя, Дэррил, дураку ясно.

– Два человека – одно сердце!

– Верно. Потому-то вы и вырезали сердце с инициалами на телах убитых. Не могу уточнить, что именно она сообщила, – это квалифицировалось бы как давление на подозреваемого. Скажу только, что она кое-что объяснила. Например, как вы взяли на время машину с парковки в Ньюарк.

– Правильно, взяли на время. Стояла там без дела...

– И еще про Сэмюэла Зеда, парня, в чьей квартире вы поселились. Ты должен рассказать, что вы с ним сделали, Дэррил. Солжешь – прекращаем разговор. Прокурор роет копытом землю и требует для обоих космической тюрьмы на всю оставшуюся жизнь. Если судить станут в Нью-Йорке... – Ева покачала головой, – Элле-Лу придется очень несладко. Красивая женщина. Заключение и охранники будут сильно ее обижать. Делать ужасные вещи... Ты этого не хочешь, знаю. Она сказала, ты всегда ее защищаешь.

– Да! До конца жизни!

– Тогда защити сейчас, Дэррил, и я попробую договориться с властями штата, чтобы вас не разлучали. Вы сядете – это не изменить. Но, если все расскажешь, замолвлю за вас слово перед обвинителем.

– Если бы мне ее увидеть...

– Когда закончим, я это устрою.

– Обещаете?

– Под запись – обещаю, что, когда закончится допрос, вы друг друга увидите.

– И дальше будем вместе?

– Да, пока дело в моих руках. Но ты должен все рассказать. Солжешь – и конец. Начнем с Зеда, того, что вы скинули в реку.

– Ладно. Вы поймите, все дело в любви. Наша любовь – больше всего на свете! Элла-Лу очень хотела в Нью-Йорк, так мечтала. И надо было как-то устраивать здесь жизнь. Она заговорила зубы тому парню. – Он постучал пальцем по фотографии. – В баре. Выспросила, что один и где живет. Потом захотела посмотреть его квартиру, и они пошли. Недалеко совсем, в паре кварталов. Оставила открытой дверь.

– Так, – подбодрила Ева, – хорошо! Дальше!

– Когда я вошел следом, он ее лапал. И я взбесился. Мы не собирались убивать его сразу, так получилось. Хотели поддержать, посмотреть, как пойдет, но он ее лапал, и я нечаянно стукнул сильнее.

– И все-таки он был еще жив?

– Ага, недолго. Выспросили кое-что, чтобы с его компа послать имейл на работу. Написали, что у него срочные семейные обстоятельства. Потом потолковали и отрезали пальцы, из-за отпечатков.

– Когда отрезали пальцы, он был жив? Повторяю, если соврешь, я вам не помогу.

Дэррил облизал губы.

– Может, и жив сколько-то. И когда по лицу били – тоже. Но

скопылся быстро. А потом я вышел, принес кирпичи с того места, где мы сначала хотели поселиться. Только там для Эллы-Лу оказалось холодно, поэтому и надо было нормальное жилье. Для семейной жизни нужно место.

– И вы захотели взять квартиру Зеда.

– Судьба! Так же, как наша с Эллой-Лу встреча. Сунули его в мешок с кирпичами, завязали и отвезли к реке.

– Хорошо, Дэррил. Чистосердечное признание смягчает наказание. Хотя, по-моему, ты кое о чем забыл. Что вы с Эллой-Лу делали после убийства Зеда до того, как выбросили тело? Вы делали это на его кровати?

На этот раз он ухмыльнулся до ушей.

– До кровати не дотянули... Завелись от быстрого убийства и вообще. Пол как перина, когда влюблен!

– То есть вы... занялись любовью, – переспросил Баннер, – на полу около труп?

– Ага, а потом достали мешок и кирпичи.

Чувствуя ярость коллеги, Ева сжала ему под столом запястье.

– Ладно, Дэррил, теперь мы на верном пути. Вернемся к началу. Ничего не выпускай, иначе я не смогу защитить Элла-Лу. Дженсен, на двенадцатом шоссе, был первым, кого вы убили вместе?

– Чел из Арканзаса? Мы не хотели. Нужна была тачка, потому что пикап сдох. Элла-Лу его тормознула, а он на меня полез, и ей пришлось стукнуть его монтировкой. Упал неудачно. Чисто случайно, правда! Пришлось, конечно, для верности отоварить еще пару раз. А потом оттащили в кусты, вытерли пикап и перенесли вещи в его машину. Элла-Лу была на взводе – кровь и все такое. Отъехали чуть с дороги и, когда занялись любовью, это было как полет на звезде! Нереально! – Лицо Дэррила светилось. – Когда на следующий день снова занялись сексом – уже не то, и мы поняли, что нам надо, чтобы снова взлететь до луны. Это наша судьба, предназначение. Право любви!

– В следующий раз вы специально кого-то подыскивали?

– В следующий раз он вроде как сам нас нашел. Мы временно поселились в одном доме рядом с Сибилс-Понд, и тут заваливается какой-то глист плешивый. «Что вы тут делаете? Нехорошо взламывать!» Чокнутый такой, срань последняя. Я стукнул его кочергой, а потом мы придумали поддержать его маленько – если не будем спешить, может, летаем на звезде подольше. И, видит бог, полет был удачным!

– Подробно, Дэррил! И учти, твой рассказ должен совпасть с показаниями Эллы-Лу.

Следующие несколько часов он погружал их во все до единой ужасные подробности своего кровавого маршрута по стране.

Ева дважды, по просьбе Джеймса, посылала Баннера за лимонадом, заодно давая коллеге короткую передышку.

Когда закончили, поглядела на двустороннее смотровое окно и кивнула.

– Итак, Дэррил, это все?

– Да, богом клянусь! Если что-то выпустил – запомнил или в голове перепуталось. А теперь мы с Эллой-Лу будем вместе?

– Пока дело в моих руках, уговор в силе.

По условному сигналу вошел Звек с двумя агентами ФБР.

– Дэррил Рой Джеймс, вы арестованы по обвинению в двадцати девяти убийствах, похищении, насильственном лишении свободы и пытках. А также в похищении, насильственном лишении свободы и пытках Джейлы Кемпбелл и Рида Маллигана, покушении на убийство Джейлы Кемпбелл и изнасиловании Кемпбелл и Маллигана.

– Не понял... Я думал, меня еще раньше арестовали.

– То был департамент полиции и безопасности Нью-Йорка, – пояснила Ева, вставая. – Теперь вас обвиняют в федеральных преступлениях, и дело берет в свои руки ФБР. Вы взяты под стражу федеральными властями и будете препровождены в федеральную тюрьму.

– Вместе с Эллой-Лу?

– Черта с два!

– Вы обещали! – Дэррил развернулся к Еве. – Вы говорили!

– Пока дело было в моих руках, – пожала она плечами. – Теперь оно передано.

Подошла к Звеку и что-то прошептала. Тот кивнул и распорядился:

– Пусть сидит здесь.

Ева со Звеком и Баннером вышли. Сзади донеслись крики Дэррила – он звал Эллу-Лу.

– Сейчас мы с Пибоди оприходуем Парсенс. Вам все это снова слушать не обязательно, помощник шерифа.

– Нет, я участвую до конца. Только позвоню шефу и сяду наблюдать.

– Та же тактика? – поинтересовался Звек, когда Баннер отошел.

– Та же. Окажите мне огромную услугу, Звек! Не складывается у меня с торговыми автоматами... Возьмите мне пепси!

Когда она начала вытаскивать жетоны, он помотал головой.

– Угощаю! Я вам должен гораздо больше!

– Принято.

Напилась жадными глотками, хотя от тошноты шипучка не избавила.

Затем пошла делать то же самое и слушать то же самое из уст Эллы-Лу...

Эпилог

Когда Ева все закончила, хотелось на неделю в душ и год отсыпаться.

Подробный рассказ Эллы-Лу в общем повторял показания Джеймса. Возможно, он не был таким романтичным, без полетов на звезде, но выложила она все.

Что-то – со страхом от мысли, что с ней сделают нечто подобное. Что-то – с болезненной и страшной потребностью в мужчине, который перещелкнул в ней выключатель кровожадности.

Под конец, когда Элла-Лу отчаянно пыталась сдернуть наручники, проклинала Еву и орала на агентов ФБР, которые поставили ее на ноги и поволокли к выходу, Ева сдержала слово.

Дэррила вытолкнули из допросной, и они друг друга увидели.

– Дэррил! Дэррил! Помоги! Спаси меня!

Он бушевал, как умалишенный.

– Элла-Лу! Я тебя люблю, Элла-Лу! Я тебя найду! Нас не разлучат!

– Я люблю тебя, Дэррил! Я буду ждать! Всю жизнь!

Федералы поволокли их в противоположных направлениях, и по коридору еще долго носилось эхо отчаянных клятв.

Звек протянул Еве руку.

– Лейтенант, если я когда-нибудь буду вам полезен... Что угодно, в любое время – без вопросов!

– Спасибо. Хотелось бы знать, куда их отправят.

– В противоположные части вселенной. Обещаю!

Он отошел, и Ева надавила пальцами на глаза. Когда опустила руки, перед ней стоял Рорк.

– Ты еще здесь?

– Да, хотя несколько раз отлучался.

Он положил руки ей на плечи, и она жестом показала на допросную. Прикрыла дверь.

Позволила себе прислониться к нему, позволила себя обнять.

– Всегда думаешь, что хуже быть не может, не бывает. Надо так думать, иначе не сможешь работать. Хотя еще как бывает! Сегодня самое ужасное – слушать их рассказ: как они получали удовольствие, как заводились и называли это любовью.

– Ты сделала дело и передала полномочия ФБР. Это и есть любовь – к погибшим, правосудию, своей работе. Настоящая любовь!

Он крепче ее прижал и коснулся губ. От долгого ласкового поцелуя у нее на глаза навернулись жгучие слезы.

– Я знаю, знаю! Но полезно услышать еще раз. Сейчас возьму себя в руки...

– Увезу тебя домой.

– Подожди, надо связаться с матерью Купера, сказать, что их поймали.

– Конечно.

– Вдруг и она сможет перевернуть страницу... И еще – узнать, как там Кемпбелл.

– Мира и Уитни уже справлялись. Жива, настоящий боец! – Рорк чуть-чуть отстранил Еву и помассировал ей плечи. – Шансы теперь есть, состояние критическое, но не безнадежное. С ними обоими друзья и родные.

– Ладно. Хоть какой-то лучик света в этом навозе! И не последний. Пойдем со мной, тебе тоже будет не лишне...

– Лучики я люблю.

Она взялась за дверь, оглянулась.

– Что бы ни было, благодаря тебе я узнала настоящую любовь!

– Что бы ни было, ты показала мне, что любовь все меняет. Все возвышает! Все дает!

– Поужинаем сегодня вдвоем! Без копов и разговоров о делах, только мы с тобой. Как на свидании. Согласен?

– Хочешь свидание?

Она была удивлена не меньше.

– И правда, хочу...

– Тогда решено!

Успокоившись, она вышла из допросной.

– Приготовься, – прошептала Рорку и направилась к столу Бакстера.

– Захват так захват, лейтенант!

– Классика для учебников. Слушай, я знаю, ты переживал за Трухарта, но мне было немножко некогда из-за этой парочки влюбленных садистов.

– Понимаю. Он ничего, держится. Да и работа есть, только что закрыли вчерашнее дело. Я пытался что-то выяснить, но надо ждать еще сутки.

– Ха! И ты думаешь, я позволю подчиненным мучиться неизвестностью двое суток? Не подергаю за ниточки?

– Так вы узнали? Спасибо, Даллас! А можно...

Он повнимательнее взглянул ей в лицо и осекся.

– Черт!

– Слушай, Бакстер, экзамен сложный, куча народу не сдает с первой попытки...

– Да, все так... Черт! Лучше я сам ему скажу. Смягчу как-нибудь...

– Ага, лучше ты... Лучше сам скажи, что у нас в отделе теперь новый детектив! И у него – золотой жетон!

– Я... Что?

– Что ж ты за коп, если не чувствуешь, как тебя водят за нос!

– Он сдал?

– Сдал, Бакстер, с лёта! Гордись!

– Застрелиться! Застрелиться!..

Он привстал, и Ева заметила особый блеск в его глазах.

– Только попробуйте поцеловать меня, детектив, – неделю ходить не сможете!

– Ну срочно же надо кого-то поцеловать! Пибоди!

– Что?

Пибоди устало повернулась, а Бакстер уже сдернул ее со стула, наклонил и смачно приложился к губам.

– Эй, эй! – проговорила она, выпрямляясь.

– Трухарт! Ко мне! – заорал Бакстер.

– Новый вызов? – Трухарт прибежал искренний и сияющий в своей униформе.

– Нет, не в этот раз. Поздравляю, детектив!

– Я сдал? – Трухарт сглотнул. – Сдал?

– С лёта! – Бакстер пожал ему руку и обнял. – Молодец, напарник!

– Сдал... – повторил тот, словно молитву, и закрыл глаза.

Когда снова их открыл, посмотрел прямо на Еву. Бакстер еще раз по-мужски хлопнул его по спине, вокруг заплодировали. Трухарт подошел к Еве.

– Без вас ничего не получилось бы.

– Я дала тебе шанс, а ты сам взял крутой подъем. Поздравляю, детектив!

Он пожал ей руку и обнял.

Ввиду его молодости и особого случая она не стала возражать. Только посоветовала:

– Не обнимай начальство!

– Да, сэр! Нет, сэр! Так точно! – он со смехом ее отпустил.

– После смены – все в «Синюю Линию»! – объявил Бакстер. – Все до единого, черти! Я угощаю! Обмоем моего мальчика!

При перспективе бесплатной выпивки орации перешли в радостные

вопли.

– У меня... – начала было Ева.

Рорк сжал ей плечо.

– С величайшим удовольствием! – произнес он и погладил Еву по спине, глядя, как копы встают, хлопают Трухарта, трясут ему руку и поддразнивают.

– Я же сказала: только мы вдвоем... Ты не обязан!

– Начальница должна поднять бокал за нового детектива, и я с радостью присоединюсь. В нашем лучике света найдется место для нескольких копов... Мне сейчас надо отойти по делам. Найду тебя вечером!

«Да, – подумала Ева, глядя ему вслед, – он меня найдет». Они выпьют за хорошего молодого копа. И за тяжелую работу, которую сделали на славу. А потом – свидание!

Неплохой конец долгого дня.

notes

Примечания

1

Образ действий преступника (*лат.*).

Слава богу! (исп.)